

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

4

Выпуск (857)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2024

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

SOCIAL SCIENCES

4

Issue (857)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2024

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 4(857)

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор

В. К. Белозёров

доктор политических наук, профессор

Ответственный редактор

М. В. Пупышева

кандидат политических наук

Ответственный секретарь

А. А. Азаренкова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Брега А. В.	доктор политических наук, профессор (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации)
Велес Ривера Ф.	доктор социологических наук, профессор (Латиноамериканский факультет социальных наук, Эквадор)
Гайденко П. И.	доктор исторических наук, доцент (МГЛУ)
Джунушалиева Г. Д.	доктор исторических наук, доцент (Киргизско-Российский Славянский университет, Бишкек, Киргизия)
Касюк А. Я.	доктор исторических наук, профессор (МГЛУ)
Киселев С. Г.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Колесников А. А.	доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Косторниченко В. Н.	доктор экономических наук, доцент (МГЛУ)
Лапинс Вульф	Doctor honoris causa multiplex, доктор политических наук, профессор (WeltTrends Institut für Internationale Politik, Германия)
Новикова И. Н.	доктор исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет)
Образцов И. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Петров А. Ю.	доктор исторических наук (МГЛУ)
Примаков В. Л.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Пророкович Душан	доктор политических наук, профессор (Институт международной политики и экономики, Белград, Сербия)
Радиков И. В.	доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
Саблуков А. В.	доктор социологических наук, профессор (МГЛУ)
Сидорова Г. М.	доктор политических наук, профессор (МГЛУ)
Смирнов А. И.	доктор социологических наук (Институт социологии РАН)
Филимонов О. В.	доктор социологических наук, доцент (Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации)
Харичкин И. К.	доктор философских наук, профессор (МГЛУ)
Ширинянц А. А.	доктор политических наук, профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 4(857)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-chief
V. K. Belozyorov

Editor-in-charge
M. V. Pupysheva

Responsible Secretary
A. A. Azarenkova

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor

PhD (Political Sciences)

EDITORIAL BOARD

Brega Alexander	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
Fredy Veléz Rivera	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (Latin American Faculty of Social Sciences, Ecuador)
Gaidenko Pavel	Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor (MSLU)
Dzhunushalieva Gulmira	Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor (Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan)
Kasiuk Arsen	Doctor of History (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Kiselev Sergey	Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Kolesnikov Alexander	Doctor of History (Dr. habil.), Professor (St Petersburg University)
Kostornichenko Vladimir	Doctor of Economics (Dr. habil.), Associate Professor (MSLU)
Lapins Wulf	Doctor Honoris Causa Multiplex, Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor, Professor, Senior researcher in WeltTrends Institut für Internationale Politik (Germany)
Novikova Irina	Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor (St Petersburg University)
Obraztsov Igor	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Petrov Alexander	Doctor of History (Dr. habil.) (MSLU)
Primakov Viacheslav	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Proroković Dušan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor, (Institute of International Politics and Economics, Belgrade, Serbia)
Radikov Ivan	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor (St Petersburg University)
Sablukov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Sidorova Galina	Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Smirnov Alexander	Doctor of Sociology (Dr. habil.) (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)
Filimonov Oleg	Doctor of Sociology (Dr. habil.), Associate Professor (Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky)
Kharichkin Igor	Doctor of Philosophy (Dr. habil.), Professor (MSLU)
Shirinyants Alexander	Doctor of Political Sciences, Professor (Lomonosov Moscow State University)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Подходы к России в президентских кампаниях США 2016–2024 годов: сравнительный анализ БУРДИНА Е. В.	9
«Критическая геополитика» и ее практическая применимость для изучения ситуации на Ближнем Востоке ДЮРРЕ М. Э. И.	17
Потенциал делиберативной демократии в диалоге власти и общества в России ИТИУРИДЗЕ Л. А.	24
К вопросу о диспозитивном дискурсе ядерного сдерживания США и Европы ЛАПИНС В.	32
Потенциал расширения экономического взаимодействия ЕАЭС и Ирана КОМАРОВ Н. А.	42
Турция и НАТО: политический фон формирования сотрудничества УРПЕР М.	50
Соединенные Штаты Америки в XXI веке: утопия и реальность ШАКЛЕИНА Т. А.	55

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

К вопросу о финансовых злоупотреблениях гетмана И. Самойловича АЛМАЗОВ А. С.	65
Проекты объединения России и Польши в XVII веке БЫЧКОВ М. А.	73
Условия и предпосылки консервативной стабилизации в пореформенной России 70–80-х годов XIX века ЕРМАКОВ В. А.	81
Социокультурный аспект присутствия Британского контингента в Виргинии в первой половине XVIII века МАКАРОВ Е. П.	89

Русские тихоокеанские колонии: забытая страница отечественной истории XIX века ПЛОТНИКОВ А. Ю.	97
--	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Циркуляция маргинализационных процессов в науке и высшем образовании информационного социума АВЕРИНА М. В.	107
Особенности восприятия дополнительного образования и профессиональной карьеры «молодыми взрослыми» БЕССОНОВА М. О.	115
Особенности восприятия праздничных событий современной молодежью: социологический анализ ГОНЧАРОВА И. В., ПУШКАРЕВА Н. Н., ГУРОВ Г. А.	125
Проблемы изучения общественного мнения о деятельности полиции в российском обществе ДЕМИДОВ Н. Н.	133
Профессиональная идентичность: сущностные и межпредметные основания для анализа САЛИХОВА И. С.	140
Путь от безысходности до «феномена мирового масштаба»: опыт биографического анализа творческой деятельности Гулрухсор Сафиевой ХУШКАДАМОВА Х. О.	148

POLITICAL SCIENCES

Approaches Towards Russia in US 2016–2024 Presidential Campaigns: a Comparative Perspective BURDINA E. V.	9
«Critical Geopolitics» and Its Practical Applicability to the Study of the Situation in the Middle East DURRE M. E. I.	17
Deliberative Democracy in the Dialogue Between Government and Society in Russia ITIURIDZE L. A.	24
On the Discourse of US and European Nuclear Deterrence Diapositives LAPINS W.	32
Potential for Expanding Economic Cooperation between the EAEU and Iran KOMAROV N. A.	42
Turkey and NATO: the Political Background of the Formation of Cooperation URPER M.	50
America in the 21st Century: Utopia and Reality SHAKLEINA T. A.	55

HISTORICAL SCIENCES

On the Issue of Financial Abuses of Hetman I. Samoilovich ALMAZOV A. S.	65
Projects of Unification of Russia and Poland in the XVII Century BYCHKOV M. A.	73
Conditions and Prerequisites for Conservative Stabilization in Post-Reform Russia of the 70–80's of the XIX Century ERMAKOV V. A.	81
Socio-Cultural Aspect of the Presence British Contingent in Virginia in the First Half of the 18th Century MAKAROV E. P.	89

Russian Colonies in the Pacific and International Relations in the Asian-Pacific Region
in the XIX Century

PLOTNIKOV A. YU. 97

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Circulation of Marginalizing Processes in the Science and Higher Education
of the Information Society

AVERINA M. V. 107

Features of the Perception of Further Education and Professional Career
by “Young Adults”

BESSONOVA M. O. 115

Features of the Perception of Festive Events by Modern Youth:
a Sociological Analysis

GONCHAROVA I. V., PUSHKAREVA N. N., GUROV G. A. 125

Problems of Studying Public Opinion about Police Activities in Russian Society

DEMIDOV N. N. 133

Professional Identity: Essential and Interdisciplinary Base for Analysis

SALIKHOVA I. S. 140

The Path from Despair to a “Global Phenomenon”: an Experience
of Biographical Analysis of the Creative Activity of Gulrukhhor Safieva

KHUSHKADAMOVA KH. O. 148

Подходы к России в президентских кампаниях США 2016–2024 годов: сравнительный анализ

Е. В. Бурдина

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
burdina_e_v@my.mgimo.ru*

Аннотация. К 2024 году политика США в отношении России перешла в стадию противостояния. При этом сами США сталкиваются с внутривнутриполитической поляризацией, в связи с чем представляется актуальным выявить, есть ли различия в подходах к России между Республиканской и Демократической партиями. С этой целью проведен сравнительный анализ президентских кампаний 2016, 2020 и 2024 годов. Исследование показало, что подходы Республиканской и Демократической партий к России сближаются и определяются устоявшимся международным курсом США, а альтернативы не имеют достаточного влияния.

Ключевые слова: США, внешняя политика, предвыборная кампания, Россия, российско-американские отношения, Дж. Байден, К. Харрис, Д. Трамп, выборы 2024

Для цитирования: Бурдина Е. В. Подходы к России в президентских кампаниях США 2016–2024 годов: сравнительный анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 9–16.

Original article

Approaches Towards Russia in US 2016–2024 Presidential Campaigns: a Comparative Perspective

Elena V. Burdina

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
burdina_e_v@my.mgimo.ru*

Abstract. By 2024, the US has adopted a confrontational approach towards Russia while facing itself domestic political polarization. In this regard, it seems relevant to identify whether Republicans' and Democrats' approaches towards Russia differ. To achieve this goal, a comparative analysis of the presidential campaigns of 2016, 2020 and 2024 was carried out. The study shows that the approaches of the Republican and Democratic Parties towards Russia are converging and are determined by the established US international course, with alternatives having little influence.

Keywords: USA, foreign policy, presidential campaign, Russia, US-Russian relations, Joseph Biden, Kamala Harris, Donald Trump, 2024 elections

For citation: Burdina, E. V. (2024). Approaches Towards Russia in US 2016–2024 Presidential Campaigns: a Comparative Perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Внешняя политика США характеризуется преемственностью: в ее основе лежит кредо – представление о том, что только Соединенные Штаты могут и должны организовать мировой порядок, а другие страны должны в него встроиться [Vacevich, 2010]. Неприятие этой логики другими великими державами, прежде всего, Россией, и объективный процесс формирования полицентричного мирового порядка [Мегатренды, 2022] стали предпосылками начавшегося к 2020-м годам американо-российского противостояния, в рамках которого США ведут в отношении России «войну нового типа» – многоуровневое, комплексное, ультимативно-жесткое противодействие [Шаклеина, 2023]. При этом в США за последнее десятилетие продолжает нарастать поляризация [Печатнов, 2010; Печатнов, 2020; Журавлева, 2021], что означает раскол между представителями Демократической и Республиканской партий по внутри- и внешнеполитическим вопросам. Вопрос заключается в том, существуют ли расхождения между республиканцами и демократами по политике США в отношении России? Ответ на этот вопрос представляется актуальным для понимания логики выстраивания деятельности США в отношении России и оценки возможностей изменения этого курса.

Политика США в отношении России является предметом исследований российских политологов. Заслуживают внимания работы Т. А. Шаклеиной, в которых на основе партийных платформ, предвыборных заявлений, материалов аналитических центров детально проанализированы подходы Республиканской и Демократической партий к России с 1990-х по начало 2020-х годов [Шаклеина, 2022; Шаклеина, 2018]. Политика отдельных администраций на российском направлении рассматривается в монографиях под редакцией П. Т. Подлесного [Подлесный, 2010], В. А. Кременюка [Кременюк, Подлесный, 2002; Кременюк, 2012]. Период предвыборной кампании способствует активизации обсуждений политики США в отношении России. Российскому вопросу в президентских выборах посвящены статьи Н. М. Травкиной [Травкина, 2012], П. Г. Кошкина [Кошкин, 2019]. В 2023–2024 годах на фоне американо-российского противостояния в США прошла подготовка к шестидесятым президентским выборам, поэтому важно оценить современные позиции республиканцев и демократов, еще мало освещенные в научной и аналитической литературе. Опора на рассмотренную литературу и анализ прошлых предвыборных кампаний позволит проследить эволюцию изменения взглядов на Россию в США.

В рамках данной статьи предлагается провести анализ предвыборных кампаний в США в 2016–2024 годах с фокусом на позициях кандидатов по России, выявить сходства и различия в подходах кандидатов от Республиканской и Демократической партий, объяснить причины сближения их взглядов и возможных расхождений. Основными материалами для анализа являются заявления официальных лиц, партийные платформы, выступления кандидатов в президенты в ходе дебатов.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ 2016 ГОДА: СБЛИЖЕНИЕ ПОДХОДОВ

На выборах 2016 года дискурс кандидатов в президенты о России был определен изменениями в российско-американских отношениях, произошедшими при втором президентском сроке Б. Обамы. В Стратегии национальной безопасности 2015 года Россия была названа угрозой для США, поводом для чего стало возвращение к России Крыма, обострение проблем вокруг Украины, противоречия США и России в Сирии. Глубинными причинами этих геополитических процессов и событий являлись, с одной стороны, обострение глобального противостояния, с другой – общая нацеленность США на глобальное доминирование и связанная с ними конфликтность, присущая их международной деятельности [Белозеров, 2015]. Эта характеристика России была принята как Республиканской, так и Демократической партией.

В ходе дебатов кандидаты от Республиканской партии акцентировали внимание на противоречиях США и России на Ближнем Востоке: подчеркивали, что Россия сотрудничает с Ираном, который бросает вызов американским интересам, поддерживает «врага» США в конфликте в Сирии¹. Также говорилось о кибератаках, которые осуществляет Россия против США и их союзников, и о необходимости поддерживать военными поставками европейские страны-члены НАТО и Украину². При

¹Republican Candidates Debate in Greenville, South Carolina. February 13, 2016 (PARTICIPANTS: Former Governor Jeb Bush (FL); Ben Carson; Senator Ted Cruz (TX); Governor John Kasich (OH); Senator Marco Rubio (FL); and Donald Trump). URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-candidates-debate-greenville-south-carolina>

²Republican Candidates Debate in Cleveland, Ohio. August 06, 2015 (PARTICIPANTS: Former Governor Jeb Bush (FL); Ben Carson; Governor Chris Christie (NJ); Senator Ted Cruz (TX); Former Governor Mike Huckabee (AR); Governor John Kasich (OH); Senator Rand Paul (KY); Senator Marco Rubio (FL); Donald Trump; and Governor Scott Walker (WI)). URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-candidates-debate-cleveland-ohio>

этом наблюдалось расхождение в риторике между Д. Трампом и большинством кандидатов: первый полагал, что с Россией возможно договориться и необходимо сосредоточиться на борьбе с терроризмом, в частности, с ИГИЛ¹. Д. Трамп подчеркивал, что Россия опережает США в вооружениях, и необходимо принять меры по преодолению этого разрыва. Другие кандидаты-республиканцы делали акцент на конфронтации с Россией².

Демократическая партия в ходе предвыборных дебатов уделяла несколько меньше внимания России, чем Республиканская партия. Основной зоной столкновения интересов в ходе дебатов была названа Европа, кандидаты предлагали укреплять трансатлантическую солидарность — в этом они сходились с Республиканской партией. Что касается Ближнего Востока, то в ходе дебатов перед первичными выборами предполагалось, что с Россией можно сотрудничать в уничтожении ИГИЛ³, однако в конечном счете преобладающей стала точка зрения, согласно которой Россия не борется против террористов, а поддерживает авторитарные режимы в регионе — эту позицию отстаивала Х. Клинтон⁴.

В платформе Демократической партии 2016 года говорилось о необходимости сдерживания России совместно с НАТО и укрепления евроатлантического сотрудничества. Подчеркивалась важность взаимодействия с народом России и оказания давления на руководство страны с целью «соблюдения фундаментальных прав человека»⁵. Таким образом, политика в отношении России должна была выстраиваться по двум направлениям: нарастание конфронтации на официальном уровне и более активное взаимодействие с российским обществом. Иными словами, предполагался подход двух треков — политика, активно применявшаяся при администрации Б. Обамы. Вся платформа Демократической партии была выстроена на отрицании предложений Республиканской партии

(конкретно — Д. Трампа), и подход к России не стал исключением.

В платформе Республиканской партии упор был сделан на «авторитарный» характер России и была проведена параллель между сдерживанием СССР и современной России⁶. Как и в платформе Демократической партии, народ(ы) России и руководство страны были разграничены: с представителями общества необходимо выстраивать дружественные отношения по вопросам, представляющим общий интерес для США и России, а на официальном уровне — сдерживать российскую «агрессию». В качестве одного из методов сдерживания было названо более тесное сотрудничество со странами Центральной Азии.

Непосредственно перед президентскими выборами в правящих кругах США внимание к России возросло. Х. Клинтон использовала эту тему в качестве оружия против Трампа, заявляя о поддержке Россией кандидата-республиканца и ее вмешательстве в выборы, в том числе посредством кибератак. Д. Трамп занял сдержанную позицию, подчеркивая, что исполнитель кибератак неизвестен и что Россия нанесла дипломатические поражения администрации Б. Обамы⁷. В результате после выборов 2016 года тема вмешательства России в выборы и угрозы, которую она несет для демократии, стала поводом для нападок на администрацию Д. Трампа. Выражением адресуемых России упреков стал доклад специального прокурора Р. Он утверждал, что Россия «систематически» вмешивалась в выборы, хотя президент и его коллеги по кампании не сотрудничали с Россией специально⁸.

Таким образом, подходы республиканцев и демократов к России, озвученные в ходе выборов 2016 года, сближались: Россия подвергалась критике за авторитаризм, объявлялась угрозой, которую необходимо сдерживать, одновременно воздействуя на население страны. Параллельно антироссийским тенденциям в правящих кругах США тема «вмешательства» России стала инструментом внутриполитической борьбы против «несистемного кандидата» — Д. Трампа.

¹ИГИЛ — террористическая организация, деятельность которой запрещена в России.

²Republican Candidates "Undercard" Debate in Simi Valley, California. September 16, 2015 (PARTICIPANTS: Senator Lindsey Graham (SC); Governor Bobby Jindal (LA); Former Governor George Pataki (NY); and Former Senator Rick Santorum (PA)) // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/republican-candidates-undercard-debate-simi-valley-california>

³Democratic Candidates Debate in Durham, New Hampshire. February 04, 2016 (PARTICIPANTS: Former Secretary of State Hillary Clinton; and Senator Bernie Sanders (VT)) // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/democratic-candidates-debate-durham-new-hampshire>

⁴URL: <https://www.newarab.com/opinion/ignorance-and-intervention-trump-and-clinton-debate-syria>

⁵2016 Democratic Party Platform // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-democratic-party-platform>

⁶2016 Republican Party Platform // The American Presidency Project. — URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2016-republican-party-platform>

⁷Presidential Debate at the University of Nevada in Las Vegas. October 19, 2016 (PARTICIPANTS: Former Secretary of State Hillary Clinton (D); and Businessman Donald Trump (R)) // The American Presidency Project. — URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/presidential-debate-the-university-nevada-las-vegas>

⁸Report On The Investigation Into Russian Interference In The 2016 Presidential Election. Vol. 1. // US Department of Justice, 2019. URL: <https://www.justice.gov/archives/sco/file/1373816/download>

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ 2020 ГОДА: ПРЕВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ В ИНСТРУМЕНТ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Выборы 2020 года были примечательны тем, что Республиканская партия не проводила официальных дебатов (состоялись только дебаты, спонсируемые частными компаниями, в которых не участвовал Д. Трамп) и не стали обновлять свою платформу. Демократическая партия, в свою очередь, провела не просто избирательную кампанию, но кампанию по дискредитации Д. Трампа, фактически делая упор на цивилизационный выбор, предстоящий Соединенным Штатам [Травкина, 2020]. На международном уровне эти тенденции проявились в ужесточении подхода к России. В ходе дебатов о России говорилось, прежде всего, как о геополитической угрозе демократии по всему миру: Россия вмешивается в выборы, наносит урон демократическим институтам, использует информацию и личные данные, полученные в ходе кибератак, в качестве оружия. Усиление России вменялось в вину Д. Трампу. В качестве контрмер предлагалось усилить информационную кампанию против России и заморозить российские активы и активы президента России. Единственной областью, в которой признавалось возможным сотрудничество, был назван контроль за вооружениями. Эти политические установки были зафиксированы в платформе Демократической партии 2020 года¹. Россия в документе была названа «ревизионистским» государством. По сравнению с кампанией 2016 года, возросло негативное отношение к России, уровень исходящей от нее угрозы был признан более высоким и теперь касался фактически всех сфер русско-американских отношений, а не только столкновений интересов в отдельных регионах. Также была развита тема вмешательства России в выборы 2016 года и возможных злонамеренных действий в 2020 году².

Итак, к 2020 году российское направление внешней политики стало инструментом острой внутривнутриполитической борьбы, усиливающейся на фоне

¹2020 Democratic Party Platform // The American Presidency Project.

URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2020-democratic-party-platform>
URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2020-democratic-party-platform>

²Democratic Candidates Debate in Charleston, South Carolina. February 25, 2020 (PARTICIPANTS: Former Vice President Joseph Biden; Former Mayor Michael Bloomberg (New York City); Mayor Pete Buttigieg (South Bend, IN); Senator Amy Klobuchar (MN); Senator Bernie Sanders (VT); Tom Steyer; and Senator Elizabeth Warren (MA)) // The American Presidency Project.

URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/democratic-candidates-debate-charleston-south-carolina-0>

партийно-политической поляризации. Демократическая партия предлагала комплексное наращивание давления на Россию, в то время как Республиканская партия не выступала с инициативой и не предлагала никаких альтернатив.

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ КАМПАНИЯ 2024 ГОДА: СДЕРЖИВАНИЕ РОССИИ

В настоящее время соотношение политических сил США стало иным, нежели в 2020 году. Так, в 2024 году Республиканская партия провела более оживленную подготовку к выборам, чем Демократическая. Внешнеполитические вопросы привлекали большое внимание кандидатов в президенты, но далеко не все из них предложили собственный анализ этих проблем. Они выступали, ограничиваясь общими, иногда клишированными заявлениями.

Многие кандидаты, принимавшие участие в кампании внутри Республиканской партии (отказавшиеся затем от выдвижения), придерживались «ястребиных» позиций и называли Россию угрозой или «врагом»³. Значительный акцент был сделан на необходимости наращивания военной мощи США и военных поставок Украине, на чем настаивал бывший вице-президент М. Пенс⁴. Что касается Д. Трампа, то он полагает, что противостояние с Россией не является жизненно важным интересом США. По его мнению, это в первую очередь проблема европейских стран, и они должны вносить больший вклад в ее решение. Д. Трамп высказывал опасения, что Россия и США находятся в риске ядерной войны⁵. Таким образом, президент развивал свои идеи, высказанные в предвыборную кампанию 2016 года и нашедшие отражение в политике его администрации.

В Демократической партии предвыборная гонка не имела такого интенсивного характера, как в Республиканской партии. Кандидаты, принимавшие участие в кампании, не делали заявлений о необходимости изменения политики США в отношении России. Исключением можно назвать

³Среди них Д. Бёграм. URL: <https://www.dougburgum.com/why-doug>; А. Хатчинсон. URL: <https://www.asa2024.com/>; Н. Хейли. URL: <https://nikkihaley.com/>

⁴Pence M. Only Weapons Can End the Ukraine War // Wall Street Journal. 13.06.2023.

URL: https://www.wsj.com/articles/weapon-military-humanitarian-aid-ukraine-russia-war-mike-pence-biden-e5a5daba?mod=opinion_lead_pos8

⁵Republican 2024 hopefuls respond to Tucker Carlson's questions about their stance on Russia-Ukraine war // Fox News. 13.03.2023.

URL: <https://www.foxnews.com/media/republican-2024-hopefuls-respond-tucker-carlsons-questions-about-stance-russia-ukraine-war>

позицию Роберта Кеннеди-младшего, который впоследствии отказался участвовать в выборах от Демократической партии. Он выступал за демилитаризацию в глобальных масштабах, дипломатическое завершение конфликта на Украине, отвод вооружений НАТО и ракетных комплексов от российских границ в обмен на вывод войск России из Украины и гарантии независимости и территориальной целостности на Украине с миротворческим контингентом ООН на юго-востоке страны. Перечисленные меры предлагались для того, чтобы обеспечить безопасность «русскоязычных регионов»¹. Представляется, что этот план отчасти созвучен инициативам мирного урегулирования кризиса, представленным в 2014 году, и предложениям России о гарантиях безопасности от 2021 года. Однако приоритеты России и ситуация в мире изменились, и указанные меры на практике не могут быть реализованы. Маловероятен и сценарий отказа США от «имперской» политики. Как пишет Э. Басевич, военное присутствие США во всем мире является необходимым условием ее внешней политики [Bacevich, 2010]. Соответственно, отказ от проецирования военной силы может быть воспринят как нарушение самих основ американского доминирования и вызвать сопротивление истеблишмента, особенно «ястребов». Тот факт, что Р. Кеннеди-младший продолжил участие в выборах в качестве независимого кандидата, подтверждает глубокое расхождение между изложенной им позицией и партийным мейнстримом.

Отличия выборов 2024 года от президентских кампаний 2016 и 2020 годов заключаются в меньшем внимании к теме вмешательства в выборы, большем акценте на угрозах, исходящих как от России, так и от Китая. Образ России часто персонифицируется, сводится к личности президента страны. По сравнению с прошлыми кампаниями, меньше говорилось об отдельном направлении работы с населением России. Таким образом, политика двухтреков в условиях многоуровневой конфронтации становится неактуальной. Кандидаты в целом сходились во взглядах на отношения с Россией, требуя ее сдерживания обычными для американской внешней политики методами: наращиванием военного потенциала, экономическим и санкционным давлением, информационным воздействием на государства, которые граничат с Россией. Политическое поведение кандидатов в президенты во многом определено установками, заданными в стратегических документах администрации Дж. Байдена и в целом преемственностью американской внешней политики: Россия и Китай представляются опасными для США

¹URL: <https://www.kennedy24.com/>

с 2015–2017 года. В то же время в утверждениях об угрозах проявляется черта американской внешней политики, о которой писал П. Пиллар – склонность к поиску «монстров» и демонизации врагов [Pillar, 2016].

Заключительные дебаты между Д. Трампом и К. Харрис, сменившей Дж. Байдена в качестве кандидата от Демократической партии, а также опубликованные партийные платформы показали, что представители обеих партий нацелены на сдерживание России. Разница заключается в риторике и в предлагаемых методах. Если демократы подчеркивают важность укрепления союзов и солидарности², особенно в НАТО, то республиканцы выделяют необходимость инвестировать в военную мощь США и американское производство. Демократическая партия делает акцент на недопущение сближения России с Ираном и Китаем³, фактически на «изоляцию» государства. В платформе Республиканской партии⁴ не содержится упоминания России, однако предлагаемые методы Д. Трампа – понижение цен на нефть, введение высоких тарифов, давление на руководство страны, развитие вооружений⁵ – представляют собой политику сдерживания России в несколько иной, чем у Демократической партии, форме.

Можно говорить об идейном кризисе в американском политико-академическом сообществе и об ограничении свободы слова, когда не приветствуется любое отклонение от политического и идеологического мейнстрима. Создавшееся положение существенно отражается на том, что говорится в ходе избирательных кампаний. Выступления кандидатов как от Демократической, так и Республиканской партий, а также других представителей партий, изобилуют клише и стереотипами. Так, очень часто делались заявления о том, что нужно «заставить Россию понести ответственность за свои действия». Подобные клише уже устоялись в американском политическом лексиконе и встречают одобрение у представителей разных заинтересованных групп, например, у представителей военно-промышленного комплекса. Подчеркивается непоколебимый статус США на

²Address Accepting the Democratic Presidential Nomination in Chicago, Illinois. August 22 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-accepting-the-democratic-presidential-nomination-chicago-illinois>

³2024 Democratic Party Platform // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2024-democratic-party-platform#ch9>

⁴2024 Republican Party Platform // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2024-republican-party-platform>

⁵Interview on "The Joe Rogan Experience". October 25, 2024 // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/interview-the-joe-rogan-experience>

международной арене и стремление нанести поражение России. Такие заявления успешно «продаются» на «рынке внешнеполитических идей» [Drezner, 2017, с. 7–8].

Хотя в избирательной кампании 2024 года были сделаны отдельные заявления о необходимости сократить глобальное присутствие и вмешательство США и тем самым снизить конфронтационность в отношениях с Россией, этот подход не стал реальной альтернативой устоявшемуся курсу США на закрепление глобального доминирования. Республиканцы и демократы нацелены на сдерживание России с использованием экономических и военно-политических средств, в связи с чем крайне маловероятны изменения в политике США в отношении России после смены власти в Белом доме.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2022–2024 годах Россия и США вступили в противоборство, основная причина которого – вопросы формирования нового мирового порядка и глубокие расхождения в подходах к безопасности, решению региональных и глобальных проблем. В условиях партийно-политической поляризации в США вопросы отношений с Россией становятся инструментом внутривнутриполитической борьбы, что осложняет разработку конструктивных подходов к выстраиванию российского направления внешней политики США.

Сравнительный анализ предвыборных президентских кампаний 2016, 2020 и 2024 годов показал, во-первых, что подходы республиканцев и демократов к России сближались: обе партии

предлагали сдерживание России путем экономического и военно-политического давления, более активное взаимодействие и влияние европейских союзников на страны постсоветского пространства, воздействие на российское общество. Во-вторых, нарастала критика в адрес России от представителей обеих партий – обвинения в авторитаризме и ревизионизме, вмешательстве в американские выборы, «агрессивной политике». Конфронтационный и безапелляционный характер риторики предвыборных кампаний можно объяснить тем, что в американских внешнеполитических документах Россия обозначена как угроза, требующая ужесточения политики США. Хотя в начале предвыборной «гонки» 2023–2024 годов звучали предложения проводить более умеренную политику в отношении России, больше концентрироваться на внутренних проблемах США, в дискуссиях не было предложено альтернатив официальному курсу. Таким образом, обсуждения выстраиваются в рамках существующей внешнеполитической линии, оказывающей решающее влияние на формирование подходов к России.

Учитывая рост российско-американских противоречий по глобальным и региональным вопросам, активизацию усилий обеих держав по формированию мирового порядка на основе разных моделей (однополярный-западоцентричный и многополярный-евразийский), а также нарастание внутривнутриполитических противоречий в Соединенных Штатах, вряд ли стоит ожидать изменения курса США в отношении России в среднесрочной перспективе. Внутривнутрипартийные дискуссии и обсуждения в рамках предвыборных кампаний в 2016–2024 годы показывают

отсутствие действительно масштабных альтернатив существующей политике и способствуют закреплению складывавшихся в XXI веке подходов к России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vacevich A. *Washington Rules. America's Path to Permanent War*. N. Y.: Metropolitan Books, 2010.
2. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. М.: Аспект Пресс, 2022.
3. Шаклеина Т. А. Отношения России и США в начале 2020-х годов: новые перспективы для формирования незападоцентричного мирового порядка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 48–55.
4. Печатнов В. О. Поляризованная Америка // Вестник Московского института международных отношений (У). 2010. Вып. 2 (11). С. 282–293.
5. Печатнов В. О. США в тисках кризисов // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Вып. 10. С. 5–16.
6. Журавлева В. Ю. Американский президент в поляризованной среде: от Б. Обамы к Дж. Байдену // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Вып. 3. С. 334–347.
7. Шаклеина Т. А. *Россия и США в мировой политике*. М.: Аспект Пресс, 2018.

8. Шаклеина Т. А. Россия и США в современных международных отношениях. М.: Аспект Пресс, 2022.
9. Внешнеполитическая стратегия республиканской администрации США (2001–2002): монография / под ред. В. А. Кременюка, П. Т. Подлесного. М.: Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН, 2002.
10. Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009–2012) / отв. ред. В. А. Кременюк. М.: Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН, 2012. С. 7–30.
11. Подлесный П. Т. Формирование внешнеполитического курса администрации Б. Обамы в отношении России: первые итоги, трудности, перспективы. М.: Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН, 2010.
12. Травкина Н. М. Фактор России в избирательной кампании 2012 г. // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. Вып. 7 (511). С. 15–24.
13. Кошкин П. Г. «Российское досье» как внутривнутриполитический фактор в США // Россия и Америка в XXI веке. 2019. Вып. S1. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760005318-6-1/>
14. Белозеров В. К. Стратегия национальной безопасности США как новый манифест глобальной гегемонии // Власть. 2015. Вып. 4. С. 19–24.
15. Травкина Н. М. Величие Америки: былое или будущее? (платформы Демократической и Республиканской партий в 2020 г.) // Россия и Америка в XXI веке. 2020. № 3. URL: <https://rusus.jes.su/s207054760011708-5-1/>
16. Pillar P. L. Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception. New York: Columbia University Press, 2016.
17. Drezner D. The Ideas Industry: How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. Oxford University Press, 2017.

REFERENCES

1. Bacevich, A. (2010). Washington Rules. America's Path to Permanent War. N.Y.: Metropolitan Books.
2. Shakleina, T.A., Baikov A.A. (Eds.). (2022). Megatrends: World Order Evolution in the 21st Century. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
3. Shakleina, T. A. (2023). Russia and the United States at the Beginning of 2020s: New Perspectives for the Formation of Non-West World Order. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 48–55. (In Russ.)
4. Pechatnov, V. O. (2010). Polarized America. MGIMO Review of International Relations, 2(11), 282–293. (In Russ.)
5. Pechatnov, V. O. (2020). America Gripped by Crises. World Economy and International Relations, 10, 5–16. (In Russ.)
6. Zhuravleva, V. Yu. (2021). American Presidents in Polarized D.C.: From Barack Obama to Joe Biden. Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations, 3, 334–347. (In Russ.)
7. Shakleina, T. A. (2018). Russia and the United States in World Politics. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
8. Shakleina, T. A. (2022). Russia and the United States in Contemporary International Relations. Moscow: Aspect Press. (In Russ.)
9. Kremenuyk, V. A., Podlesny, P. T. (2002). Foreign Policy Strategy of the Republican Administration (2001–2002). Moscow: Institute for US and Canadian RAN. (In Russ.)
10. Kremenuyk, V. A. (2012). Foreign Policy of Obama Administration (2009–2012) (pp. 7–30). Moscow: Institute for US and Canadian RAN. (In Russ.)
11. Podlesny, P. T. (2010). Shaping Policy Regarding Russia Under B. Obama: the First Results, Difficulties, Prospects. Moscow: Institute for US and Canadian RAN. (In Russ.)
12. Travkina, N. M. (2012). Factor of Russia in the U.S. Presidential Campaign 2012. USA & Canada: Economics – Politics – Culture, 7(511), 15–24. (In Russ.)
13. Koshkin, P. G. (2019). Russia Dossier as a Domestic Policy Factor in the United States. Russia and America in the 21th Century. S1. <https://rusus.jes.su/s207054760005318-6-1/> (In Russ.)
14. Belozеров, V. K. (2015). The National Security Strategy of the United States as a New Manifesto of the Global Hegemony. Vlast', 4, 19–24. (In Russ.)
15. Travkina, N. M. (2020). American Greatness: Past or Future? (Platforms of Democratic and Republican parties in 2020). Russia and America in the 21th Century. 3. <https://rusus.jes.su/s207054760011708-5-1/> (In Russ.)
16. Pillar, P. L. (2016). Why America Misunderstands the World. National Experience and Roots of Misperception. N. Y.: Columbia University Press.
17. Drezner, D. (2017). The Ideas Industry: How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурдина Елена Владимировна

аспирант

Московского государственного института международных отношений

Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Burdina Elena Vladimirovna

Postgraduate Student

Moscow State Institute of International Relations

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	10.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	10.10.2024	
принята к публикации	18.11.2024	

«Критическая геополитика» и ее практическая применимость для изучения ситуации на Ближнем Востоке

М. Э. И. Дюрре

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
ikbal@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается определение «критической геополитики», дается описание методов этого направления, выступающего также в роли научно-прикладной дисциплины в таких сферах знания, как политология и наука о международных отношениях. Приводится сравнение «классической» и «критической» геополитики. Подчеркивается более многосторонний исследовательский подход и больший практически-прикладной характер «критической геополитики». Отмечается важность и практичность исследования ее методами такого значимого и динамично развивающегося региона, как Ближний Восток. Приводится общая схема-матрица такого исследования. Источниками исследования являются публикации в научных изданиях.

Ключевые слова: геополитика, исследования, методы, схема, Ближний Восток, регион

Для цитирования: Дюрре М. Э. И. «Критическая геополитика» и ее практическая применимость для изучения ситуации на Ближнем Востоке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4(857). С. 17–23.

Original article

“Critical Geopolitics” and its Practical Applicability to the Study of the Situation in the Middle East

Mehmet E. I. Durre

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
ikbal@mail.ru*

Abstract. The article discusses the definition of “critical geopolitics”, describes the methods of this direction, which also acts as a scientific and applied discipline in such fields of knowledge as political science and the science of international relations. A comparison of “classical” and “critical” geopolitics is presented. A more multilateral research approach and a greater practical-applied nature of “critical geopolitics” are emphasized. The importance and practicality of studying such a significant and dynamically developing region as the Middle East is noted. The general scheme-matrix of such research is given. The sources of the research are publications in scientific journals.

Keywords: geopolitics, research, methods, scheme, Middle East, region

For citation: Durre, M. E. I. (2024). “Critical Geopolitics” and its practical applicability to the study of the situation in the Middle East. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 17–23. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Критическая геополитика – сравнительно новое, а потому вплоть до настоящего времени продолжающее свое формирование и развитие направление в рамках политической географии, теории международных отношений, а также собственно геополитики как научной и одновременно практической дисциплины.

Термин «критическая геополитика» был предложен впервые американскими учеными Саймоном Дэлби и Джерардом О'Тоалом в конце 1980-х годов, а в научно-информационный оборот и практику он был введен статьей О'Тоала и Джона Эгню «Геополитика и дискурс: практические геополитические рассуждения в американской внешней политике», опубликованной в 1992 году. При этом она имеет и более ранние истоки, восходящие к наработкам французской геополитической школы и направлению «гуманитарная география». Их представляют такие имена, как Ив Лакост, Мишель Фуше, Жан Готтман и Поль Видаль де ла Блаш

Классическая геополитика полагает, что все политические процессы в мире, хотя и имеют различный уровень и масштаб, предопределены существующим и сохраняющимся вечно мировым географическим порядком, а также сформированными историческим процессом политическими константами (например, одни страны в политике воспринимаются как «империи», а другие – нет). Классическая геополитика отстаивает постоянство географических факторов и считает их наиболее существенным ориентиром для политиков. При этом ее основные концепции (борьба морских и сухопутных держав, противостояние Севера и Юга, борьба за «Хартлэнд» (*англ.* «сердцевина», термин, предложенный британским географом Дж. Макиндером в 1906 году, под которым понималась Северная Евразия) и «Римлэнд» (*англ.* «Дуговая земля», термин введен американским политологом Н. Спикмэном в 1940 году и означает земли к югу, юго-востоку и юго-западу от условного «Хартлэнда», являвшимся наиболее удобным плацдармом для экспансии)), отличались своеобразной бинарностью и словно были запрограммированы на исключительно военное разрешения геополитических проблем.

Классическая геополитика практически не учитывала в своих раскладах и концепциях геоэкономического фактора, т. е. влияние процессов, происходящих в народном хозяйстве, торговле, уровне благосостояния жителей.

Наконец, классическая геополитика оперирует историко-географическими схемами, сформировавшимися в определенные периоды и ей часто

недоставало изучения геополитических ситуаций в динамике, которая в них присутствует и особенно в последнее время стала очень значимым фактором.

КРИТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА, ЕЕ ПРЕДМЕТ И МЕТОД

Российский исследователь Игорь Окунев отмечает: «в последние десятилетия ее [геополитику. – И. Д.] – пожалуй, чуть позже других социальных наук – затронул постмодернистский сдвиг: появилось целое направление, которое, отказавшись от глобальных рассуждений, обратилось к анализу того, как формируются конкретные геополитические представления. Представители этого направления предположили, что геополитика государств формируется не под влиянием фундаментальных естественных законов и структур пространства, а посредством географического воображения и пространственных мифов – другими словами, под влиянием мира идеального. Это предопределило обращение к новым методам исследования, в частности, дискурс-анализу, что до сих пор в геополитике казалось nonsensom. Активно развиваемое новое направление получило название критической геополитики» [Окунев, 2012, с. 6].

Исследователь также указывает на то, что появление «критической геополитики» именно в конце «холодной войны» было вполне закономерным, поскольку многие американские и европейские ученые тогда ощущали необходимость определить связь между идеями и политическими практиками, связанными с территориальным экспансионизмом и доминирующей ролью пространства» [там же]. С нашей точки зрения, критическая геополитика как направление возникла из необходимости придать геополитике как научно-теоретической и в некоторых аспектах прикладной дисциплине более динамичный, конкретный, актуальный и в силу перечисленных обстоятельств также практичный характер.

Предмет, специфику и категории критической геополитики одновременно и полно, и емко, описал в своей статье британский исследователь Иэн Клинке. Он указал на следующее: «Критическая геополитика – это свободная платформа, возникшая в 1990-х годах на стыке политической географии и международных отношений. Несмотря на широкий спектр противоречивых положений, лежащих в ее основе, критическая геополитика также едина – благодаря своему отказу от классических геополитических рассуждений. Классическая геополитика, тесно связанная с традицией политического реализма в международных отношениях, рассматривается критической геополитикой как идеология (или,

«дискурс»), узаконившая некоторые из самых кровопролитных военных кампаний XX и начала XXI века <...> Трудно обрисовать критическую геополитику, не углубляясь в более широкие философские дебаты, лежащие в основе ее подхода. Однако можно подойти к критической геополитике через ее взаимосвязь с классической геополитикой. Таким образом, мы могли бы утверждать, что критическая геополитика сосредотачивается вокруг четырех ключевых вопросов (пространство, идентичность, видение и государственное управление), которые она определяет как ядро самой (классической) геополитики»¹.

Пространство имеет важное значение для критической геополитики. Однако в отличие от классической геополитики, она ставит под сомнение любую простую причинно-следственную связь между географическим пространством и глобальной политикой. Вместо этого она исследует социальное конструирование пространства – способ, которым пространство наполняется смыслом благодаря широкому кругу геополитических акторов и их идей. Вместо понимания людей и государств как заложников и «марионеток» географии и геополитики, для критического направления они являются его источником.

В рамках классической геополитики установлены некие мировые константы («суша» против «моря», вечная борьба за власть). Они являются частью как понимания первичного географического пространства с людьми, населяющими его, так и активного, часто насильственного преобразования этого пространства (Восток / Запад, Ближний Восток, жизненное пространство и т. д.). С таким видением «пространства» (не как причинного фактора, а как чего-то, что конструируется с помощью геополитики) тесно связано понимание идентичности критической геополитикой. Пространство, идентичность рассматривается не как нечто заранее данное (то, что государства уже «имеют»), а как постоянно обсуждаемое и изменяемое.

Что критическая геополитика добавляет к существующему пониманию идентичности в международных отношениях, так это акцент на пространственном конструировании социальной идентичности. Установив, что геополитика функционирует для формирования пространственной идентичности, отличая незнакомого «другого» от знакомого критическая геополитика придерживается точки зрения, что классическая геополитика предполагает статичное и упрощенное видение мира. Критическая геополитика также

указывает на то, что геополитика исторически служила инструментом государственного управления как форма знания, которая связана с возникновением современного государства.

Геополитическая мысль служила руководством к управлению государством, и, следовательно, легитимацией эксклюзивистских внешнеполитических планов и вторжений по всему миру. Именно через институты реализации геополитики (аналитические центры, университеты и правительственные органы) государство добывает знания о других странах и регионах.

Таким образом, критическая геополитика является не дополнением к классической геополитике (хотя она безусловно сопутствует ей), а ее альтернативой. Всё вышесказанное сведем к следующим тезисам:

1. Если классическая геополитика по своей концепции, инструментам и методам исследования является сплавом географии и такой дисциплины, как «теория международных отношений», то критическая геополитика как область знания и исследований более многогранна. По сути дела в ней на основе географического фактора исследуются темы и проблемы, связанные с такими дисциплинами, как история, социология, политология, социальная, этническая и политическая психология.

2. В отличие от классической геополитики, геополитика критическая в большей динамике и более многогранно рассматривает причинно-следственные связи между географическим фактором и другими сторонами общественного и политического бытия людей. Такая многоаспектность критической геополитики привела к тому, что по мере своей эволюции она постепенно превратилась из формирующейся области гуманитарного знания, претендующей на то, чтобы стать отдельной дисциплиной, в собирательное определение для отдельных, ранее нехарактерных для классической геополитики областей исследования. В настоящее время в рамках определения критическая геополитика различают четыре различных направления исследований, не слишком тесно пересекающихся между собой.

Популярная геополитика

Популярная геополитика базируется на представлении о том, что геополитические идеи формируются не только государством, интеллектуальными элитами и политиками. Они также формируются и передаются через массовую культуру и повседневные практики. Популярная культура формирует здоровое понимание мировой политики с помощью фильмов, книг, журналов, а также вербальной коммуникации между отдельными людьми и их группами.

¹Ian Klinke: Five minutes for critical geopolitics – A slightly provocative introduction. URL: https://exploringgeopolitics.org/publication_klinke_ian_five_minutes_for_critical_geopolitics_a_slightly_provocative_introduction/

Структурная геополитика

Структурная геополитика определяется как современная традиция геополитических исследований с использованием математических, кибернетических методов, информационных технологий и т. п. Ее суть заключается в структурном анализе составляющей конкретной ситуации межрегионального, регионального или странового уровня с последующим синтезом результатов и формулировкой концептуальных выводов, имеющих стратегическое значение.

Формальная геополитика

Формальная геополитика – это, в значительной мере, определение, сформулированное критической геополитикой для геополитики традиционной. Это способы, с помощью которых официальные субъекты внешней политики и профессионалы – включая аналитические центры и академические круги – решают геополитические вопросы.

Практическая геополитика

Практическая геополитика описывает реальную практику геополитической стратегии (т. е. внешней политики). Исследования практической геополитики фокусируются как на геополитических действиях, так и на геополитических рассуждениях. Значение имеет также то, каким образом они связаны как с формальным, так и с популярным геополитическим дискурсом.

Критическая геополитика рассматривает геополитику как дискурс, т. е. как теоретическую концепцию, одновременно тесно связанную с реальной действительностью и конкретной ситуацией. Поэтому исследования на ее основе акцентируются как на геополитических действиях (например, развертывание вооруженных сил), так и на конкретном социально-экономическом, политическом и культурном контексте, в котором производятся эти действия.

Таким образом, критичность в критической геополитике относится к двум (взаимосвязанным) целям. Во-первых, она стремится показать геополитику не только как концепцию, но и как полноценную научную или научно-прикладную дисциплину. Во-вторых, критическая геополитика фокусируется на властных отношениях и динамике. Политические структуры оказывают прямое или опосредованное воздействие на конкретные международные акции. В рамках означенной дисциплины также критически рассматриваются традиционные геополитические темы и подходы к ним [Painyer, Joe, Jeffrey, Alex, 2009].

В России место и роль геополитики (в том числе критической) в системе научных знаний до сих пор остается неоднозначной. Во времена СССР как дисциплина и как часть внешнеполитической доктрины геополитика прочно связывалась с США и странами Запада. Лишь отдельные элементы предмета изучения геополитики входили в отечественные курсы и разработки по политической географии. Как заметил В. А. Колосов **«Вот уже около двадцати лет геополитика остается в России одним из самых популярных научных терминов¹**, широко используемых как в СМИ, так и в ряде общественных дисциплин. Под флагом геополитики выступают представители и самого разного спектра дисциплин и направлений – от военно-стратегического анализа до науки о международных отношениях» [Колосов, 2011, с. 31].

Далее данный автор пишет о том, что «перестройка», а затем коллизии, связанные с распадом СССР, усилили интерес к геополитике в нашей стране. При этом, она стала «инструментом» не столько ученых, сколько политических и общественных деятелей «левого» и «правого» толков.

Геополитика в Россию пришла в лице ее классических авторов прошлого и даже позапрошлого столетия. Но в наши дни, – как считает В. А. Колосов, – уже явно недостаточно связывать международные отношения только с «географическим детерминизмом», пониманием страны-государства как некоего «организма», естественным образом стремящегося расти за пределы существующих границ. В действие вступают многие другие факторы – влияние на внешнюю политику гражданского общества, экономических процессов (сформировалась даже отдельная дисциплина – геоэкономика), динамические изменения в межгосударственных и региональных системах и альянсах еще недавно представлявшими статичными и прочными. Всё это актуализирует значение критической геополитики.

Автор данной статьи полностью согласен с подобным подходом и видением и ниже предлагает общую схему изучения Ближнего Востока и проблем региона в свете критической геополитики.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И КРИТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА

Ближний Восток с его перманентно сложной ситуацией не мог не стать предметом рассмотрения формирующегося направления критической геополитики. На сегодняшний день можно выделить два основных подхода к Ближнему Востоку и проблемам региона – «американский» или

¹Выделено нами. – И. Д.

«западный» и «ближневосточный», т. е. взгляд на геополитический дискурс региона изнутри, глазами ученых и политических деятелей из стран региона. «Американский», или «западный», подход подробно рассмотрел сквозь призму критической геополитики американский востоковед, профессор Валид Хазбун. Он указывает: «В отличие от терминов, обозначающих Америку, Азию, Европу или Африку, «Ближний Восток» обозначает регион земного шара, определенный с точки зрения североатлантических государств, и лишен географических или культурных привязок. В результате возникает много путаницы и неточностей в вопросе о местоположении и границах Ближнего Востока. Тем не менее, как и в случае с термином «Запад», американская общественность и средства массовой информации часто ассоциируют Ближний Восток с определенными политическими, экономическими и культурными характеристиками. Среди этих ассоциаций – то, что Ближний Восток представляет собой территориальное исключение из процесса глобализации»¹ [Hazbun, Amanat, 2001].

Другими словами, американское геополитическое видение Ближнего Востока и его современных проблем основывается на одномерном видении региона как жесткой альтернативы глобализации, что в современном американском понимании означает также и «альтернативу» демократии, а также глобальной монополии США. Именно поэтому в фокусе внимания «американской» критической геополитики находятся такие моменты Новейшей истории, как теракт 11 сентября 2001 года, война в Ираке, «арабская весна» и гражданское противостояние в Сирии. Главной задачей для американцев и Запада сегодня является доказательство «несоответствия» процессов, идущих на Ближнем Востоке тренду на «глобализацию и демократизацию» на основе американских стандартов и попытках интегрировать регион в этот процесс силами «Запада».

Представители «ближневосточного» направления в критико-геополитическом анализе ближневосточного региона (а это, как правило, жители его государств) также, как и западные геополитики отталкиваются от географического единства и определяемой им значимости региона Ближнего Востока и Северной Африки (*англ.* аббревиатура MENA). Однако они глубже и как бы изнутри изучают и анализируют регион, более полно оценивают динамику стран региона, его историческую и культурную специфику. Их фактически игнорируют критические геополитики на Западе. Однако западным позициям имеется альтернатива².

¹Эд. и далее перевод наш. – М. Д.

²В научной литературе для этого используют английский глагол *to expert* – исключать, а само понятие обозначено как «экспецсионизм» данного региона. – И. Д.

Так, турецко-арабский исследователь Мохаммад аз-Завави в своей монографии пишет: «Недавно мир стал свидетелем ряда геополитических потрясений, которые послужили напоминанием ученым в области международных отношений о том, что география по-прежнему имеет значение, даже в мире, который стал более взаимосвязанным и глобализованным, чем когда-либо прежде. Массивы суши, буферные государства, моря, демография, природные ресурсы по-прежнему имеют жизненно важное значение в международных отношениях ... что может привести к реформированию мирового порядка, который материализовался после окончания холодной войны. Ближний Восток также не стал исключением, поскольку возглавляемое Америкой вторжение в Ирак в 2003 году и его вечные последствия, арабские революции¹, начавшиеся в Тунисе в 2010 году, были двумя вехами, которые способствовали изменениям в геополитическом ландшафте и открыли новую эру в арабском мире. Эти потрясения серьезно ослабили многие арабские режимы, некоторые из них рухнули в ходе арабских революций, оставив вакуум власти по всему региону, что привело к появлению и распространению негосударственных субъектов, которые во многих случаях оказались даже сильнее многих правительств, поскольку их поддерживали иностранные субъекты, что привело к началу опосредованной войны по всему региону. В результате, Ближний Восток претерпел трансформацию в структуре коалиций в соответствии с растущими различными угрозами и проекцией силы неарабских держав Ближнего Востока, которые начали, добровольно или принудительно, вмешиваться в распавшиеся арабские государства после арабских восстаний, прямо или косвенно участие таких международных держав, как США, Россия и Китай» [Alzawawy, 2022, с. 1].

Критическая геополитика Ближнего Востока имеет в своем арсенале труд, который можно обозначить как фундаментальный и классический по рассматриваемому вопросу. Речь об известном труде известного турецкого ученого в сфере теории и истории международных отношений, бывшего главы МИД Турции и премьер-министра страны в 2014–2016 годах Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» (международная позиция Турции), изданном в 2001 году. Эту работу принято обозначать как изложение доктрины «неоосманства», являющейся идеологией внешней политики современной Турции. Однако «неоосманство» – это внешнее определение по отношению к концепции, сформулированной Давутоглу, которое сам он не использовал. Кроме того, в контексте данной статьи, мы хотели бы обратить внимание на методологический подход, которым он руководствовался. По сути дела, это достаточно полное и всестороннее использование методов «критической геополитики».

Отталкиваясь от региона Ближнего Востока как географического начала и Турции как интегральной его части, автор через критическое и вместе с тем глубоко аналитическое осмысление многовековой истории Османской империи и Новейшей истории кемалистской Турции видит новую и причем лидирующую роль своей страны в регионе в том числе на основе исламского культурно-цивилизационного наследия и исторической практики Нового и Новейшего времени.

Турецкий исследователь Эмре Эршен отмечает, что согласно геополитическому концепту Давутоглу «...Турция должна установить свои отношения со всеми мировыми державами через Ближний Восток. Другими словами, Ближний Восток будет наиболее важным параметром внешней политики страны. Чем более влиятельной станет Турция на Ближнем Востоке, тем большей силой на переговорах она будет обладать по отношению к другим державам. Чем более определяющей становится ее позиция на Ближнем Востоке, тем более убедительной она будет по сравнению с другими [державами, претендующими на определяющее влияние на Ближнем Востоке]»¹.

На основе вышесказанного сделаем вывод: именно подход критической геополитики с ее динамичностью и многофакторным, не только сугубо географическим, но также и культурно-историческим и этнопсихологическим дискурсами, наиболее подходит как для общего, комплексного анализа ситуации в регионе Ближнего Востока, так и для исследования ее отдельных страновых и исторических аспектов.

Предлагаемая нами схема, своего рода исследовательская «матрица», может выглядеть следующим образом.

1. Ближний Восток понимается нами, как географическое единство арабских стран Леванта, Аравийского полуострова и Северной Африки. Такие страны как Турция и Иран мы не вводим в геополитические рамки Ближнего Востока, однако в силу географического и геополитического фактора (соседской близости) они оказывают зачастую определяющее влияние на геополитическое положение региона.

2. Геополитическое значение ближневосточного региона в новейшее время значительно изменил и модифицировал «геоэкономический» фактор. В регионе были обнаружены запасы энергетического сырья мирового значения и именно этим

сегодня он важен для всей системы глобальных международных отношений.

3. На географический фактор накладывается исторический опыт региона, который в целом можно обозначить как культурно-цивилизационное противостояние Европе по линии христианство – ислам. Упадок последнего халифата – Османской империи – в минувшем столетии в определенной степени означает так же упадок мусульманской цивилизации при одновременном социально-экономическом и культурном усилении условного «Запада».

Этот процесс завершился после Первой мировой войны и по ее результатам в значительной мере были «нарезаны» границы арабских государств региона. Арабские страны получили политическую независимость, однако в них установились режимы, зависящие от западных стран, прежде всего Великобритании и Франции, а позднее, после Второй мировой войны, также и СССР.

И еще два конкретных фактора следует учитывать при изучении региона с помощью методов и инструментария критической геополитики. Первый – продолжающийся уже 70 с лишним лет арабо-израильский конфликт, периодически проявляющий себя в самых неожиданных формах и часто определяющим образом влияющий на всю систему международных политических и экономических отношений.

Второй фактор – движение за национальное самоопределение народов региона, не имеющих своей государственности и не обретших ее в результате всех последних международно-политических изменений. Среди них особое значение имеет курдский народ. Курды – самый многочисленный этнос на планете из тех, которые не имеют своего государства. Хотя курдская государственность была предусмотрена Севрским договором 1920 года, образование в 1923 году лояльной Западу Турецкой Республики свело на нет реализацию этого положения. Результатом стало национально-освободительное движение курдов, стремившихся и стремящихся доньше решить свои национальные проблемы в том числе и силовым путем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании всего вышеизложенного можно утверждать, что инструментарий «критической геополитики», может более оптимально и практично служить изучению современных динамично меняющихся международных ситуаций как глобального, так и регионального масштаба и даже позволит делать на основе такого исследования некоторые выводы прогностического плана.

¹Geopolitical Codes in Davutoğlu's Views toward the Middle East. URL: <https://www.insightturkey.com/articles/geopolitical-codes-in-davutoglus-views-toward-the-middle-east>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Окунев И. Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 152–153.
2. Painter J., Jeffrey A. Geopolitics and anti-geopolitics» / Painter, Joe; Jeffrey, Alex (eds.) // Political geography: an introduction to space and power. 2nd ed. Los Angeles: SAGE, 2009.
3. Колосов В. А. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31–52.
4. Hazbun W., Amanat A. The Middle East through the lens of critical geopolitics: Globalization, terrorism, and the Iraq war / M. David, Estlund (ed.). Democracy. Malden, MA: Blackwell. 2001. P. 53–325.
5. Alzawawy M. Transformations of Middle East geopolitics and their impact on regional coalition building. 2022.

REFERENCES

1. Okunev, I. Yu. (2012). Kriticheskaja geopolitika i postkriticheskij sdvig v issledovatel'skoj paradigme geopolitiki = Critical geopolitics and post-critical shift in the research paradigm of Geopolitics. Kul'turnaja i humanitarnaja geografija., 1(2), 152–153. (In Russ.)
2. Painter, J., Jeffrey, A. (2009). Geopolitics and anti-geopolitics». In Joe Painter; Alex Jeffrey (eds.). Political geography: an introduction to space and power. 2nd ed. Los Angeles: SAGE.
3. Kolosov, V. A. (2011). Kriticheskaja geopolitika: osnovy koncepcii i opyt ee primenenija v Rossii = Critical Geopolitics: the basics of the concept and the experience of its application in Russia. Political Science, 4, 31–52. (In Russ.)
4. Hazbun, W., Amanat, A. (2001). The Middle East through the lens of critical geopolitics: Globalization, terrorism, and the Iraq war. In David M. Estlund (ed.), Democracy (pp. 53–325). Malden, MA: Blackwell.
5. Alzawawy, M. (2022). Transformations of Middle East geopolitics and their impact on regional coalition building.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дюрре Мехмет Эмин Икбаль

кандидат исторических наук

доцент кафедры зарубежного регионоведения

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Durre Mehmet Emin Ikbal

PhD (History)

Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.01.2024
04.11.2024
18.11.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 327

Потенциал делиберативной демократии в диалоге власти и общества в России

Л. А. Итиуридзе

*Частное учреждение «Центр образования “Альма матер”», Москва, Россия
lali@mail.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена использованию инструментов делиберативной демократии в России. Ключевые функции делиберации на политическом ландшафте включают налаживание прямой политической коммуникации, формирование повестки дня, публичную политическую аргументацию, делегирование гражданам политической ответственности. Описанные функции реализуются с помощью следующих инструментов: публичные слушания, форумы, дискуссионные клубы, различные формы электронной демократии, а также национальные дискуссии. Реализация инструментов делиберативной демократии в России служит реализации важнейших задач по вовлечению широких слоев граждан в политическую дискуссию, способную проявить плюрализм мнений, аргументацию различных сторон, прояснить скрытые механизмы и неочевидные политические доводы, которые приводят к принятию выверенных решений.

Ключевые слова: делиберативная демократия, прямая политическая коммуникация, электронная демократия, публичные обсуждения

Для цитирования: Итиуридзе Л. А. Потенциал делиберативной демократии в диалоге власти и общества в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4(857). С. 24–31.

Original article

Deliberative Democracy in the Dialogue between Government and Society in Russia

Laly A. Itiuridze

*Private institution of additional professional education “Alma Mater Education Center”, Moscow, Russia
lali@mail.ru*

Abstract. This article is devoted to the use of deliberative democracy tools in Russia. The key functions of deliberation on the political landscape include establishing direct political communication, agenda setting, public political argumentation, and delegating political responsibility to citizens. The described functions are implemented with the following tools: public hearings, forums, discussion clubs, various forms of electronic democracy, national discussions. The implementation of the deliberative democracy tools in Russia serves the implementation of the most important tasks of involving broad sections of citizens in a political discussion that can demonstrate opinions pluralism, various parties' argumentation, clarify hidden mechanisms and unobvious political arguments that lead to the verified decisions.

Keywords: deliberative democracy, direct political communication, electronic democracy, public debate

For citation: Itiuridze, L. A. (2024). Deliberative democracy in the dialogue between government and society in Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 24–31. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «deliberatio» пришло в нашу эпоху из словаря римского права и означает «обсуждать», «размышлять», «советоваться», «взвешивать за и против», «проводить консультации». Исторически понятие взвешенного обсуждения принимаемых публичных решений восходит еще к Аристотелю, другим античным мыслителям, понимавшим, что в споре рождается истина.

Как политологическое понятие делиберативная демократия оформилась в трудах Д. Ролз [Rawls, 1993; Rawls, 1999], Ю. Хабермаса [Хабермас, 2016; Хабермас, 2022] и получила свое развитие в работах А. Гутмана и Д. Томпсона [Gutmann, Thompson, 1996], Дж. Драйзека [Dryzek, 2002], Д. Дьюи [Дьюи, 2000; Дьюи, 2001], Дж. Коэна [Cohen, 1996], К. Оффе [Offe, 2011], Дж. Фишкин [Fishkin, 2011; Fishkin, 1991], Д. Элстера [Elster, 1998].

В современном политическом дискурсе делиберативная демократия означает средство преодоления ограниченного охвата или сужения демократии, поскольку она охватывает не всех, действует не везде и не является общим правилом для всех. Причем такое понимание кризиса демократии относится не к странам демократического транзита, а к странам традиционной демократии (например, США, Великобритания, ФРГ, Франция и др.), где в текущей мирополитической ситуации сама ее традиционность начинает терять свою актуальность и действенность.

Основоположники идей делиберативной демократии выделили ряд ее особенностей:

1. Постоянная независимая ассоциация с ожидаемым продолжением;
2. Граждане в структуре демократии строят свои институты, так что обсуждение является решающим фактором в создании институтов, которые позволяют продолжить обсуждение;
3. Обязательство уважать плюрализм ценностей и целей в государстве;
4. Граждане рассматривают дискуссионную процедуру как источник легитимности и предпочитают, чтобы каузальная история легитимации для каждого закона была прозрачной и легко прослеживалась в процессе обсуждения;
5. Каждый член общества признает и уважает совещательную способность других членов [Fishkin, 1991].

Делиберативная демократия, которая возникла, по сути, вместе с самим политическим процессом и была более выражена в прямой демократии, модернизируется в современных условиях. Это происходит вследствие появления новых технических возможностей для политической коммуникации и повышения компетентности участников

политического процесса. В этой связи модель делиберативной демократии призвана скорее дополнить модель представительной демократии, чем заменить ее.

ПРИМЕНИМОСТЬ ИДЕЙ ДЕЛИБЕРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ

Делиберативный принцип мотивирован в странах с большим многонациональным населением, в особенности, федеративных, например, в США, Канаде, Мексике, России. Во-первых, он позволяет вовлечь как можно большее число участников в политический процесс, обеспечивая массовый и неограниченный характер участия в дискуссиях и обсуждениях. Во-вторых, расширяются возможности принятия более осознанных решений, привлекая широкий круг экспертов и людей, высказывающих собственное мнение. В-третьих, политические процессы становятся более открытыми и прозрачными, возникают возможности проследить формирование оснований для принятия тех или иных решений. В-четвертых, становится слышимыми голоса и аргументы политического меньшинства даже в том случае, если их мнение не сможет оказать решающее влияние.

Приведенные обстоятельства представляют особый интерес, поскольку речь идет о вовлечении в обсуждение как можно больше широкой общественности. При этом обязательным атрибутом вовлечения граждан в политику видится наличие обратной связи с обществом. Формирование ее позволяет органам власти принимать решения на основе разносторонней и наиболее достоверной информации о реальном положении дел.

В истории нашей страны имели место провалы политических реформ, проводившихся руководством на основе необъективной информации «приблизженных» экспертов. Знаменательно, что российские исследователи увязывают возможность повышения обороноспособности страны и профессионализма в обращении с военной силой фактически с развитием институтов делиберативной демократии [Белозеров, 2009; Белозеров, 2011].

Сегодня развитие технологий помогает проводить масштабные обсуждения и воспринимать его итоги, учитывать мнение меньшинства, на системной основе формируя базис для принятия политических решений любого уровня и направленности.

К основным рискам применения концепта делиберативной демократии можно отнести бюрократизацию и необоснованное затягивание дискуссий, которые смещают фокус гражданского

внимания с основ политики РФ на малозначительные явления, увязают в бесконечных спорах не по существу. Бурные обсуждения зачастую маскируют нечто иное, и реального влияния на процесс принятия политических решений не происходит.

Еще одна важнейшая проблема заключается в том, что часто бывает, важно не как мы обсуждаем, а что мы обсуждаем. Кто формирует политическую повестку дня, навязывает вопросы для дискуссии, как возникает политическая тема в публичном пространстве? Так, по сути, эксперты и властные круги могут, злоупотребляя своими полномочиями, использовать делиберативную дискуссию для продвижения собственных аргументов, поскольку они опираются на профессиональных спикеров и имеют ресурсы для продвижения своих вариантов решений. Ссылаются на то, что массовая дискуссия некомпетентных людей, далеких от реальной практики принятия политических решений, делает дилетантским процесс политического управления. По сути в таких ситуациях дискуссии могут идти в пространственных анклавах и не иметь никакого влияния на процессы формирования политического управления.

Однако названные риски не перевешивают положительный эффект от того, что активные граждане получают важнейший инструмент влияния на политическое управление. Применение идей делиберации обеспечивает принятие наиболее взвешенных решений посредством применения прозрачных демократических процедур.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ДЕЛИБЕРАЦИИ

Делиберативная демократия усиливает зрелое гражданское общество. В условиях демократического транзита она необходима, прежде всего, как дискуссия о политической модернизации, хотя одновременно выступает и как как мощнейший катализатор повышения политической осведомленности и компетентности граждан.

Для России делиберативная демократия всегда была частью общественной политики. В современных условиях это одно из наиболее развивающихся направлений модернизации политического процесса. Функциями делиберативной демократии выступают прямая политическая коммуникация, формирование повестки дня, публичная политическая аргументация, делегирование гражданам политической ответственности.

Прямая политическая коммуникация – это возможность для политических лидеров услышать мнение тех, для кого они работают. Они заинтересованы выявить общественное мнение не

только посредством соцпросов, но и напрямую, войти в непосредственное взаимодействие со своей аудиторией. Данный процесс значительно интенсифицировался в нашей стране с начала 2010-х годов в условиях превращения медиапространства в арену политической борьбы [Бурматов, 2012]. Во многом интенсификация коммуникационных процессов – вызов времени и следствие технологических новаций. Однако невозможно отрицать, что в нашей стране присутствует такая политическая опция, как постановка на особый контроль обращений граждан в госорганы и даже возможность напрямую обратиться к Президенту РФ как письменно, так и в ходе прямой линии.

Формирование повестки дня – важнейшая функция делиберативной демократии. В современной политике эта функция в чистом виде редко реализуется в делиберативных подходах. Так, в России официально закреплена открытость и независимость средств массовой информации. Не умаляя важности данного принципа, если посмотреть на организационную структуру самих средств массовой информации, то можно увидеть, что и в других демократических странах они представляют собой коммерческие организации, чья деятельность финансируется собственником. По сути, независимая повестка формируется заказчиком. Следовательно, государственные средства массовой информации артикулируют официальную позицию власти, а частные – позицию своих собственников. Развитие новых СМИ в системе различных социальных сетей снижает порог входа и открывает возможность публиковаться даже группам влияния с ограниченным финансовым ресурсом. Принимая во внимание эти особенности, можно констатировать, что в нашей стране многие властные группы имеют возможность открыто излагать и даже «проталкивать» свои идеи.

Практический политический плюрализм в нашей стране достигается как открытостью в выражении мнений, так и в существовании различных партий и общественных объединений. Политический плюрализм гарантирован конституционными правами, но требуется особое политическое пространство, в котором эти права реализуются на практике. Делиберативные подходы в указанном контексте и создают такое политическое пространство для плюрализма.

Публичная политическая аргументация служит для трансляции новых идей, которые востребованы не только в рамках предвыборных дебатов, но и в ежедневной политической дискуссии. Политическая аргументация, в отличие от аргументации в «строгих» науках, строится на фактах, которые семантически определяются интерпретацией, по

сути, имеют дескриптивный характер. Распространенная политическая практика заключается в том, что аргументация строится на эмоциональном воздействии на аудиторию либо на логической неполноте. Публичная дискуссия придает политической аргументации более доказательный характер, хотя в полной мере не может решить все ее проблемы.

Еще одна важная функция делиберативной демократии заключается в том, что она создает предпосылки для делегирования широким массам политической ответственности. Безусловно, в полной мере этот принцип осуществим в условиях высокого уровня политической культуры и компетентности населения. В противном случае – делегирование будет подменяться простым переключением ответственности на тех, кто не в состоянии ей соответствовать. Однако демократические институты с момента их зарождения базировались на принципе делегирования. Принимая во внимание пространственные масштабы России, представляется критически важным развитие института делегирования политической ответственности. Основой для такого делегирования выступали выборы глав регионов, депутатов различного уровня. В этой связи представляется деструктивным отказ от избрания депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по одномандатным округам, имевший место при формировании пятого и шестого созывов Государственной Думы в 2007 и 2011 годах¹. Переход на прямые выборы представителей регионов в Совет Федерации также видится верным решением.

Именно переход на прямые выборы должностных лиц, уполномоченных вести открытый диалог с обществом, могли бы укрепить не только авторитет законодательной власти, но и усилить линию донесения агрегированного мнения граждан до центров принятия решений. Таким образом, процедура выборов могла бы стать инструментом.

Модель делиберативной демократии как часть политической культуры уже в настоящее время может служить основой для информирования руководства страны о реальном положении дел и плюрализме мнений в различных регионах.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРАКТИКИ ДЕЛИБЕРАТИВНОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

Среди практик делиберативной демократии, используемых в нашей стране, можно выделить

¹Как по закону распределяются места в Государственной Думе после выборов. URL: <http://duma.gov.ru/news/52271/>

публичное обсуждение проектов нормативно-правовых актов, проведение политических форумов, различных форматов обсуждения политически значимых вопросов экспертным сообществом, а также инструменты электронной демократии, вовлекающие народные массы.

Обсуждение нормативно-правовых актов на этапе их подготовки выступает формой непосредственного участия граждан в управлении государством. Положительный опыт обсуждения проекта закона о полиции в 2010 году способствовал дальнейшему внедрению института общественного обсуждения в правотворческий процесс [Базыкин, 2021]. Вместе с тем действующее законодательство России не закрепляет обязательности общественного обсуждения всех без исключения законопроектов. Такому обсуждению подлежат проекты законодательных актов, подготовленные федеральными органами исполнительной власти. Указом Президента России установлена возможность направления главой государства проектов нормативных правовых актов, затрагивающих основные направления социально-экономической политики, на общественное обсуждение в сети Интернет².

При всей своей открытости и публичности правовая неопределенность в известной степени характеризовалась, к примеру, ситуация с внесением поправок в Конституцию России в 2020 году. Суть наиболее важных из предлагавшихся поправок сводилась к расширению полномочий Президента России, закреплению политических гарантий занимавшим эту должность лицам и предоставлению возможности В. В. Путину переизбираться на пятый срок в 2024 году. Появилась возможность не выполнять решения международных организаций в случае противоречия их основному закону страны, а также последовало существенное усиление полномочий президента в части влияния на правительство и судебную систему.

Вместе с обозначенными выше поправками в Конституцию был внесен ряд политических постулатов с целью защиты ценностей и исторической правды. Россия «обеспечивает защиту исторической правды», провозглашена защита «института брака как союза мужчины и женщины». Данные постулаты, безусловно, отражают настроения в обществе и политику власти, однако внесение их в Конституцию представляется как минимум избыточным, а как максимум – частью дискуссии с коллективным Западом. Внесение данных норм в Конституцию не имеет прямого действия, и как

²Указ Президента Российской Федерации № 167 от 9 февраля 2011 «Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов». URL: <https://base.garant.ru/12182724/>

законодательная норма не имело смысла, но, очевидно, имело смысл политический.

Что касается процедуры внесения поправок в Конституцию, то она изложена в федеральном законе¹ и включает внесение предложений Президентом, Советом Федерации (группой не менее одной пятой членов), Государственной Думой (группой не менее одной пятой депутатов), Правительством, органами законодательной власти субъектов РФ и дальнейшее рассмотрение законопроекта двумя палатами Федерального Собрания и законодательными органами субъектов. Одобренный согласно процедуре двумя третями субъектов закон подписывается Президентом.

Что касается примененной процедуры 2020 года, то основные идеи поправок были озвучены 15 января в послании Президента Федеральному Собранию² и 20 января внесены в Думу, в марте они уже были одобрены обеими палатами Федерального Собрания и в субъектах РФ. Однако президент не стал подписывать закон и ввиду важности поднятых вопросов, существенно меняющих политическую конфигурацию власти, назначил всенародное голосование по одобрению проекта поправок. Несмотря на то, что такая процедура по закону не требовалась и опрос имел скорее политическое значение, нежели был частью нормотворческого процесса, голосование явилось актом делиберативной демократии, привлекающий внимание граждан к вносимым поправкам. Поправки действительно могли быть приняты без внимания к мнению народа в марте 2020 года, да и опросы общественного мнения свидетельствовали об их одобрении гражданами. Однако проведенная процедура была призвана заручиться поддержкой народа, сделать граждан сопричастными к важным политическим изменениям в жизни страны. Думается, именно идея формирования сопричастности и должна превалировать в нормотворческом процессе, вовлечение граждан должно стать нормой не только политической, но и правовой.

Нормотворческий процесс в России характеризуется сужением охвата обсуждаемых проектов нормативно-правовых актов, далеко не все законодательные инициативы проходят стадию публичного обсуждения и основная проблема, сопряженная с качеством дискуссии, – уровень правовой грамотности и правовой ответственности населения.

Форумы как формат делиберативной дискуссии получили широкое распространение в России.

Формат стал очень популярным особенно среди молодежи. Регулярные форумы «Территория смыслов на Клязьме», «Балтийский берег», «Таврида» и другие привлекают многих активных молодых граждан и получают значительную финансовую и информационную поддержку государства и личное участие первых лиц государства, администрации президента, «медийных лиц». Например, «Территория смыслов», Всероссийский молодежный образовательный летний форум, проходящий ежегодно с 2015 года по инициативе Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), но на котором обсуждается широкая повестка политических вопросов, проходят встречи с политическими лидерами. Отдельная смена форума посвящена молодым политикам и политологам.

Большая работа проводится «Народным фронтом». Однако можно считать обоснованным экспертное мнение о том, что «для обеспечения политического единства необходимо преобразование политических структур в платформу для воспроизводства механизма обратной связи между политической элитой и населением» [Кожина, 2015, с. 92].

В этой связи важным решением стало создание в 2011 года Общероссийского народного фронта (ОНФ, ОРНФ) или «Народного фронта “За Россию”» как коалиции общественно-политических организаций, общественного движения, созданного по предложению Владимира Путина (на тот момент – председателя Правительства России), как «объединение на равных» разнонаправленных политических игроков с целью развития России совместными усилиями.

Некоторые площадки становятся базой для дискуссий экспертного сообщества. В их числе Международный дискуссионный клуб Валдай. Как экспертно-аналитический центр он был образован в 2004 году. Основными его задачами как международной интеллектуальной площадки является содействие открытому диалогу экспертов, политиков, общественных деятелей и журналистов, непредвзятое обсуждение актуальных мировых проблем в области международных отношений, политики, экономики, безопасности, энергетики и других областях, прогнозирование ключевых тенденций и процессов в мироустройстве XXI века.

Подобные экспертные сообщества созданы при многих вузах, где есть сильные политологические школы, существует развитая база в системе научных институтов РАН. Но в целом культура аналитических центров (по аналогии с западными Think Tank) в России развита слабо. Такие центры как негосударственные научно-исследовательские организации сосредоточивают свои усилия в области анализа политики, экономики, социологии,

¹Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» от 04 марта 1998 № 33-ФЗ 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12084>

²Послание Президента Федеральному Собранию 15.01.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>

права и т. п. с последующим вынесением предложений на уровень руководства государства.

Электронная демократия – важный базис децентрализованной демократии, появившийся благодаря развитию технологий [Амелин, Чанов, 2017].

Как пример удачного делиберативного формата электронной демократии можно привести платформу «Активный гражданин». Это система электронных референдумов, запущенная по инициативе Правительства Москвы 21 мая 2014 года. Среди главных задач проекта – получение мнения горожан по актуальным вопросам, касающимся развития города. Опросы «Активного гражданина» делятся на три категории: общегородские, отраслевые и районные. За активное участие в опросах начисляются бонусные баллы, которые можно обменять на вознаграждения. Платформа затрагивает только Москву, не распространяясь на всю Россию, что представляется перекосом в делиберативных возможностях граждан страны.

Еще один пример делиберации – «Прямая линия с Владимиром Путиным», которая дает большие возможности для получения обратной связи от граждан на местах. В ходе подготовки к прямой линии с президентом любой желающий из России и ближнего и дальнего зарубежья отправляет свои вопросы в специальный центр обработки сообщений через различные средства связи. По мнению самого Владимира Путина «прямая линия» является самым мощным социологическим опросом, позволяющим руководству страны донести свою позицию и оценку.

Представляется, что такая обратная связь имеет большое значение. Дальнейшее повышение роли обратной связи должно выразиться в наличии прямых поручений Президента руководителям регионов и ведомств по системным вопросам.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСКУССИИ

Одной из перспективных, но в настоящее время мало распространенных в России форм делиберативной демократии являются национальные дискуссии. Они проводятся по сложным политическим вопросам. Например, в Бельгии в 2011 году, когда случился кризис из-за невозможности сформировать правительство, удовлетворяющее фламандцев и валлонов, идея состояла в том, чтобы позволить случайной выборке из 1000 обычных граждан обсуждать будущее страны. Учитывая количество участников, проект был назван G1000 и состоялся 11 ноября 2011 года в Брюсселе¹.

¹G100 CitizenSummit.
URL: <https://www.g1000.org/en/cases/g1000-citizens-summit>

Чтобы рекламировать мероприятие, использовались все современные технологии, в частности, электронная почта, социальные сети «Facebook» и «Twitter»² и веб-сайт. Был сделан вывод, что власти не должны быть вовлечены даже финансово. Это должно быть чисто низовое событие. Обычным гражданам было предложено внести финансовый взнос, но не превышающий 5 % от необходимой суммы. Участники события не получали стипендии. Обычные граждане также могли зарегистрироваться для дискуссии. Из 1000 человек, которые подписались на мероприятие, реально собирались вместе 704. Еще около 200 человек приняли участие в обсуждениях в их местных общинах и около 500 онлайн. Обсуждали три темы: социальное обеспечение, благосостояние в периоды финансового кризиса и иммиграция. Новое правительство страны было сформировано 6 декабря 2011 года, а результаты национальной дискуссии легли в основу повестки дня его работы.

В России подобные дискуссии проходят, но они не приняли институционального значения. Среди широко дискутируемых конкретных тем прогрессивная шкала налогов, ЕГЭ, ЖКХ, природоохранные проблемы и многое другое. Но в настоящее время все эти дискуссии имеют характер обмена мнениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Делиберативная демократия – перспективная модель российской демократии. Делиберативная демократия предполагает широкое информирование граждан о текущих политических процессах в стране. Эти процессы являются подходящей почвой для политических дискуссий. На них ожидается разнообразие как участников, так и суждений.

По мнению автора статьи, развитыми структурными элементами делиберативной демократии в России являются форматы проведения форумов и заседаний экспертных клубов по политической, социальной и политико-экономической повестке, значимым и уникальным форматом прямого общения с национальным лидером является «Прямая линия».

Некоторые из перечисленных форматов присутствуют в политической жизни страны, однако они требуют внимания и развития. В их числе необходимость формирования полноценных аналитических центров наподобие западных «Think Tank». Они могли бы формироваться на базе экспертных

²Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ.

клубов, но в первую очередь, они должны формироваться из научных школ и институтов.

Принимая во внимание масштабы нашей страны и ее многонациональный состав, необходимо эволюционное развитие института представительства в высших органах власти: переход к прямым выборам представителей по одномандатным округам и субъектам в палаты Федерального Собрания. Представляется обоснованным расширение

практики обсуждения проектов нормативно-правовых актов, введение в законодательную практику инициативы, которая имела место на всенародном одобрении проекта поправок в Конституцию 2020 года. Вместе с тем в нашей стране не применяется формат национальных дискуссий, однако представляется крайне полезным его пилотное внедрение на базе регионов с последующим распространением обсуждений на национальный уровень.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Rawls J. Political Liberalism. NY: Columbia University Press. 1993.
2. Rawls J. Theory of Justice. Revised edition of A Theory of Justice, published in 1971 by Harvard University Press. 1999.
3. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В. В. Иванов. М.: Весь Мир. 2016.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Весь Мир. Т. 1. 2022.
5. Gutmann A., Thompson D. Democracy and Disagreement: Why Moral Conflict Cannot Be Avoided in Politics, and What Should Be Done about It. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.
6. Dryzek J. Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations. Oxford: Oxford University Press. 2002.
7. Дьюи Д. Демократия и образование / пер. с англ. М.: Педагогика-пресс, 2000.
8. Дьюи Д. Реконструкция в философии / пер. с англ. М. Занадворов, М. Шиков. М.: Логос, 2001.
9. Cohen J. Procedure and Substance in Deliberative Democracy / S. Benhabib (ed.), Democracy and Difference. Princeton, NJ: Princeton University Press. 1996. P. 95–119.
10. Offe C. Crisis and Innovation of Liberal Democracy: Can Deliberation Be Institutionalized? // Czech Sociological Review. 2011. Vol. 47. № 3. P. 447–472.
11. Fishkin J. When the people speak: deliberative democracy and public consultation. Oxford: Oxford University Press. 2011.
12. Fishkin J. Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. New Haven: Yale University Press. 1991.
13. Elster J. Deliberative Democracy. Cambridge University Press. 1998.
14. Белозеров В. К. Публичность, ответственность, экспертиза как условия эффективности политического руководства Вооруженными Силами Российской Федерации // Вестник Академии экономической безопасности. 2011. № 7. С. 96–109.
15. Белозеров В. К. Гражданское общество и формирование политики безопасности и обороны России // Вестник аналитики. 2009. № 1. С. 94–101.
16. Бурматов В. В. Политическая коммуникация в России: запрос на новый институциональный порядок // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. № 33. С. 1–11.
17. Базыкин А. Ю. Правовое регулирование общественного обсуждения нормативных правовых актов с использованием телекоммуникационных технологий // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 2. С. 171–182.
18. Кожина Ю. В. Факторы политического единства в России: элитный консенсус и поддержка власти народом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5–1 (55). С. 90–93.
19. Амелин Р. В., Чанов С. Е. Прямая электронная демократия в Российской Федерации: возможности и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 1. С. 27–31.

REFERENCES

1. Rawls, J. (1993). Political Liberalism. NY: Columbia University Press.
2. Rawls, J. (1999). Theory of Justice. Revised edition of A Theory of Justice, published in 1971 by Harvard University Press.
3. Habermas, Y. (2016). Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva = Structural change in the public sphere: research on the category of bourgeois society. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)

4. Habermas, Y. (2022). Teoriya kommunikativnoj deyatel'nosti. Tom pervyj = Theory of communicative activity (Vol. 1). Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
5. Gutmann, A., Thompson, D. (1996). Democracy and Disagreement: Why Moral Conflict Cannot Be Avoided in Politics, and What Should Be Done about It. Cambridge, MA: Harvard University Press.
6. Dryzek, J. (2002). Deliberative Democracy and Beyond: Liberals, Critics, Contestations. Oxford: Oxford University Press. 208.
7. D'yui, D. (2000). Demokratiya i obrazovanie = Democracy and education. Moscow: Pedagogika-press. (In Russ.)
8. D'yui, D. (2001). Rekonstrukciya v filosofii = Reconstruction in philosophy. Moscow: Logos. (In Russ.)
9. Cohen, J. (1996). Procedure and Substance in Deliberative Democracy. In S. Benhabib (ed.), Democracy and Difference (pp. 95–119). Princeton, NJ: Princeton University Press. .
10. Offe C. (2011). Crisis and Innovation of Liberal Democracy: Can Deliberation Be Institutionalized? Czech Sociological Review, 47(3), 447–472.
11. Fishkin, J. (2011). When the people speak: deliberative democracy and public consultation. Oxford: Oxford University Press.
12. Fishkin, J. (1991). Democracy and Deliberation: New Directions for Democratic Reform. New Haven: Yale University Press.
13. Elster J. (1998). Deliberative Democracy. Cambridge University Press.
14. Belozerov, V. K. (2011). Publicity, responsibility, expertise as conditions for the effectiveness of the political leadership of the Armed Forces of the Russian Federation. Vestnik of Academy of Economic Security, 7, 96–109. (In Russ.)
15. Belozerov, V. K. (2009). Grazhdanskoe obshchestvo i formirovanie politiki bezopasnosti i oborony Rossii = Civil society and the formation of Russian security and defense policy. Vestnik of analytics, 1, 94–101. (In Russ.)
16. Burmatov, V. V. (2012). Politicheskaya kommunikaciya v Rossii: zapros na novyj institucional'nyj poryadok = Political Communication in Russia: Demand for a New Institutional Order. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik, 33, 1–11. (In Russ.)
17. Bazykin, A. Y. (2021). Legal Regulation of Public Comment of Normative Legal Acts using Telecommunications Technologies. Zhurnal rossijskogo prava, 25(2), 171–182. (In Russ.)
18. Kozhina Y. V. (2015). Faktory politicheskogo edinstva v Rossii: elitnyj konsensus i podderzhka vlasti narodom = Factors of political unity in Russia: elite consensus and popular support for the government. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki, 5–1(55), 90–93. (In Russ.)
19. Amelin, R. V., Chanov, S. E. (2017). Pryamaya elektronnyaya demokratiya v Rossijskoj Federacii: vozmozhnosti i perspektivy = Direct Electronic Democracy in the Russian Federation: Possibilities and Prospects. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo, 1, 27–31. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Итиуридзе Лали Алексеевна

кандидат социологических наук

доцент Частного учреждения дополнительного профессионального образования

Центр образования «Альма матер»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Itiuridze Laly Alexeevna

PhD (Sociology)

Associate Professor at the Private institution of additional professional education

“Alma Mater” Education Center

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

10.01.2024
04.11.2024
18.11.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 327

On the Discourse of US and European Nuclear Deterrence Diapositives

Wulf Lapins

WeltTrends Institute for International Relations, Potsdam, Germany
Wulf.Lapins@gmx.de

Abstract. The theoretical concept of nuclear deterrence as a complex paradigm of perception and interpretation manifests itself in its practical implementation in thousands of operational nuclear weapons of destruction. However, the perception and assessment of threats between nuclear states does not only focus on any changes in the use of nuclear weapons by the deterrent opponent, but must also constantly scan the system as a whole for modifications. For example, are there changes in political/military doctrine and/or new threatening language patterns in official and academic security policy rhetoric? Against this backdrop, Europe's long-perceived and accepted deficit in its tactical nuclear posture towards Russia and its continuous nuclear threat narrative against states supporting Ukraine in the military conflict in accordance with international legal terminology, as well as the possibility of a renewed US presidency of Donald Trump, are boosting the security policy discussion on the development of an independent European defense and deterrence.

Keywords: Threat perception, deterrence, nuclear weapons, Germany, Russia, France, USA

For citation: Lapins, W. (2024). On the discourse of US and European nuclear deterrence diapositives. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 4(857), 32–41.

Original article

К вопросу о диспозитивном дискурсе ядерного сдерживания США и Европы

В. Лапинс

Институт международных отношений WeltTrends, Потсдам, Германия
Wulf.Lapins@gmx.de

Аннотация. Теоретическая концепция ядерного сдерживания как сложная парадигма восприятия и интерпретации проявляется в ее практическом воплощении в тысячах действующих ядерных средств поражения. Однако восприятие и оценка угроз между ядерными государствами не только фокусируются на любых изменениях в применении ядерного оружия сдерживающим противником, но и должны постоянно изучать систему в целом на предмет изменений. Например, они вынуждены задаваться вопросом: произошли ли изменения в политической / военной доктрине и / или появились ли новые угрожающие формулировки в официальной и академической риторике в области политики безопасности? На этом фоне давно осознаваемый и принимаемый Европой дефицит в ее тактической ядерной позиции по отношению к России и ее постоянные заявления о ядерной угрозе в адрес государств, поддерживающих Украину в военном конфликте в соответствии с международно-правовой терминологией, а также возможность возобновления президентства Дональда Трампа

в США активизируют дискуссию о политике безопасности, о развитии независимой европейской системы обороны и сдерживания.

Ключевые слова: Восприятие угрозы, сдерживание, ядерное оружие, Германия, Россия, Франция, США

Для цитирования: Лапинс В. К вопросу о диспозитивном дискурсе ядерного сдерживания США и Европы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 32–41.

FOREWORD

First of all, I would like to thank the peer reviewers for their suggestions and constructive criticism. This article has reflected on them and, where accepted by the author, taken them into account.

This is a thematically limited analytical-descriptive research analysis as a policy paper without narrowing down to legalistic and moral restrictions. The focus is solely on real political perceptions and assessments. All scientific research is interest-oriented, i.e. research always pursues intentions and therefore cannot be disinterested and objective. No analyst can take away this “baggage”. He must much more always be aware that there are no universally valid truths and objective findings. However, science can offer methodologically verifiable interpretations, question certainties and trigger reflection. The author follows this principle.

Interests form the basis of all politics. In the context of this political science topos, the question always arises as to the security policy determinants of the respective interests. The perception factor is of considerable importance here. As early as 1969, the renowned economic theorist Kenneth E. Boulding referred to the significance of perception determinants in political transactions: *“We must recognize that the people whose decisions determine the policies and actions of nations do not react to their ‘objective’ facts of the situation, whatever that may mean, but to their ‘image/perception’ of the situation. It is what we think it is, and not what it really is, that determines our behavior”* [Boulding, 1969, p. 423].

With Boulding’s research findings in mind, the author of this article discusses Russian security policy statements and military arsenals in Russia and NATO and attempts to make the resulting incremental threat perceptions and interpretations, particularly in Germany, comprehensible to the Russian reader. The Russian scientific colleagues are of course familiar with the sources discussed here by the author and will probably ask about the cui bono? The author intends to contribute to the discourse on mutual nuclear deterrence. It follows that

knowledge about the world is not simply derived from objective facts. Rather, historically changeable knowledge systems or imaginary worlds, i.e. certain discourses, provide a context of interpretation that is changeable in principle. Thus, the German author stands in his historical knowledge system with his socialized world of ideas. His Russian colleagues are in different ones. And that is why the contexts of interpretation can differ even if the factual knowledge is the same.

From the Russian perspective, the German / Western postulated threat perceptions may be exaggerated or even (mis)interpreted as deliberate ‘anti-Russian’ propaganda. In fact, neither scientists nor addressees / readers can completely absolve themselves of biased fact selection on the one hand and selective perception on the other. Serious science is therefore characterized by source-critical analysis. The author is committed to such an approach. The British cognitive psychologist, Peter Wason, coined the scientific term ‘confirmation bias [Wason, 1968], which describes the general disposition to unconsciously seek, select and interpret information that confirms or reflects one’s own attitudes. The great US journalist and publicist Walter Lippmann, who strongly influenced media studies, political science and social psychology with his standard work “Public Opinion”, described the phenomenon of “confirmation bias” in literary terms without there already being any research on the subject: *“The most subtle and pervasive of all influences are those that create and perpetuate the repertoire of stereotypes. We are told about the world before we see it. We imagine most things before we experience them. And these preconceptions profoundly determine the entire process of perception, unless education has made us acutely aware of them”* [Lippman, 1946, p. 67].

IMMANUEL KANT

The brief reference to Kant at the beginning of the further discussions is intended to emphasize the unconditional incompatibility of a nuclear war. His philosophical and moral postulates are timeless.

They should serve as a guideline for political actors in Washington and Moscow.

Immanuel Kant's concise and comprehensible interpretation of the Enlightenment (1784) as "man's exit from his self-imposed immaturity" is world-famous. We can only speculate as to how the great philosopher would define the deterrence system today in a similarly memorable and easily comprehensible way. But his very well-researched thinking allows for approximate assumptions. The renowned philosophy colleague, Eduard von Hartmann, wrote about Kant a hundred years later (1883): "*What is certain, however, is that he was an empirical pessimist, i.e. a pessimist with regard to the state of happiness of the empirically given world... That optimism with regard to the purposeful development of the world is not able to overcome empirical pessimism... and with the progress of culture the plagues do not decrease, but increase*"¹. On this basis, two hypothetical Kant definitions will be ventured here as a deterrent.

1. 'Man's entry into his self-inflicted potential nuclear annihilation'. 2. 'Man's entry into reciprocal-necessary, relatively-stable self-taming through self-inflicted striving for invention in weapons technology'. Because human knowledge about the production of nuclear weapons cannot be reinvented / abolished, Kant would very probably appeal to the rationality, intellect and reason of the heads of state and government of the nine nuclear states with reference to his statement in the Enlightenment: "*Sapere aude! Have the courage to use your own reason.*" It is therefore safe to say that he would have vehemently condemned the use of nuclear weapons to support his own offensive military operations in order to break the enemy's resistance or to prevent external military aid for the attacked state. He would probably also have considered a nuclear war avoidable for reasons of reason.

His statement in the treatise "On Perpetual Peace" from 1795 even reads like an early anticipation of a ban on waging nuclear war that emerged after the first nuclear attack on Japan: "*...that a war of extermination, where both can be destroyed at the same time, and with this also all that is right, would only allow perpetual peace to take place in the great churchyard of the human species. Such a war, therefore, and consequently the use of the means that lead to it, must be absolutely forbidden*" [Kant, 1953, p. 20].

A probable move towards nuclear war as the 'black side' of nuclear deterrence [Tugendhat, 1986] is the long-standing topos of the international

Nuclear Freeze movement². In an informative study from 2010, which is still relevant today, authors from Germany, the USA and Russia assess the numerous pros and cons of the chances of implementing such a nuclear weapons-free world.

RUSSIAN RADICAL NUCLEAR EXPERTS VERSUS...

The fear of technical failure or human misinterpretation as potential triggers of an unintended nuclear escalation, which is often discussed anyway, has recently been massively instrumentalized by some internationally renowned Russian political scientists in foreign and security policy think tanks, such as IMEMO RAS and the Council for Foreign and Defence Policy, for forced nuclear war fears in the West. Sergei Karaganov and Dimitri Trenin are examples of this. Some of their Russian academic colleagues sometimes emphasize in a relativizing way that both are not representative with their positions, and therefore even rather marginalized. But both are also given space for discussion in the media, in which they fervently knit a narrative and lament the same thing at the same time: namely that, despite Russia's enormous nuclear weapons potential and its multiple indirect and direct threats of use. NATO states would not be deterred from providing massive support to Ukraine.

In the Western / German assessment, both nuclear radical protagonists intend to weaken the perception of security in the West, with its implicit determinants of harmlessness, reliability and carelessness as the central category of state services of general interest, with nuclear threat connotations. Conversely, a non-threat is conveyed when "*the perceived image of the outside world can be relied upon and the processing of perception satisfies the criterion of 'correct cognition' of certainty*" [Kaufmann, 1973, p. 149]. However, the element of 'certainty' in the perception of security can only be experienced in a temporal dimension, because security expresses a state of mind in the future. "Certainty always refers to the future, it means certainty that 'good' will endure or that a change for the better will occur" [Frei, 1978, p. 5].

If the West continues to show too little nuclear fear and does not stop its support for Ukraine, Trenin and Karaganov are even prepared to let the nuclear demon out of the bottle for real. They reject the

¹Immanuel Kant.
URL: https://www.rosalux.de/fileadmin/rls_uploads/pdfs/159_kant.pdf

²Eduard von Hartmann. URL: https://books.google.de/books?id=8oNVAAAAYAAJ&pg=RA1-PA450&hl=de&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false

intrinsic dimension of the security concept of nuclear weapons as deterrent political threat weapons and instead favor their alleged military usability as weapons of warfare against NATO states. In doing so, they assume that the US extended deterrence in NATO's Article 5 is a fiction: *"As for Russian nuclear attacks against NATO countries: hypothetically, Washington would most likely not respond to these attacks with a nuclear strike of its own against Russia for fear of Russian retaliation against the United States... It is unlikely that the Americans would sacrifice Boston over Poznan, just as they had no intention of sacrificing Chicago over Hamburg during the Cold War."*¹

Karaganov also writes analogously in 2023: *"Only if there is a madman in the White House who, moreover, hates his country, will America decide to strike to 'protect' the Europeans and thus incur a response of sacrificing 'Boston' because of 'Poznan'."* And after the Soviet technological breakthrough to second-strike capability: *"Washington, despite public bluffing, never again seriously considered the use of nuclear weapons against Soviet territory. And less than two weeks later: 'I would like to believe that our opponents are coming to their senses. Because if not, then Russia's military-political leadership faces a terrible moral choice and will have to make a difficult decision. But I believe that at some point our president will have to express his determination to use nuclear weapons'."*

Such claims of supposedly low-threshold concern about the use of nuclear weapons do not stand up to fact-checking. Representative surveys in 2021 and 2022 in four NATO states on the "fear of the bomb" do indeed show the high level of concern about a nuclear escalation in connection with the "military operations / war"² against Ukraine: it is highest in Poland at 75 %, followed by France – 73 %, Latvia – 71 % and Germany – 55 %³.

Such doomsday threat announcements from the academic world – pre-emptive nuclear strikes against Western Ukraine-supporting states – are also often propagated in talk shows by the populist Vladimir Solovyov on Russian state television. The broadcasts from January 2021 and May 2024 are examples of many of this type. Because linguistic images with nuclear connotations are repeatedly

used here, it can be assumed that they are intended to set frames / conceptual interpretative frameworks that (should) influence the political thinking and mobilization of TV viewers. "If you propagate certain linguistic images over a period of months ... then a so-called Hebbian learning process sets in with your fellow citizens: Your political perspective becomes increasingly comprehensible to your fellow citizens, because linguistic repetition strengthens synaptic connections in the brain."⁴

However, a representative survey conducted in Russia in June 2023 still reveals the limits of media influence: At least at this point in time, almost *"Three quarters of respondents (74 %) consider the use of nuclear weapons unacceptable if it leads to victory in hostilities. Only 16 % of respondents consider the use of nuclear weapons during a 'military operation' in Ukraine to be acceptable, while 5 % are of the opinion that such a step is only permissible if there is a threat of defeat."*⁵

RUSSIAN NUCLEAR RATIONAL EXPERTS

In the debate on Russian nuclear strategy, however, the political scientists Alexei Arbatov, Konstantin Bogdanov and Dmitry Stefanovich, who are also well-known in the West, criticize their colleagues Trenin and Karaganov for wrongly assuming that the use of nuclear weapons would be suitable for de-escalation and as a means of dealing with strategic difficulties: *"A nuclear strike would raise the conflict to a fundamentally different level of unpredictability and multiply the risks of confrontation. The 78-year-old 'nuclear taboo' would be broken, and this would trigger a political and psychological shock of global proportions, which would be broadcast live on television and the Internet around the world. The reaction will be immeasurably greater and more violent than that of Hiroshima"*⁶. Ivan Timofeyev of the RIAC/MGIMO/Waldai Club also rates a pre-emptive nuclear strike as *"extremely dangerous"*... This also overestimates the possibility that a Russian nuclear strike could be accepted – albeit painfully – by China and other countries of the global majority. It overestimates the desire of the global majority to shake off the 'Western yoke' and it overlooks the potentially catastrophic consequences for Russia itself."⁷

¹URL: <https://globalaffairs.ru/articles/ukraina-yadernoe-oruzhie/>

²Dimitri Trenin, in an article in a German political science journal, even uses the term "war" and once a "war connotation": "Der Krieg in der Ukraine, der für Russland existenziellen Charakter hat...ist für das überparteiliche Washington zu einem Krieg zur Wahrung der amerikanischen Hegemonie in Europa und in der Welt insgesamt geworden." And: "Jetzt und in absehbarer Zukunft beschränken sich die russisch-amerikanischen Beziehungen auf den bewaffneten Kampf auf dem ukrainischen Kriegsschauplatz..." [Trenin, 2024, S. 45–46].

³Angst vor der Bombe. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/wien/20005.pdf>

⁴Russian State TV. URL: <https://youtu.be/I5KUIfcWdQg>

⁵Ядерная война – плохое средство решения проблем. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6055340>

⁶Специальная военная операция» на Украине: отношение россиян. 12 волна (16–19 июня 2023). URL: <https://russianfield.com/12volna>

⁷A Preemptive Nuclear Strike? No! URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/a-preemptive-nuclear-strike-no/>

And the Russian Foreign Ministry announced in November 2022: *“In implementing its policy of nuclear deterrence, the Russian Federation is strictly and consistently guided by the postulate of the inadmissibility of nuclear war, in which there can be no winners and which must never be unleashed. Russia’s doctrinal guidelines in this area are extremely clear, have a strictly defensive character and do not allow for a broad interpretation. A response with the use of nuclear weapons is hypothetically only permissible for Russia if aggression is carried out with the use of weapons of mass destruction or aggression with the use of conventional weapons and the existence of the state itself is at stake.”*¹

However, it is well known that political intentions / interests are subject to change. Is this already the case eight months later when the Vice Chairman of the National Security Council, Dmitry Medvedev, insinuates a potential nuclear use in the “special operation” in Ukraine? *“The Kiev Nazi regime must be wiped out. And here I would like to say something that politicians of all stripes do not like to admit: Such an apocalypse is not only possible; it is highly probable. Nuclear weapons have already been used, by whom and where is known, so there is no taboo.”*²

The political science debate on the sovereignty of interpretation in the Russian nuclear discourse is being observed by German security policy experts. The central interest is directed towards correctly categorizing the ambiguous declarations in science and politics and finding conclusive motives for the cui bono of the nuclear radicals. Apart from further fueling the nuclear threat perceptions in Western societies, their further intention could be to encourage the Russian leadership to implement the nuclear theoretical escalation strategy in the ‘*strategicheskoye sdershiwaniye*’ in a planned and targeted manner. Vice versa, the nuclear rationalists seem to be pointing out the risks of a potential nuclear escalation policy to the Russian government. It is of course to be welcomed when their protagonists call for a resumption of cooperative arms control. However, when refutable factual claims are made in this context, this leads to mistrust in the predetermined seriousness.

BRIEF DIGRESSION

The following brief digression is an example of this: In a substantive contribution to the IMEMO Institute’s

expert forum on “Nuclear Deterrence in a Polycentric World” at the beginning of June 2024, Alexei Arbatov generally advocates a revival of nuclear disarmament negotiations: *“In the current situation, we need to talk more about restoring arms control, renewing the negotiation process and expanding it from bilateral to various multilateral formats and new weapons systems.”* With regard to non-strategic, i.e. tactical, nuclear weapons, however, this will remain a pipe dream for the foreseeable future. After all, President Putin made a clear statement in drastic words at the plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum on June 16, 2023: *“...we have more such weapons than the NATO countries. They know about it and are constantly convincing us to start negotiations on cuts. Fuck them, do you understand? That’s what we say. (Laughter.) Because, to use an economic cliché, that’s our competitive advantage: That’s our competitive advantage.”*³

In an article Arbatov diverts attention from the massive quantitative overweight in Russian tactical nuclear weapons by turning its attention to the claimed numerical dominance in the dismantled US strategic warheads. He writes: *“But because there were so many tactical nuclear weapons, there are still quite a few even after these reductions. The West believes that Russia has many more than NATO. But the US has more stockpiled nuclear warheads that have been removed from strategic weapons and can be quickly made operational again.”*⁴

Therefore, we first look at the tactical nuclear arsenals of both countries:

The Nuclear Notebook of the Bulletin of the Atomic Scientists in the US is one of the best verified public sources on the nuclear arsenals of the US and Russia. The comparison for the year 2024 gives the following picture on table: The US has a total of only 200 non-strategic / tactical nuclear warheads 1-5 B61-3/-4/-12 bombs for their combat aircrafts F-15E, F-16 C/D, F-35A. 100 warheads type B61 1-4 are in Europe, which have been replaced by the modernized version B61-12 since the beginning of 2023 / 24. The other 100 bombs “are in central storage in the United States as backup and contingency missions in the Indo-Pacific region”.

The Nuclear Notebook 2024 indicates for Russia in contrast 1558 nonstrategic / tactical warheads with the remark: *“Russia’s nonstrategic nuclear weapons are believed to be in storage and are not collocated with their launchers, and therefore*

¹Außenministerium der Russischen Föderation. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1836575/

²Russland-Analysen. URL: <https://laender-analysen.de/russland-analysen/439/russlandanalysen439.pdf>

³Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71445>

⁴Академик А. Арбатов: нужно говорить не о разоружении, а о восстановлении контроля. URL: <https://www.interfax.ru/russia/964173>

are not formally counted as 'deployed' in this Nuclear Notebook; however, many regional storage sites are located relatively close to their launcher garrisons and in practice warheads could be transferred to their launch units on short notice."

Notabene: This separation of storage and launcher also applies to the 200 US tactical warheads.

The Russian launchers are divided into Naval (no details), Land-based air: 289, ABM / Air / Coastal defense added together: 882, Ground – based added together: 170¹.

Let us now come to Arbatov's claim about the possible rapidly disassembled and dismantled US-strategic warheads. Whether this is even technically possible, apart from the military sense, the author cannot judge. But, if possible, the same applies to the Russian warheads. However, Arbatov does not refer to this.

What do the numbers say? The entire US nuclear forces stockpile consists of 3708 warheads. Deployed: 1770; Reserve: 1938; Retired, awaiting dismantlement: 1336². Because Moscow does not allow public access research as Washington does, US scientists cannot give the data on Russian nuclear arsenals the same validity as their own. Nevertheless, deviations from reality are likely to be very small.

The Bulletin 2024 indicates the stockpile of Russian warheads with 4380. Deployed: 1710; Reserve: 2670; Retired, awaiting dismantlement: 1200³.

So, the US could theoretically 136 more than Russia already dismantled warheads reactivate. In this technically very questionable category: Arbatov's statement is therefore formally correct – but has no military-strategic insight value. The number of warheads actively held in reserve is much more important for a rapid return to service. And in this category, as shown, Russia has 732 more warheads than the USA. But nuclear warheads do not stand in a numerical comparison like tanks on the battlefield. The decisive factor is the range of capabilities that these systems should have and can potentially achieve. Against this background, from a German and European perspective, the aforementioned high preponderance of Russian tactical nuclear weapons is the key threat perception to then.

¹Atomwaffe A-Z. URL: <https://www.atomwaffena-z.info/glossar/begriff/b61-12-bombe>

²Bulletin of The Atomic Scientists 2024. URL: <https://thebulletin.org/premium/2024-05/united-states-nuclear-weapons-2024/>

³Bulletin of the Atomic Scientists 2024. URL: <https://thebulletin.org/premium/2024-03/russian-nuclear-weapons-2024/>

EUROPEAN NUCLEAR THREAT PERCEPTIONS – PROTECTION BY FRENCH NUCLEAR WEAPONS?

Threat-analytical knowledge includes the fact that military potential / capabilities can trigger powerful threat perceptions simply through their quantity / quality and deployment, even without communicated intentions. For example, the West has long regarded Russia's extensive tactical nuclear arsenal as a major threat to European stability. The stationing of Russian nuclear weapons in Belarus⁴, which had been free of nuclear weapons for some time following the transfer of the Soviet nuclear systems stationed there to Russia under the Budapest Memorandum of 1994⁵, could lead to a further destabilization of European security.

European capitals were startled by Donald Trump's oft-repeated statement at election campaign appearances at the turn of 2023 that, "when asked by a President of a big country said, Sir if we wouldn't pay and attacked by Russia, will you protect us. I said, you didn't pay, you delinquent? He said yes, let say that happened. No, I wouldn't protect you, by fact. I would encourage them to do whatever the hell they want. You have to pay your bills."⁶

Since then, politicians and scientists have been debating whether, in view of Trump's potential re-election and his political unpredictability, French nuclear weapons could provide a European deterrent umbrella. Under the impression of the irritating foreign and security policy of the Trump administration at that time Macron had already advocated a "strategic dialogue" in a keynote speech in February 2020. He repeated his offer in another programmatic speech in Sweden in January 2024. However, Chancellor Angela Merkel did not react at all to the offers from the Élysée, and her successor in office, Olaf Scholz, was dismissive: "I believe it is very important to uphold transatlantic cooperation. That is why my government has decided to continue nuclear sharing with the USA and in NATO. I think this is the more realistic way forward". Since Macron's first offer, there has been concern in political Berlin that entering into a more in-depth nuclear discussion with Paris could be misperceived in Washington as an intended withdrawal from the US extended deterrent for Europe.

⁴Liviu Horowitz/Lydia Wachs. URL: <https://www.swp-berlin.org/10.18449/2024A28/>

⁵Budapester Memorandum URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%203007/Part/volume-3007-I-52241.pdf>

⁶Donald Trump. URL: <https://www.spiegel.de/politik/trump-biden-und-die-nato-ich-wuerde-euch-nicht-beschuetzen-vs-amerika-ist-zurueck-a-eb065962-e4d4-4b13-8b0c-48ab3a070c4b>

⁷Scholz, Interview. URL: <https://olaf-scholz.spd.de/aktuelles/detail/news/olaf-scholz-im-interview-mit-der-zeit/25/01/2024>

Article 4 of the Franco-German Treaty of Aachen / January 2019 states: “*In the event of an armed attack on their territories, they shall afford each other all the assistance and support in their power, including military means*”¹. The content of this mutual assistance clause is more precise and far-reaching than that of Article 5 of the NATO Treaty and Article 42.7 of the EU Treaty². It is completely unclear, although it is not in either party’s interest, whether the assurance of mutual assistance on the French side also includes nuclear weapons.

Some German Military and security policy experts have recently been increasingly calling for Macron’s offer of strategic dialog to finally be accepted in order to create a second nuclear pole of political incalculability as the constitutive element of the deterrence concept in and for Europe. As a first step in this direction, the former Chairman of the NATO Military Committee, retired General Klaus Naumann, proposes “*to present the French with the demand to certify French nuclear weapons for the Future Combat Air System, which cannot be realized without German money and German technology, in the form of a Franco-German sharing arrangement analogous to the NATO model. This would not only secure FACS in the long term, but would also create a Franco-German nuclear sharing arrangement that would complement rather than replace the American nuclear sharing arrangement anchored in NATO*” [Naumann, 2024].

What is proposed as a technological, deterrent-potentiating, creative consideration would probably but have destructive effects in terms of alliance policy. This is because other larger European states, such as Spain, Italy and especially Poland, which are already often suspicious of the Franco-German ‘axis’ as a step towards a European condominium, could see this as an attempted exclusive German deterrent advantage.

However, Macron’s vague proposal on the nuclear discourse seems to be aimed at the European dimension. Here are just five of many other questions to be resolved in this context: Which states should the French nuclear program offer protection to? Moreover, how could this be reconciled with the ‘sacred’ dogma of nuclear sovereignty? How sustainably stable would a future French nuclear umbrella be for Europe in view of a potential presidency of Marie Le Pen? In the case of the German Tornado aircraft, soon to be the F-35, with US nuclear gravity bombs and conventional stand-off weapons, Berlin would at least have the

right to refuse to allow the German pilots to take off. Would Paris actually establish a nuclear sharing program, similar to the USA, and train pilots from Germany and other European countries and allow them to take off in their nuclear-capable aircraft in the event of war? And is the Force de dissuasion nucléaire française / French nuclear deterrent force at all compatible with a potential European deterrent in terms of purpose, structure, purpose-target deployment principles and capabilities?³

Nota bene, the French nuclear arsenal⁴ comprises between 280 and 300 warheads, depending on the estimate, and is therefore around three times as large as the estimated 100 US warheads in Turkey, Belgium, Germany, Italy and the Netherlands.

1996 under the presidency of Chirac, the SSBS S3 medium-range systems were dismantled as intercontinental missiles according to French understanding. Already in 1993, the mobile tactical short-range systems Pluton and 1997 the Hades were removed from service. France’s nuclear doctrine, with its four nuclear submarines, is geared towards strategic deterrence through the principle of ‘massive retaliation’ to an attack on France, analogous to that in the USA until the mid-1960s, but largely sea-based and not land-based. Not in relation to the international category of ranges but in relation to potential targets in Russia, the French sea- and air-based are perceived in Moscow as strategic. The extent to which the ASMPA / ASMPA-R air-to-ground stand-off weapons of the Rafale B fighter aircraft could overcome the deeply echeloned Russian air defense (S-300 / 400) is not discussed in open sources in France.

Extended nuclear deterrence requires a wide range of capacities for multiple options. The French nuclear weapons do not possess these multiple capabilities. Against this background the French nuclear weapons technically as a nuclear shield might only be used for the immediate neighbors Germany and BeNeLux. But an extended French deterrence for all European NATO states is completely impossible.

RUSSIA’S TACTICAL AN INF-NUCLEAR WEAPONS AS A THREAT

During the East-West conflict, the military forces and weapons of the Warsaw Treaty states were massed against West Germany. “*At the height of the*

¹Vertrag von Aachen. URL: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/vertrag_von_aachen_cle857ef9.pdf

²EUV. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/396620/0a70a7885e83aca60333593f753ccbfb/kollektiver-beistand-in-der-eu-data.pdf>

³Bulletin of The Atomic Scientists 2023. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/2023/07/French-nuclear-weapons-2023.pdf>

⁴SIPRI-Yearbook 2024. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/YB24%2007%20WNF.pdf>,

*Cold War, the United States stationed around 7,300 nuclear weapons in Europe to provide NATO allies with extended deterrence and security guarantees.*¹ These were intended to deter a potential conventional attack from the East with its numerically far superior tanks, artillery / mortars, attack helicopters, soldiers through nuclear deliberate escalation / intra war deterrence. But the “Soviet Union kept about 3000 tactical nuclear weapons ready for forward deployed forces in Europe.”² This gave it the capacity for nuclear counter-escalation and enabled it to neutralize the NATO option. Today’s militarily neuralgic region with its conventional forces, which are massively weaker than those of Russia, are the three Baltic states and, in an extended geographical context, the so-called eastern flank of NATO.

In the wake of the collapse of the USSR, President George H. Bush issued the ‘Presidential Nuclear Initiatives’ of September 27, 1991 as the basis for the extensive reduction and destruction of its tactical nuclear systems in Europe. “*The United States destroyed approximately 2,000 nuclear artillery shells and short-range ballistic missiles, removed all tactical nuclear weapons from warships, submarines, and naval aircraft, destroyed all naval nuclear mines, reduced the readiness level of strategic bombers, and cancelled planned modernizations of some nuclear weapons systems.*”³ President Gorbachev and his successors promised to do the same with their tactical systems. “*By 2010, Russia had consolidated its tactical nuclear weapons in centralized storage sites in Russia, removed tactical nuclear weapons from its ground forces, and drastically reduced the tactical nuclear arsenal of its air force, missile defense forces and navy, reducing the number of non-strategic nuclear weapons by about 75 per cent.*” The Bulletin of Atomic Scientists 2010 gives the number of deployable non-strategic Russian warheads for that year with about 2000. This order of magnitude is supplemented by the analysts with the reference to the estimated number of reserves and dismantled warheads: “*We estimate that an additional 3.300 nonstrategic warheads are in reserve or awaiting dismantlement, leaving a total inventory of approximately 5.300 nonstrategic warheads.*”⁴ Russia has reduced its arsenal in this category by just under a quarter between 2010 and 2024. As mentioned above, 1558 operational

non-strategic nuclear warheads are deployable in 2024⁵. But how many warheads are kept in reserve or stored as retired in depots is unknown.

By contrast, in 2010, the US had only 500 deployable non-strategic warheads. *The U.S. government does not count spares as operational warheads. We have included them in the reserve, which we estimate contains approximately 2,600 warheads. Several thousand other retired warheads are awaiting dismantlement. “Approximately 200 B61 bombs are deployed at six bases in five European NATO countries.”* Compared to 2010, the total deployable stock was reduced by 60 percent in 2014 and by 100 percent in Europe⁶.

In accordance with Clausewitz’s strategic trias, the end-goal-means relationship, a large scale of tactical and INF nuclear weapons is undeniably available as a massive potential means of deployment. These include the deployment of 9K720 / Iskander in Kaliningrad Oblast⁷ among other places within range of Tallinn, Riga, Vilnius, Warsaw and Berlin, as well as the 9M728/729/SSC-8 as medium-range systems⁸. They trigger threat perceptions in the target countries mentioned and that cannot be discarded as threat pareidolia. Russian scientific colleagues would very probably answer the German author’s question about their purpose and goal: According to Russian military doctrine, only to deter a US / NATO nuclear attack or other weapons of mass destruction, or if Russia’s existence were threatened with conventional weapons. However, there is no official definition of what is meant by a potential existential threat.

Thomas Schelling, the internationally highly regarded US nuclear and disarmament strategist, introduced the differentiation between “deterrence” and “compellent / coercive” within the deterrence theorem. The deterrent threat focuses on the prevention of a military attack as a deterrent purpose / goal, but is not itself aggressive. The compellent / coercive threat, on the other hand, focuses aggressively on political enforcement objective. The Russian systems mentioned could according to Western assessment also serve this purpose. Research by US nuclear analyst Tristan Volpe has shown that in the past, nuclear weapon states

¹Nato Review. URL: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2020/06/08/nuclear-deterrence-today/index-ge.html>

²SWP-Aktuell. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2020A48_nukleare_teilhabe.pdf

³Presidential Nuclear Initiatives. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/presidential-nuclear-initiatives/>

⁴Bulletin Russia. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.2968/066001010?needAccess=true>

⁵Bulletin Russia. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.2968/066001010?needAccess=true>

⁶Bulletin USA. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.2968/066003008?needAccess=true>

⁷Agnieszka Legucka. URL: <https://laender-analysen.de/polen-analysen/287/polenanalysen287.pdf>

⁸SSC-8. URL: <https://missilethreat.csis.org/missile/ssc-8-novator-9m729/>

have used these weapons several times as a means of exerting pressure for various purposes¹.

The agreement of July 10, 2024 between the USA and Germany on the fringes of the last NATO summit in Washington to station new US medium-range systems at the US Multi Domain Task Force² in Germany from 2026, should be understood in this context. It states: “When fully developed, these conventional long-range fires units will include SM-6, Tomahawk, and developmental hypersonic weapons, which have significantly longer range than current land-based fires in Europe. Exercising these advanced capabilities will demonstrate the United States’ commitment to NATO and its contributions to European integrated deterrence.”³ One such project was already announced in the first German National Security Strategy in 2023: “The Federal Government will promote the development and introduction of future capabilities such as stand-off precision weapons.”⁴

The German government justifies the future deployment of these precision stand-off weapons as a response to the Russian build-up of dual-use / conventional nuclear missiles and cruise missiles in recent years⁵. Parallel to the deterrent function of the military-technical and security-political link to

the US posture, the other function is to overcome the Russian Anti-Access / Area Denial (A2 / AD) with them. What does that mean? “Their first task is those Russian deep-strike capabilities designed to keep the Alliance at a distance (hold at risk) and possibly destroy them before they fire on NATO territory. If the Kremlin loses these systems because they were destroyed or withdrawn, it would make it easier NATO to push back the attack. This should deter Russia from attacking NATO countries.

The second task of the medium-range weapons is to destroy at least some time-critical high-value targets in Russia. These include mobile command centers or launching pads or ballistic missiles and cruise missiles. This signals to Russia that NATO has the option, in the event of an attack to massively reduce Russia’s ability to continue hostilities. This should deter an attack as well.”⁶

This exclusively conventional armament and its limited system deployment⁷ is intended to convey the Russian General Staff’s perception and assessment of the Nato-inability to launch a military strategic decapitation. However, there would still be time until 2026 to bring all three US systems into arms control negotiations: No deployment in exchange for verified dismantling of the Russian INF systems.

NATO can do without equality in quantity, but must guarantee credibility in the quality of its capabilities. In this sense the European NATO countries are also planning to build up their own/independent non-nuclear deterrence system by denial: The European Sky Shield⁸.

¹Tristan A. Volpe. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/book/nuclear_latency_and_hedging_-_concepts_history_and_issues.pdf

²Multi Domain Task Force. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11797/13>

³Joint Statement White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/07/10/joint-statement-from-united-states-and-germany-on-long-range-fires-deployment-in-germany/>

⁴Nationale Sicherheitsstrategie. URL: <https://www.bmvg.de/resource/blob/5636374/38287252c5442b786ac5d0036ebb237b/nationale-sicherheitsstrategie-data.pdf>

⁵Augen geradeaus. URL: <https://augengeradeaus.net/2024/07/dokumentation-die-nun-doch-anlaufende-debatte-ueber-us-mittelstreckenwaffen-in-deutschland/>

⁶SWP Aktuell. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/aktuell/2024A36_US-Mittelstreckenwaffen_Deutschland.pdf

⁷Ibid.

⁸European Sky Shield initiative. URL: <https://www.bmvg.de/de/aktuelles/european-sky-shield-die-initiative-im-ueberblick-5511066>

REFERENCES

1. Boulding, K. E. (1969). National Images and International Systems. In Rosenau, J. N. (Ed.), International politics and Foreign Policy. New York.
2. Wason, P. (1968). Reasoning about a rule. Quarterly Journal of Experimental Psychology, 20, 273–281.
3. Lippmann, W. (1946). Public Opinion. New York.
4. Kant, I. (1953). Zum Ewigen Frieden, Ausgabe.
5. Tugendhat, E. (1986). Nachdenken über die Atomkriegsgefahr und warum man sie nicht sieht, Berlin. (In German)
6. Kaufmann, F. X. (1973). Sicherheit als soziologisches und sozialpolitisches Problem. Stuttgart. (In German)
7. Frei, D. (1978). et al. Das Konzept ‘Sicherheit’. In Klaus-D. Schwarz (Ed.) Sicherheitspolitik, Bad Honnef. (In German)
8. Trenin, D. (2024). Russland und die US-Präsidentschaftswahlen. WeltTrends, 202, 45–47. (In German)
9. Naumann, K. Leserbrief vom 16.2.2024 in der Frankfurter Allgemeine.
10. Schelling, Th. C. (1966). Arms and Influence. New Haven, London: Yale University Press.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Boulding K. E. National Images and International Systems // International politics and Foreign Policy / Ed. by J. N. Rosenau. New York, 1969.
2. Wason P. Reasoning about a rule // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1968. Vol. 20. P. 273–281.
3. Lippmann W. Public Opinion. New York, 1946.
4. Kant I. Zum Ewigen Frieden, Ausgabe. 1953.
5. Tugendhat E. Nachdenken über die Atomkriegsgefahr und warum man sie nicht sieht. Berlin, 1986.
6. Kaufmann F. X. Sicherheit als soziologisches und sozialpolitisches Problem. Stuttgart, 1973.
7. Frei D. et al. Das Konzept 'Sicherheit'. In Klaus-D. Schwarz (Ed.) Sicherheitspolitik, Bad Honnef. 1978
8. Trenin D. (2024). Russland und die US-Präsidentenwahlen // WeltTrends. 2024. Vol. 202. P. 45–46.
9. Naumann K. Leserbrief vom 16.2.2024 in der Frankfurter Allgemeine.
10. Schelling Th. C. Arms and Influence. New Haven, London: Yale University Press, 1966.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lapins Wulf

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor
Senior Research Fellow of the WeltTrends
Institute for International Relations in Potsdam, Germany

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Липинс Вульф

доктор политических наук, профессор
старший научный сотрудник
Института международных отношений WeltTrends, Потсдам, Германия

Статья поступила в редакцию	20.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	01.11.2024	
принята к публикации	18.11.2024	

Научная статья
УДК 327

Потенциал расширения экономического взаимодействия ЕАЭС и Ирана

Н. А. Комаров

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
nakomaroff@gmail.com*

Аннотация. В статье определены потенциальные сферы экономического сотрудничества ЕАЭС и Ирана, среди которых логистика, энергетика и межбанковские расчеты. Изучены политические и экономические предпосылки сближения ЕАЭС и Ирана. В статье применены общенаучные методы: сравнительный анализ, индукция, дедукция, статистический метод и синтез. Сделан вывод, что сотрудничество ЕАЭС и Ирана обладает большим потенциалом, однако полноценное воплощение в жизнь выделенных перспективных сфер сотрудничества станет возможно только после устранения имеющихся препятствий.

Ключевые слова: ЕАЭС, Россия, Иран, зона свободной торговли, МТК, энергетическая интеграция, межбанковские расчеты

Для цитирования: Комаров Н. А. Потенциал расширения экономического взаимодействия ЕАЭС и Ирана // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 42–49.

Original article

Potential for Expanding Economic Cooperation between the EAEU and Iran

Nikita A. Komarov

*St Petersburg University, St. Petersburg, Russia
nakomaroff@gmail.com*

Abstract. The article identifies potential areas of economic cooperation between the EAEU and Iran, including logistics, energy and interbank settlements. Political and economic prerequisites for the rapprochement of EAEU and Iran are studied. The article applies general scientific methods: comparative analysis, induction, deduction, statistical method and synthesis. It is concluded that cooperation between the EAEU and Iran has great potential, but the full implementation of the identified promising areas of cooperation will be possible only after the elimination of existing obstacles.

Keywords: EAEU, Russia, Iran, free trade zone, ITC, energy integration, interbank settlements

For citation: Komarov, N. A. (2024). Potential for expanding economic interaction between the EAEU and Iran. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 42–49. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В сложившихся геополитических условиях расширение торгово-экономического сотрудничества между государствами – членами ЕАЭС и Ираном является перспективным для всех взаимодействующих сторон. После подписания в декабре 2023 года Соглашения о свободной торговле между Ираном и ЕАЭС вновь стал актуальным вопрос расширения взаимодействия сторон.

В данном контексте невозможно отрицать важную роль политической составляющей взаимодействия дружественных стран. На Россию и Иран наложены санкции, которые негативно влияют на развитие обоих государств. Решение существующих проблем в национальных экономиках и экономическом сотрудничестве и реализация давно назревавших совместных проектов станут фундаментом будущего взаимодействия.

Снятие таможенных пошлин в результате заключения вышеупомянутого соглашения обладает большим потенциалом для увеличения доли товаров с высокой добавленной стоимостью, более технически сложных товаров в общем объеме взаимной торговли. Реализация намеченных совместных планов и проектов открывает новые возможности для развития национальных экономик без влияния международной конъюнктуры и односторонних санкций.

Интеграция может складываться только на основе добровольного сотрудничества с соблюдением национального суверенитета и уважения к укладу жизни народов [Иванников, Чулаби, 2023]. Таким требованиям отвечает евразийская интеграция, воплощенная в ЕАЭС. Поворот на Восток России и Ирана также играет немаловажную роль в развитии отношений между двумя странами

Цель данной статьи – определить потенциальные сферы экономического сотрудничества ЕАЭС и Ирана. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

- рассмотреть текущие торгово-экономические показатели сотрудничества;
- выявить политические и экономические предпосылки сближения ЕАЭС и Ирана;
- проанализировать имеющиеся проекты и программы сотрудничества между сторонами.

Для оценки влияния исторических событий в мировой политике на укрепление политического и экономического сотрудничества ЕАЭС и Ирана использовались сравнительный анализ, дедуктивный метод и синтез. С помощью статистического метода проанализированы текущие показатели торгово-экономического взаимодействия. Для определения перспективных сфер экономического сотрудничества использовались индукция, дедукция и синтез.

Научная новизна исследования – рассмотрение и определение имеющихся и перспективных проектов и программ экономического сотрудничества ЕАЭС и Ирана, которые открывают новые возможности для расширения взаимодействия сторон.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕДПОСЫЛКИ УКРЕПЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Стремление Ирана развивать сотрудничество с ЕАЭС было заложено в 2018 году, когда США вышли из Совместного всеобъемлющего плана действий или Соглашения по иранской ядерной программе. Президент США Дональд Трамп обвинил Иран в невыполнении обязательств, возложенных на него в рамках соглашения, и объявил о введении санкций. Наложение рестрикций действительно оказало негативное влияние на иранскую экономику, значительно замедлив темпы ее роста. Особенно пагубное влияние на экономику Ирана оказывают напряженные отношения с азиатскими государствами, которые зачастую становятся жертвой санкционного давления.

Восток, в том числе страны Евразийского региона, занимает важнейшее место во внешней политике Ирана. В 2005 году иранский президент Махмуд Ахмадинежад объявил о начале реализации политики «Взгляд на Восток», целью которой стало укрепление связей с незападными государствами [Зеленева, 2022]. В рамках этой политики М. Ахмадинежад предпринял попытки полноправного вступления Ирана в Шанхайскую организацию сотрудничества, которые не увенчались успехом. В то же время в 2005 году Иран получил статус наблюдателя при организации [Смагин, 2021]. Таким образом, Иран пытался укрепить собственную и региональную безопасность, активизировать экономическое сотрудничество в регионе, выйти из международной изоляции, а также противостоять давлению Запада [Дунаева, 2017].

Послабление санкций в 2015 году не оказало существенного влияния на смену внешнеполитического вектора Ирана. Руководство страны не раз заявляло о «предпочтении Востока Западу». Этому способствовала, в том числе, нерешительность Евросоюза по снятию санкций с Ирана. Одним из итогов нового витка напряженности в отношениях Ирана с США в 2018 году стало подписание Временного соглашения, ведущего к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Ираном, которое было продлено в 2022 году.

ТЕКУЩЕЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Динамика торговли за 2017–2021 годы показывает резкий рост в 2021 году. Взаимный товарооборот с 2,7 млрд долл США в 2017 году вырос до 5,0 млрд долл в 2021 году. При этом сальдо торгового баланса на всем протяжении выбранного периода оставалось положительным для объединения, достигнув своего максимального значения также в 2021 году и составив 1,8 млрд долл. Динамика экспорта Ирана в страны ЕАЭС на всем промежутке показывала стабильный рост, увеличившись с 0,7 млрд долл. в 2017 году до 1,6 млрд долл. в 2021 году.

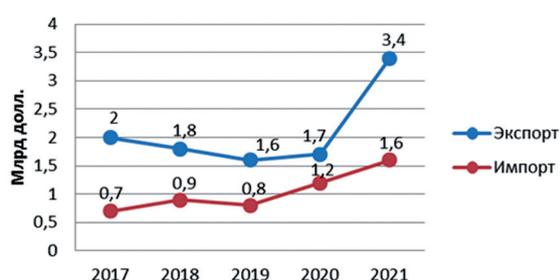

Рис. 1. Динамика торговли между ЕАЭС и Ираном в 2017–2021 годах¹

В 2021 году в структуре экспорта ЕАЭС в Иран преобладали продовольственные товары и сельскохозяйственные товары, которые составили 2,9 млрд долл. взаимного товарооборота. Рост увеличился в 2,3 раза по сравнению с 2020 годом. Из этого можно сделать вывод, что резкий рост экспорта в 2021 году (с 1,7 млрд долл. в 2020 году до 3,4 млрд долл. в 2021 году) произошел за счет увеличения поставок зерна, масел и жиров в Исламскую Республику Иран. ЕАЭС также экспортировал древесину и целлюлозно-бумажные изделия (115 млн долл.), машины, оборудование и наземные транспортные средства (114 млн долл.), а также иные товары. В то же время доля этих товаров составляет незначительную часть экспорта.

В структуре экспорта Ирана в страны ЕАЭС также преобладали продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, которые составили 910 млн долл. всего экспорта. В эту товарную группу входят фрукты и орехи, овощи и клубнеплоды. Кроме продовольственных товаров Иран экспортировал продукцию химической промышленности, каучук (248 млн долл.), минеральные продукты

¹Внешняя торговля ЕАЭС с Ираном по итогам 2021 года // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/57a/EAES_Iran.pdf

(189 млн долл.) и другое. Стоит отметить, что структура экспорта Ирана в страны ЕАЭС более выдержанная, существует перекося в сторону продовольственных товаров, при этом сохраняется баланс.

Рис. 2. Место Ирана и ЕАЭС в общей торговле по итогам 2021 года (в млрд долл.)²

По итогам 2021 года во внешней торговле ЕАЭС Иран занял 32 место с показателем всего 0,6 % внешнеторгового оборота ЕАЭС. В то же время страны ЕАЭС заняли 3-е место во внешней торговле Ирана с 10 % внешнеторгового оборота. Подписание полноформатного соглашения, а также наложение в 2022 году новых санкций против России открывают новые возможности для расширения сотрудничества между ЕАЭС и Ираном в логистической и энергетической сферах, в системе межбанковских расчетов, а также в расширении товарных позиций во взаимной торговле.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

В условиях существующих санкций сотрудничество ЕАЭС и Ирана является взаимовыгодным по нескольким причинам.

Во-первых, государства – члены ЕАЭС и Иран являются крупными экономическими державами.

Во-вторых, ЕАЭС может помочь Ирану наладить внешнюю торговлю, предоставляя свои рынки для торговли, а также формируя плацдарм и условия для дальнейшего экспорта товаров в третьи страны и импорта в Иран [Иванников, Чулаби, 2023]. В то же время Иран может экспортировать в страны ЕАЭС, в частности, в Россию товары, доступ к которым или самостоятельное производство которых по тем или иным причинам на данный момент ограничены.

В-третьих, ЕАЭС может предоставить Ирану финансовую поддержку в виде инвестиций

²Внешняя торговля ЕАЭС с Ираном по итогам 2021 года // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/57a/EAES_Iran.pdf

и кредитов, что позволит не только улучшить экономическое положение последнего, но и, в частности, увеличить пропускную способность МТК «Север – Юг».

Сотрудничество в области транспорта

Международный транспортный коридор «Север – Юг» является перспективным направлением развития связей ЕАЭС и Ирана в сфере логистики, который ныне существует в виде нескольких транспортных элементов (железнодорожных и морских грузоперевозок), объединенных в единый кластер [Александровская, 2021].

Непрекращающийся конфликт в Секторе Газа, атаки на контейнеровозы в Красном море ставят под вопрос безопасность грузоперевозок через Суэцкий канал, в то же время актуализируя возможность осуществления грузоперевозок по МТК «Север – Юг». При этом многие эксперты и логисты ставят под сомнение вопрос применения МТК «Север – Юг» в качестве альтернативы транспортировке через Суэцкий канал.

Во-первых, морские пути, идущие из Китая в Европу через Суэцкий канал, являются частью глобального торгового пути, отработанные десятилетиями.

Во-вторых, транспортировка через Суэцкий канал до сих пор остается самым дешевым маршрутом. На нем работают крупнейшие судаконтейнеровозы, конкурировать с которыми не в состоянии ни одна железная дорога¹.

В-третьих, у МТК «Север – Юг» отсутствует развитая транспортная инфраструктура, что заметно уменьшает привлекательность данного маршрута.

Транспортировка через МТК «Север – Юг» представляет особый интерес для России, особенно для наполнения рынка и быстрого взаимодействия со странами Ближнего Востока и Средней Азии в условиях санкционного давления. В 2022 году грузопоток коридора, согласно заявлению замминистра экономического развития Российской Федерации Д. Вольвача, превысил 16 млн т. По данным Минтранса России, в 2023 году ожидается рост общего грузопотока с 14,5 млн т до 17,6 млн т².

¹Максимов В. Алекс – Юстасу, Север – Югу. Коридор в затмении: что происходит в МТК «Север – Юг» и каковы его реальные перспективы // Сетевое издание «Вгудок». URL: <https://vgudok.com/lenta/aleks-yustasu-sever-yugu-koridor-v-zatmenii-cto-proishodit-v-mtk-sever-yug-i-kakovy-ego>

²РЖД удвоили объем грузовых перевозок по МТК «Север – Юг» с начала 2023 года // РЖД. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=213166>

В ноябре 2023 года сообщалось, что объем перевозок по МТК «Север-Юг» вырос до 8,9 млн т³. Грузоперевозки в основном обеспечены за счет нефтяных грузов, зерна и черных металлов. При этом за тот же период объемы перевозок в Азовско-Черноморском направлении составили 76,7 млн т⁴, по Восточному направлению по итогам 2023 года – 158 млн т, по Северному морскому пути в 2022 году – 34 млн т⁵. Соответственно, объемы перевозок по МТК «Север – Юг» остаются на достаточно низком уровне, тогда как в других транспортных коридорах фиксируются более высокие показатели.

МТК «Север – Юг» обладает большим потенциалом для развития торгово-экономических связей ЕАЭС с Ираном, странами Ближнего Востока, Средней и Южной Азии, раскрыть который предстоит в будущем через вложение инвестиций, развитие транспортной инфраструктуры проекта. Стоит признать тот факт, что актуализация совершенствования МТК «Север – Юг» стала возможна только после усиления санкционного режима против России в 2022 году, хотя Межправительственное соглашение о создании международного транспортного коридора «Север – Юг» было подписано Россией, Ираном и Индией еще в 2000 году.

Развитие МТК «Север – Юг» открывает возможности для дальнейшего сопряжения с китайской инициативой «Пояса и пути» в южном направлении [Зеленева, 2022]. Принимая во внимание вышесказанное мы не можем не заметить следующий риск: при возможном восстановлении связей России с ЕС МТК «Север – Юг» вновь перестанет быть интересным для его главного бенефициара, что, в свою очередь, поставит под вопрос существование транспортного коридора и дальнейшее расширение сотрудничества ЕАЭС с Ираном.

Энергетическое сотрудничество

Иран испытывает проблемы в сфере обеспечения электроэнергией части своих регионов. В этой связи с 2017 года между ЕАЭС и Ираном реализуется проект объединения энергосистем так называемого энергетического «моста», который подразумевает подключение Ирана к энергетической системе ЕАЭС [Усманов, Югзов, 2022]. Этот

³Объем перевозок по Восточному полигону за 10 месяцев вырос до 151,5 млн т // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19379203>

⁴Там же.

⁵Максимов В. Алекс – Юстасу, Север – Югу. Коридор в затмении: что происходит в МТК «Север – Юг» и каковы его реальные перспективы // Сетевое издание «Вгудок». URL: <https://vgudok.com/lenta/aleks-yustasu-sever-yugu-koridor-v-zatmenii-cto-proishodit-v-mtk-sever-yug-i-kakovy-ego>

проект также является взаимовыгодным, так как в обмен Армения получает из Ирана газ по программе «Армения – Иран: газ в обмен на электроэнергию».

Закрывать потребности Ирана в электроэнергии также может Мегринская ГЭС на границе Армении и ГЭС в Карачиларе на границе Ирана, обсуждение строительства которых ведется с 2006 года. Согласно проекту, производственная мощность первой составит 100 МВт, а ежегодная выработка электроэнергии – 750–800 млн кВт/ч¹.

История сотрудничества России с Ираном в атомной энергетике началась в 1992 году, когда между странами были подписаны двусторонние соглашения о сооружении АЭС и мирном использовании атомной энергии, а в 1995 году АО «Атомстройэкспорт» заключил контракт о постройке АЭС. В 2010 году Россия завершила перестройку первого энергоблока АЭС в Бушере, строительство которого началось еще в конце 1970-х, но после исламской революции 1979 года работы были остановлены.

В 2014 году между Россией и Ираном был подписан дополнительный протокол к соглашению, согласно которому Россия взяла на себя обязательства по строительству дополнительных 4-х энергоблоков на АЭС Бушер. На данный момент идет реализация проекта «Бушер-2», совокупная мощность вводимых в эксплуатацию двух блоков проекта должна составить 2,1 тыс. МВт [Усманов, Югзов, 2022]. Намеченное завершение строительства второго и третьего блоков в 2024 и 2026 годах соответственно может получить новый импульс во взаимодействии в сложившихся геополитических условиях.

Еще одним перспективным направлением сотрудничества в энергетике является создание газового хаба на территории Ирана. По задумке новый хаб должен был стать перевалочным пунктом для российского газа по пути на европейский рынок. На фоне введения ограничений на закупки российских нефти и газа сообщалось о начале своих поставок нефтепродуктов в Иран².

Активную роль на данном треке сотрудничества играет ПАО «Газпром». Так, в июле 2022 года между российской нефтегазовой компанией и Иранской национальной нефтяной корпорацией был подписан меморандум о взаимопонимании по стратегическому сотрудничеству на 40 млрд долл. США, целями которого являются разработка газовых

месторождений в Иране, реализация совместных СПГ-проектов, поставка газа в третьи страны, а также помощь России в завершении строительства газопроводов Ирана в Оман и Пакистан.

Газопровод из Ирана в Пакистан может быть продолжен в Индию с сопутствующим созданием соответствующей инфраструктуры по добыче, транспортировке и переработке углеводородов. Однако, как отмечают эксперты, реализация данного проекта невозможна в связи с противоречиями между Пакистаном и Индией, которые не могут создать благоприятные условия для подписания соответствующего соглашения [Зеленева, 2022].

Кроме того, ранее, в 2009 году о возможности строительства завода по сжижению природного газа заявляло ПАО «Газпром»³. Ныне этот вопрос вновь может стать одним из ведущих в повестке дня энергетического сотрудничества. Таким образом, энергетический трек взаимодействия Ирана и ЕАЭС обладает большим потенциалом, благодаря которому представляется возможным не только решить проблемы российской стороны в связи с введением рестрикций на нефте- и газоперерабатывающий сектор, но и реализовать нефтегазовый потенциал Ирана.

Финансовое сотрудничество

Объединяющим фактором также может стать стремление сторон, в частности, России и Ирана к использованию национальных валют в расчетах при взаимной торговле и, соответственно, отказ от доллара. С такими предложениями не раз выходило руководство обеих стран. Кроме того, оба государства в связи с санкциями отключены от международной межбанковской системы передачи информации о платежах (SWIFT) и уже давно разрабатывают собственные аналогичные системы.

Россия разрабатывает Систему передачи финансовых сообщений (СПФС), которой пользуются для подтверждения платежей на территории государств – членов ЕАЭС, а также в странах дальнего зарубежья [Когалов, 2023]. В попытке преодолеть потенциальную блокировку электронных платежей в западных системах Mastercard и Visa Россия также создала платежную систему «Мир».

В 2002 году Иран в связи с отключением от SWIFT в результате американских санкций, наложенных на него в 1997 году, начал разработку собственной банковской системы Shetab с целью создания единой основы иранской банковской системы. В 2012 году в Иране начала создаваться и уже много лет

¹Стало известно, когда Армения и Иран начнут строить ГЭС в Мегри // Евразия Эксперт. URL: <https://eurasia.expert/stalo-izvestno-kogda-armeniya-i-iran-nachnut-stroit-ges-v-megri/>

²Иран заявил о планах создания газового хаба с участием России, Туркмении и Катара // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/06/08/979209-iran-zayavil-o-planah-sozdaniya-gazovogo-haba>

³«Газпром» построит в Иране заводы по производству СПГ // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/03/2009/5703d29b9a79473dc814d00b>

функционирует альтернативная система регионального значения (SEPA), аналог SWIFT. После заключения «ядерной сделки» в 2015 году некоторые иранские банки вновь получили доступ к SWIFT, но вскоре были отключены от нее после выхода США из сделки в 2018 году [Иванов, 2023].

В феврале 2023 года сообщалось об объединении платежных систем СПФС и SEPA, в результате которого к 300 банкам, входящим в СПФС, присоединилось 52 банка Ирана. В результате объединения Иран был связан со 106 иностранными нероссийскими банками¹, в том числе из государств – членов ЕАЭС. По оценкам экспертов, объединение двух систем позитивно скажется на расширении торгово-экономических отношений России и Ирана. Данный процесс является естественным на фоне роста взаимной торговли и общей проблемы – отключения от SWIFT в результате санкций, наложенных Западом.

Потенциальным направлением сотрудничества также является соглашение об интеграции вышеупомянутых иранской банковской системы Shetab и российской платежной системы «Мир». На пути реализации проекта существовал ряд проблем, мешавших интеграции [Каледжи, 2023]. Однако в начале июля 2024 года сообщалось, что стороны уже завершили интеграцию платежных систем². Изучается также механизм запуска совместной криптовалюты, привязанной к золоту. Все перечисленные направления возможной кооперации в межбанковских расчетах облегчат проведение трансграничных платежей и позволят наладить деловые связи между бизнес-сообществами, что, в свою очередь, позитивно скажется на развитии торгово-экономического взаимодействия между Ираном и государствами – членами ЕАЭС. Кроме того, взаимный прием платежных систем может простимулировать увеличение туристических потоков из государств – членов ЕАЭС в Иран и наоборот³.

В результате заключения Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Ираном в декабре 2023 года будут устранены ввозные таможенные пошлины в отношении 90 % товарной номенклатуры, на долю которой приходится более 95 % взаимной торговли⁴.

¹Иран через российскую межбанковскую систему подключился к 106 иностранным банкам // Коммерсант. 2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5796549>

²Россия и Иран объединили платежные системы «Мир» и «Шетаб» // РБК. URL: <https://ria.ru/20240706/platezhi-1957872183.html?ysclid=lyvm22apaa635801604>

³Колобова М. Ближе Восток: в Иране готовят пилотный проект по приему карт «Мир» // Известия. URL: <https://iz.ru/1684358/maria-kolobova/blizhe-vostok-v-irane-gotoviat-pilotnyi-proekt-po-priemu-kart-mir>

⁴ЕАЭС и Иран подписали полноформатное соглашение о свободной торговле // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6426328?ysclid=lvazz4e49t543955112>

Снятие таможенных пошлин обладает большим потенциалом для увеличения доли товаров с высокой добавленной стоимостью, более технически сложных товаров в общем объеме взаимной торговли, что позитивно скажется на развитии торгово-экономических отношениях Союза и Ирана, а также на экономическом развитии государств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на достаточно низкие текущие торгово-экономические показатели, ряд предпосылок открывает новые возможности для расширения сотрудничества в этой области между государствами – членами ЕАЭС и Ираном. Россия и Иран возглавляют рейтинг стран, против которых введено наибольшее количество санкций. На оба государства оказывают беспрецедентно высокое давление во всех областях, ограничивается их присутствие на международной арене. При этом отношения между сторонами имеют стабильный характер, в котором отсутствуют элементы внешнего давления друг на друга. Это и подталкивает Иран и Россию к текущему сближению в рамках ЕАЭС.

Взаимодействующие стороны являются крупными экономиками, сотрудничество между которыми может позитивно повлиять на все стороны. ЕАЭС может помочь Ирану наладить внешнюю торговлю, предоставляя свои рынки для торговли, а также формируя плацдарм и условия для дальнейшего экспорта товаров в третьи страны и импорта в Иран. В то же время Иран может экспортировать в страны ЕАЭС, в частности в Россию, товары, доступ к которым или самостоятельное производство которых по тем или иным причинам на данный момент ограничены. ЕАЭС может предоставить Ирану финансовую поддержку в виде инвестиций и кредитов, реализации совместных проектов, что позволит не только улучшить экономическое положение последнего, но и, в частности, увеличить пропускную способность МТК «Север – Юг».

Сотрудничество ЕАЭС и Ирана целесообразно и политически. В первую очередь, оно может стать примером сотрудничества между третьими странами и альтернативой их взаимодействию с западными государствами. Такое сотрудничество является добровольным, с соблюдением национального суверенитета и уважением текущего уклада жизни народов. Оно не предполагает отказа от государственной идеологии, а уважает внутренний суверенитет. Сотрудничество Ирана с Россией, помимо прочего, несет преференции первой в виде наращивания собственной уверенности в том, что стране не будут

диктовать условия по поводу политической деятельности, так как ее союзником является Россия [Иванников, Чулаби, 2023].

Снятие таможенных пошлин в результате заключения полноформатного соглашения обладает большим потенциалом для увеличения доли товаров с высокой добавленной стоимостью и технически более сложных в общем объеме взаимной торговли. Помимо этого, перспективным является укрепление сотрудничества в логистической и энергетической сферах, в системе межбанковских расчетов. Стремление руководства государств – членов ЕАЭС и Ирана

решить имеющиеся проблемы в торгово-экономическом сотрудничестве может дать реальные результаты. Реализация намеченных совместных планов и проектов открывает новые возможности для развития национальных экономик без влияния международной конъюнктуры и односторонних санкций.

Таким образом, экономическое сотрудничество ЕАЭС и Ирана обладает большим потенциалом, однако полноценное воплощение в жизнь выделенных перспективных сфер сотрудничества станет возможно только после устранения имеющихся препятствий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванников Н. С., Чулаби Д. Г. Экономические и политические факторы, влияющие на сближение Ирана и ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. № 17 (3). С. 150–158.
2. Зеленева И. В. Сотрудничество Ирана и ЕАЭС: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. Вып. 67. С. 140–148.
3. Смагин Н. Иран в ШОС: вынужденный поворот на Восток и альтернативный миропорядок // Российский совет по международным делам. 2021, 6 октября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-v-shos-vynuzhdennyy-povorot-na-vostok-i-alternativnyy-miroporyadok/>
4. Дунаева Е. В. Иран и интеграционные процессы в Евразии // Мусульманский мир на исторических рубежах России: труды Института востоковедения РАН. 2017. С. 188–203.
5. Александровская С. Ю. Исламская республика Иран и ЕАЭС: аспекты экономического сотрудничества // Поколение будущего: сборник избранных статей Международной студенческой научной конференции. 2021. С. 121–124.
6. Усманов Р. Х., Югзов В. М. Перспективы сотрудничества ЕАЭС и Ирана в энергетической сфере // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. Вып. 4 (73). С. 100–104.
7. Каледжи В. Финансовое сотрудничество между Ираном и Россией: возможности и ограничения // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2023, 20 сентября. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/finansovoe-sotrudnichestvo-mezhdu-iranom-i-rossiey/>
8. Иванов О. Б. Трансформация мировой финансовой системы под влиянием геополитических процессов // Этап: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2023. Вып. 5. С. 26–42.

REFERENCES

1. Ivannikov, N. S., Chulabi, D. G. (2023). Economic and Political Factors Affecting the Rapprochement of Iran and the EAEU. *Eurasian integration: economics, law, politics*, 17(3), 150–158.
2. Zeleneva, I. V. (2022). Cooperation between Iran and EAEU: problems and prospects. *Vestnik of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 67, 140–148. (In Russ.)
3. Smagin, N. (2021, October 11). Iran in the SCO: a Forced “Look East” Strategy and an Alternative World Order. *Russian International Affairs Council*. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/iran-v-shos-vynuzhdennyy-povorot-na-vostok-i-alternativnyy-miroporyadok/>
4. Dunayeva, E. V. (2017). Iran and integration processes in Eurasia. *Musul'manskij mir na istoricheskikh rubezhah Rossii* (pp. 188–203): Papers of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
5. Alexandrovskaya, S. Y. (2021). Islamic Republic of Iran and EAEU: aspects of economic cooperation. *Pokolenie budushchego* (pp. 121–124): The digest of selected articles of an international student scientific conference. (In Russ.)
6. Usmanov, R. H., Yugzov, V. M. (2022). Prospects for cooperation between the EAEU and Iran in the energy sector. *The Caspian region: politics, economics, culture*, 4(73), 100–104. (In Russ.)
7. Kaleji, V. (2023, September 20). Banking Cooperation between Iran and Russia: Capacities and Constrains. *Discussion Club “Valdai”*. <https://valdaiclub.com/a/highlights/banking-cooperation-between-iran-and-russia/>

8. Ivanov, O. B. (2023). Transformation of the world financial system under the influence of geopolitical processes. Journal Stage: Economic Theory, Analysis, Practice, 5, 26–42. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Никита Алексеевич

аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komarov Nikita Alexeevich

Postgraduate Student
School of International Relations, St Petersburg University

Статья поступила в редакцию	08.08.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.09.2024	
принята к публикации	18.11.2024	

Научная статья
УДК 327.51

Турция и НАТО: политический фон формирования сотрудничества

М. Урпер

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
mehmeturper@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются основные предпосылки и причины вступления Турции в НАТО. На материале преимущественно турецких источников приводятся конкретные факты отношения различных государств Запада к данному вопросу на фоне военно-политической обстановки анализируемого периода.

Ключевые слова: Турция, НАТО, холодная война, военная стратегия, геополитика

Для цитирования: Урпер М. Турция и НАТО: исторический фон формирования сотрудничества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 42–54.

Original article

Turkey and NATO: the Political Background of the Formation of Cooperation

Mehmet Urper

St Petersburg University, St. Petersburg, Russia
mehmeturper@mail.ru

Abstract. The article analyzes the main prerequisites and reasons for Turkey's accession to NATO. The author on the base mainly of the Turkish sources presents the specific facts of the attitude of various Western states to the Turkey's adhesion to NATO with special attention to the military-political situation of that period.

Keywords: Turkey, NATO, Cold War, military strategy, geopolitics

For citation: Urper, M. (2024). Turkey and NATO: the historical background of the formation of cooperation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 4(857), 50–54. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Турция является одной из своеобразных по своему статусу стран, входящих в состав Организации Североатлантического договора. Благодаря своей геополитической притягательности она с первых дней членства в НАТО до настоящего времени прямым или косвенным образом играет роль одного из ключевых игроков в региональных и глобальных рамках, определяющих характер «восприятия потенциальных угроз» для Североатлантического альянса. При этом внешнеполитическая ориентация турецкого государства, направленная на Запад, формировалась в течение достаточно длительного времени, что обусловлено рядом причин. В основе процесса сближения Турции с Западом лежат как культурные составляющие, в частности, процесс «вестернизации», который начался еще в период Османской империи в XVIII столетии, так и политические обстоятельства. Среди последних – проведение Ататюрком политики балансирования, обусловленной интересами обеспечения национальной безопасности, вытекающими из особенностей геополитической позиции Турции.

ПОСЛЕДСТВИЯ «НЕЙТРАЛИТЕТА» ТУРЦИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В западной, а также и в турецкой литературе бытует устойчивое мнение о том, что решение Турции о вступлении в НАТО, которое и состоялось в 1952 году, объяснялось исключительно фактами недавнего исторического прошлого: СССР в конце Второй мировой войны начал активно требовать изменения статуса Конвенции Монте и присоединения ряда турецких районов, таких как Ардахан и Карс, к своей территории. В действительности же, как следует из документов и авторитетных исследований российских ученых [Колесников, 2013], СССР выдвинул ряд своих условий на Ялтинской и Потсдамской конференциях. Эти условия были связаны с передачей под советскую юрисдикцию территорий, присоединенных ранее по Берлинскому трактату 1878 года, но отошедших к Турции по Московскому договору 1921 года. Аргументация при этом состояла в следующем: 1) Турция в нарушение Договора о дружбе 1925 года подписала с Германией в 1941 году договор «О дружбе и ненападении»; 2) в июле и августе 1941 года в нарушение Конвенции Монте разрешила пропуск германского и итальянского военных кораблей для ведения боевых действий против СССР; 3) наконец, Турция потворствовала проведению диверсионных действий со

своей территории. Причем США и Великобритания отказались обсуждать этот вопрос с СССР.

В этой ситуации 19 марта 1945 года было объявлено о денонсации Договора о дружбе 1925 года. Далее последовали публикации в центральных советских СМИ, в которых осуждались действия Турции в период войны и артикулировалось требование пересмотра двусторонних отношений, в том числе восстановление прав на территории, предусмотренные Севрским договором 1920 года. Тем не менее никаких официальных обращений высшего руководства СССР, в которых выдвигались бы территориальные претензии, турецкому руководству направлено не было [Колесников, 2013].

Как известно, 4 апреля 1949 года государства Западной Европы с участием США в ходе встречи в Вашингтоне подписали пакт о формировании Североатлантического альянса с целью препятствовать потенциальному развитию и расширению зоны влияния коммунистического «восточного блока», во главе с Советским Союзом, путем объединения государств Западного мира. Организация Североатлантического договора изначально была официально учреждена США, Великобританией, Францией, Италией, Канадой, Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, Португалией, Данией, Исландией и Норвегией и некоторыми другими государствами¹. Что касается Турции, то, хотя в заключенном между странами – участницами НАТО договоре ее легитимность была изначально предусмотрена, однако Турция не смогла в 1949 году сразу стать членом Североатлантического Альянса. В данный период времени Турция получала экономическую и военную поддержку от США в рамках реализуемых «Доктрины Трумэна» и «Программы Маршалла» и была не в состоянии самостоятельно решать вопросы обеспечения национальной безопасности, поскольку имела довольно слабый экономический и военный потенциал. Данные исторические обстоятельства не позволяли Турции надежно защитить свои границы и обеспечить безопасность. В целях решения насущных вопросов по обеспечению национальной безопасности в декабре 1949 года Турция и обратилась к США с просьбой о вступлении в НАТО. Однако положительного ответа ей получено не было по той причине, что объявленный Турецкой республикой в период Второй мировой войны нейтралитет все еще не вызвал особого доверия государств – участниц НАТО.

¹The North Atlantic Treaty (1949). North Atlantic Treaty organization. https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm

ОСОБАЯ ПОЗИЦИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Для понимания сложившейся ситуации стоит остановиться и на позиции Великобритании, являющейся одной из стран-победительниц, однако в значительной степени утратившей свое прежнее могущество после окончания Второй мировой войны.

Великобритания, предпринимая усилия, чтобы в условиях складывающегося баланса сил сохранить и укрепить свои позиции как в регионе Ближнего Востока, так и в ареале Восточного Средиземноморья, нацеливалась оставить в силе Средиземноморский оборонительный пакт, который был заключен еще в 1936 году между Турцией, Великобританией, Югославией, Францией и Грецией [Cantemur, 2015]. Соответственно, Турция, равно как Греция и Египет, согласно плану британских властей, рассматривались в качестве инструментов для восстановления статуса-кво, предусмотренного пактом 1936 года. Особенно важным в этом плане виделось сохранение британских военных баз в районе Суэцкого канала [Sander, 1979]. Не случайно Великобритания в период активного стремления Турции к вступлению в НАТО настоятельно выступала против ее намерений. В результате для стимулирования союзнических отношений с Великобританией со стороны Турции было предложено восстановление альтернативного Средиземноморского объединения на Ближнем Востоке, которое ориентировалось бы преимущественно на западные ценности мироустройства (по аналогии с Североатлантическим договором). В объединении предполагалось участие Великобритании, Франции, Греции и Турции, действующих при поддержке США [Erhan, 2009].

НАЧАЛО СОТРУДНИЧЕСТВА С НАТО НОВОГО ТУРЕЦКОГО РУКОВОДСТВА

Не теряя надежду на вступление в НАТО, турецкое руководство 11 мая 1950 года обратилось в альянс с повторным заявлением. Однако Турцию никто не поддержал, за исключением Италии [Erhan, 2009]. В мае того же года в результате прошедших в стране всеобщих выборов произошла смена турецкого правительства, в результате которого к власти пришла Демократическая Партия, возглавляемая Джеляль Баяром¹. Новый лидер еще в 1946 году в ходе предвыборной кампании выступил с заявлением, что будет придерживаться политической программы, которая направлена на вступление в международные объединения, способствующие

обеспечению национальной безопасности страны на международной арене и укреплению ее отношений с Западным миром².

В июне 1950 года разразилась война в Корее. В соответствии с решением, принятым ООН, оказать помощь Корее были призваны все государства [Sander, 1979]. В качестве подтверждения своей приверженности Западному миру руководство Демократической партии Турции спустя месяц заявило об отправке в ряды вооруженных формирований ООН 4500 турецких вооруженных сил. Причем в дальнейшем численность турецкого контингента составила более 6000 человек. Достижения турецких войск в выполнении боевых задач в Корее, в том числе участие в Курунском сражении, а также содействие фактически спасению американских войск от уничтожения ценой потери части своих сил были оценены американцами и представителями других стран – членов НАТО.

В результате перед Турцией открылись новые возможности для вступления в НАТО. Вслед за решением об отправке турецких войск в Корею через неделю 1 августа 1950 году руководство Демократической партии повторно обратилось с официальной заявкой на вступление в НАТО. Однако власти Соединенных Штатов в сентябре 1950 года в ответ предложили Греции и Турции лишь неполноправное участие. Власти Турции в ответ на решение Совета НАТО утверждали, что в контексте развития проекта по географическому расширению Североатлантического альянса в направлении Ближнего Востока и Средиземноморья в пользу НАТО и внешней обороны стран Запада способны внести свой вклад именно Турция и Греция. Они были позитивно противопоставлены таким странам, как Дания, Люксембург или Нидерланды. Их местоположение, по логике турецких властей, препятствовало их активному включению в НАТО. Несмотря на все усилия этих двух стран Совет Североатлантического Альянса в сентябре того же года отверг их обращения, мотивируя отказ необходимостью их участия в Средиземноморском оборонном соглашении.

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ В РЕШЕНИИ ВОПРОСА О ЧЛЕНСТВЕ ТУРЦИИ

В высших кругах США и НАТО продолжалась дискуссия по вопросу о членстве Турции. В частности, авторитетный сенатор США Кейн подчеркивал, что с учетом геополитического потенциала Турции ей чрезвычайно необходимо предоставить соответствующие возможности для участия в

¹Erkmen A. Türkiye'nin NATO Üyeliği ve Üyeliğin TBMM'de Kabulü // Dergi Park. 2020. <https://dergipark.org.tr/en/download/article-file/869107>

²Там же.

НАТО. В свою очередь, американский посол в Анкаре Мак Джи заявлял, что всячески поддерживает высказывания Кейна¹. Наряду с Кейном и Мак Джи, главнокомандующий вооруженными силами в Европе, генерал Эйзенхауэр в своем послании президенту США Трумэну отмечал значимость стратегической роли Турции и Югославии в противодействии Советскому Союзу и обеспечении безопасности стран Европы. Генерал подчеркивал, что в контексте угрозы безопасности региона и возможного нападения Болгарии на Грецию посредством опоры на Турцию можно будет противостоять подобному развитию событий. Трумэн в мае 1951 года принял окончательное решение оказать влияние на остальные государства, которые выступали против вступления Турции в Альянс, и предложил союзникам принять Грецию и Турцию в НАТО [Erhan, 2009]. Возражения сохранялись преимущественно со стороны государств Бенилюкса, а также скандинавских стран. Их аргументы заключались в предположении, что в случае расширения пакта они могут быть включены в потенциальный средиземноморский военный конфликт, который не в их интересах. Аргументы других участников, выступавших против данного предложения, заключались в том, что присоединение Греции и Турции приведет к дальнейшему расширению пакта и, следовательно, к изменению его естественной однородности.

Неожиданным оказалось озвученное Великобританией решение. Министр иностранных дел Герберт Моррисон объявил об изменении британской внешней политики и поддержал предложение о включении Турции и Греции в состав НАТО [Sander, 1979]. В результате на заседании в Оттаве Совета министров НАТО, которое состоялось 16–20 сентября 1951 года, было принято единогласное решение пригласить Турцию и Грецию для вступления в НАТО [Aybars, 1998er]. В Палате представителей НАТО 17 октября 1951 года был подписан проект Протокола о вступлении Турецкой Республики вместе с Грецией в состав НАТО. Вслед за тем после утверждения

протокола Великим Национальным Собранием Турции на заседании Североатлантического совета, которое состоялось 18 февраля 1952 года в Лиссабоне, Турция официально была принята в качестве члена НАТО, тем самым выразив официальное согласие на расширение Североатлантического объединения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, главной причиной, побудившей США рекомендовать включение Турции в состав НАТО, были не настойчивые просьбы Турции, а новые реалии международной обстановки [Erhan, 2009]. В результате среди части мирового сообщества стали возникать опасения относительно перспектив продолжения Второй мировой войны или усугубления напряженности: страны социалистического блока могли начать процесс расширения зоны своего влияния на территорию стран Западного блока.

Возникшая после вступления Турции в НАТО абсолютная зависимость Турции от государств Запада, особенно США, легла в основу политической, экономической и военной составляющих механизмов функционирования турецкого государства в целом. Преданность Турции интересам Альянса привела и к расширению американской экспансии в Турции. Она развивалась от специальных двусторонних соглашений, ужесточающих военное сотрудничество, вплоть до реализации и развития более масштабных проектов, способствующих развитию экономического и военного влияния США как на территории Турции, так и в других странах региона. Таким образом, в самой Турции постепенно формировалось устойчивое восприятие идентичности системы НАТО через призму американской политики в подсознании общества, что США – означает НАТО, а НАТО, в свою очередь, означает национальную оборонную политику, значит, США есть фундамент этой политики [Sander, 1979]. При анализе отношений Турции с НАТО следует также учитывать, что в вопросах обеспечения безопасности и выстраивания коалиционной политики страны предпочитают делать выбор в пользу прагматизма [Белозеров, 2007].

¹Bagcı H. Demokrat Parti dönemi Türk dış politikası // Dergi Park. 1990. <https://dergipark.org.tr/tr/pub/bs/issue/3805/51030>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колесников А. А. Деятельность некоторых политических и военных кругов Турции в период Второй мировой войны // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. 2013. Т. 13. № 6. С. 25–27.
2. Cantemur T. Türkiye-İtalya ilişkileri 1930–1950 // Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Başkanlığı. 2015. URL: <https://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/CANTEMUR-Türkan-TÜRKİYE-İTALYA-İLİŞKİLERİ-1930-1950.pdf>
3. Sander O. Türk-Amerikan ilişkileri 1947–1964. 1979. Ankara.

4. Erhan Ç. ABD ve NATO'yla ilişkiler // Türk dış politikası: Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. 2009. Vol. 15. P. 539–564.
5. Cengiz R. NATO'ya giriş sürecinde Türk Amerikan İlişkileri ve Amerikan Askeri Yardımlarının Türk Silahlı Kuvvetlerine etkisi // Ulusal Tez Merkezi. URL: <https://tez.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/tezDetay.jsp?id=NG5drTkMF80i5zSu1KDgDg&no=m7TlaSGVinkDUqTZHIMO1A>
6. Aybars E. İkinci Dünya Harbi Sonrası Türkiye // Atese Yayınları. İstanbul. 1998. P. 494–515.
7. Белозеров В. К. Коалиционная политика России на пути к прагматизму // Вестник аналитики. 2007. № 2. С. 138–152.

REFERENCES

1. Kolesnikov, A. A. (2013). The activities of some political and military circles of Turkey during the Second World War. Kyrgyz-Russian Slavic university, 13(6), 25–27. (In Russ.)
2. Cantemur, T. (2015). Türkiye-İtalya ilişkileri 1930-1950. Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu Başkanlığı. <https://www.ayk.gov.tr/wp-content/uploads/2015/01/CANTEMUR-Turk-TURKIYE-ITALYA-ILISKILERI-1930-1950.pdf>
3. Sander, O. (1979). Türk-Amerikan ilişkileri 1947–1964. Ankara.
4. Erhan, Ç. (2009). ABD ve NATO'yla ilişkiler. Türk dış politikası: Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar, 15, 539–564.
5. Cengiz, R. NATO'ya giriş sürecinde Türk Amerikan İlişkileri ve Amerikan Askeri Yardımlarının Türk Silahlı Kuvvetlerine etkisi. Ulusal Tez Merkezi. <https://tez.yok.gov.tr/UlusalTezMerkezi/tezDetay.jsp?id=NG5drTkMF80i5zSu1KDgDg&no=m7TlaSGVinkDUqTZHIMO1A>.
6. Aybars, E. (1998). İkinci Dünya Harbi Sonrası Türkiye. Atese Yayınları (pp. 494–515). İstanbul.
7. Belozеров, V. K. (2007). Russian coalition politics on the way towards pragmatism. Bulletin of analytics, 2, 138–152. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мехмет Урпер

кандидат политических наук
старший преподаватель кафедры международных гуманитарных связей
Санкт-Петербургского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mehmet Urper

PhD (Political Sciences)
Senior Lecturer at the Department of International Humanitarian Relations
St Petersburg University

Статья поступила в редакцию	10.10.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	20.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.11.2024	accepted for publication

Соединенные Штаты Америки в XXI веке: утопия и реальность

Т. А. Шаклеина

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
Shakleina-tania@yandex.ru*

Аннотация. К началу 2020-х годов международная деятельность США по продвижению модели либерально-мирового порядка привела к обострению конкуренции / противостояния с ведущими мировыми державами, прежде всего, с Китаем и Россией. Усилилась нестабильность во всех сферах международных отношений, и перед мировым сообществом встала проблема выхода из сложившейся ситуации. Гипотеза автора состоит в том, что американский либеральный проект для самой Америки и для всего мира – это утопия, поэтому странам, не принимающим этот проект, необходимо заняться формированием основ мирового порядка и выстраивать национальные политические и экономические системы, опираясь на свои исторические традиции, культуры и общие законы развития природы и общества.

Ключевые слова: США, Россия, мировой порядок, утопия, великодержавная конкуренция, российско-американские отношения

Для цитирования: Шаклеина Т. А. Соединенные Штаты Америки в XXI веке: утопия и реальность // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 55–64.

Original article

America in the 21st Century: Utopia and Reality

Tatiana A. Shakleina

*Moscow State Institute of International Relations Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia
Shakleina-tania@yandex.ru*

Abstract. At the beginning of 2020s foreign policy of the United States to realize its liberal world order model intensified competition/confrontation with leading world powers? First of all, with Russia and China, caused growth of instability in all spheres of international relations. The key problem for the international community is to find solution for existing problems. The author's hypothesis is the following: US liberal project for America and for the world is utopia, and the countries who do not accept American project need to more actively engage in constructing basic institutions of the world order satisfying the majority of world community, their historic and cultural traditions, and reflecting common laws of nature and social development.

Keywords: Russia, US/America, world order, utopia, great power competition, Russian-American relations

For citation: Shakleina, T. A. (2024). America in the 21st Century: Utopia and Reality. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 55–64. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Смене власти в государстве всегда уделялось большое внимание, особенно если речь шла о ведущих мировых державах, таких, как Китай, Россия, США, Турция, Индия, политика которых оказывает трансформирующее (стабилизирующее или дестабилизирующее) влияние на мировое развитие. Но всегда ли смена власти в результате выборов радикально меняет политику отдельных держав? Часто важное значение имеет фактор исторической преемственности в развитии и деятельности того или иного государства. Прежде всего, это относится к державам (в прошлом империям), имеющим сильную традицию оказывать порядкоформирующее влияние на мировые процессы. Среди держав с такой традицией выделяются Соединенные Штаты Америки, которые, будучи по историческим меркам молодой державой, объявили американскую либеральную модель государства и мира универсальной и обязательной (обязательно желательной) для остальных стран, заявили о своем уникальном праве на преобразование мира даже вопреки желанию других участников мирового процесса [Bacevich, 2018; Кеннан, 1999; Хантингтон, 1999; Хантингтон, 2004]. Политика США по установлению либерального мирового порядка, основанного на американских ценностях и нормах, вступила в серьезное противоречие с интересами глобального сообщества, прежде всего, ведущих мировых держав – Китая и России, отстаивающих незападную / американоцентричную модель порядка. В этом противоречии кроется главная дилемма XXI века (своего рода «нерв» исторического момента).

Смена власти в Белом доме не оказывает радикального (сущностного) влияния на глобальную деятельность США, сохраняется идейная и инструментальная преемственность, нарастает лишь степень наступательности и непримиримости в достижении основной цели Американского государства – установления «Американского золотого века». Необходимо дать предельно верную оценку действиям США и результатам их политики, а также тем концепциям, которые они активно продвигают и внедряют в массовое сознание. Американский либеральный проект для остального мира (да и для самой Америки) выглядит утопией, и нам следует серьезно задуматься о том, как построить мировой порядок, опираясь на историческую реальность, а не на утопические идеи об «универсальности» американской модели жизни.

УТОПИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ В США

Стремление к совершенству, к идеалу, к чему-то более высокому, лучшему, чем та действительность,

в которой мы существуем, естественно и неизбежно. Оно свойственно как отдельному человеку, так и группам людей, особенно если речь идет об интеллектуальной части общества, которая разрабатывает идейные основы государственной политики, формирует идеологию страны и властные структуры, занимающиеся реализацией предложенной модели государственного развития, в том числе, мирового развития, если речь идет о «великих державах».

Анализ именно американского опыта особо показателен. Можно обратиться к трудам Э. Я. Баталова, одного из самых авторитетных российских специалистов по вопросам социальной утопии и «американской мечте», написавшего более сорока лет назад то, о чем российские и американские политологи начали писать лишь в конце 2010-х годов. Остановимся на отдельных мыслях и положениях трудов российского философа и политолога, так как детально разобрать его работы в одной статье не представляется возможным. Для современного поколения политологов было бы полезно внимательно с ними ознакомиться, чтобы лучше понять американскую идеологию и политику в XXI веке, а также то, что происходит в международных отношениях в результате действий США [Баталов, 1982; Баталов, 2005].

Э. Я. Баталов отмечает, что после появления произведения Томаса Мора «Утопия», «золотой книжечки о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», Утопия определяется как «вымышленная страна; воображаемое общество, которому отдается предпочтение перед реальным и в образе которого с большей или меньшей полнотой воплощается представление о совершенном обществе и человеке, о социальном идеале» [Баталов, 1982, с. 11]. В стремлении к идеалу, указывает политолог, утописты могут произвольно конструировать идеал, строить проект желаемого (совершенного) общества, придумывая, сочиняя его, не заботясь о том, соответствует ли создаваемый ими мир требованиям объективных законов общественного развития или нет. При этом произвол утописта, отмечает Э. Я. Баталов, детерминирован как объективными, так и субъективными факторами и не в состоянии порвать ни со своим временем, ни со своим обществом, даже если он к этому стремится. В результате на свет рождается образ (идея) искусственного мира, подчиняющегося своим собственным, произвольно сконструированным законам, которые могут совпадать с законами действительности лишь по чистой случайности [там же].

В начале 2020-х годов (и даже раньше) именно проблема «искусственности» американского идеала и его непригодности для остального мира

стала ключевой не только для самих США, но и для остального мира. Догматизм, определенный фанатизм и бескомпромиссная непримиримость в отстаивании своей правоты стали опасными как для Америки, так и для стран, не принимающих американский проект мирового порядка.

Социально-утопический идеал может найти воплощение в произведениях, имеющих форму социальных, политических и экономических трактатов или в форме теоретической концепции или гипотезы, являющейся частью более широкой теоретической структуры. Причем не обязательно, чтобы она имела утопический характер. По мнению Баталова заслуживает особого внимания то, что довольно распространенной формой выражения социально-утопического идеала является политическая декларация, манифест или программа, в которых произвольно конструируется идеал общества. К числу таких утопий Э. Я. Баталов относит, в частности, американскую Декларацию независимости, многие положения которой так и не получили полного и последовательного осуществления на практике. И произошло это не только и даже не столько потому, что американцы отреклись от провозглашенных идей, а сколько потому, что отцы-основатели ориентировались на такие идеалы, которые как целостная система не соответствовали логике развития капитализма и не были «обеспечены» со стороны Истории [Баталов, 1982].

Исходя из верного, на наш взгляд, утверждения, что «идеальное Американское государство», задуманное именно как идеал, образец для остального мира, лишенный всех изъянов государств Старого Света, США не были «обеспечены со стороны Истории». Американское общество фактически развивается не по особым законам, а в соответствии с основными объективными законами политического и экономического развития государств, империй, цивилизаций. Свидетельством этому служит внутриполитическое состояние Американского государства, в котором постепенно нарастали противоречия разного порядка и уровня, затронувшие практически все сферы жизни американского общества. Не идеальной оказалась политическая система, в рамках которой усугубляется противостояние между ветвями власти, правящими партиями и внутри партий и их электората, достигли высокого уровня изъяны и нарушения в избирательной системе, которая представлялась Америкой как обязательно-идеальная для остальных стран. Продолжается тенденция по снижению доверия всем ветвям власти и выборам как институту американской демократической системы [Drezner, 2017]. События 2016–2024 годов продемонстрировали не только далекое от идеала состояние американского государства,

но и высокую степень накала противоречий и противостояния во всех сферах жизни американского общества. Даже по оценкам американских политологов американскую политическую систему вряд ли можно считать свободной от «пороков», присущих другим государствам, которые США критикуют и осуждают, а значит, идеальной и примером для остального мира.

Особого внимания заслуживает тот факт, что серьезные метаморфозы произошли с гуманитарными свободами, вошедшими в Билль о правах, которым так долго гордились США. Фактически перестало действовать положение о свободе печати. Американские СМИ, за редким исключением, перестали выполнять свою основную функцию более-менее объективного информирования американских граждан о деятельности правительства и обо всем, что происходит в стране и в мире, перестав быть так называемой «четвертой ветвью власти» и став частью правительства. Окончательно развеян миф об отсутствии цензуры в США, где существует один из самых совершенных институтов цензуры и контроля над информацией. Процессы глобализации в информационной сфере открыли доступ к деятельности американских СМИ, к более трезвой оценке свободы слова и печати в США, к пониманию того, что называлось долгие годы «идеалом» и торжеством свободы [Levin, 2019; Шаклеина, 2019].

Не менее амбивалентная ситуация сложилась с американскими ценностями, которые были объявлены универсальными. За их продвижение США начали политику демократизации и смены режимов, развязывая конфликты и гражданские войны в разных уголках мира. При этом не упоминалось, что Америка не является родоначальником демократии и тем более общих гуманитарных ценностей и предлагает довольно узкое понимание демократии как политической системы и усеченный список прав человека, игнорируя право на жизнь [American Democracy Promotion, 2002; Deneen, 2018; Lieven, 2005].

Критические процессы затронули и академическую сферу, когда под жестким контролем оказывается сфера образования всех уровней, работа преподавателей и их взгляды. Политическая напряженность с начала 2000-х годов, когда стало ясно, что для убеждения американцев в правильности избранного глобального курса на воинственное преобразование мира в соответствии с американским либеральным проектом, нужен новый усеченный (сконструированный) взгляд на историю Америки и мира, и нужны новые люди, не обремененные глубокими знаниями об остальном мире и безоговорочно принимающие предлагаемые правящей элитой сконструированные

концепции и идеи. В конструировании идей, концепций, разного рода программ, моделей, большинство из которых порождены и встроены в общую концепцию «совершенного Американского государства» и также «совершенную модель либерального мирового порядка», самое непосредственное участие принимают эксперты / аналитики из многочисленных «мозговых центров». Они, так же, как и журналисты, отошли от выполнения своей основной функции – представлять американцам реальную картину и объективный взгляд на происходящие процессы в стране и в мире. Повысилась степень ангажированности анализа, увеличилась заказ на «нужные» идеи и концепции, чтобы обслуживать либеральную стратегию США и расставлять нужные правительству акценты и оценки при анализе как внутривнутриполитических процессов, так и международной ситуации и политики разных стран [McGann, 2021; Drezner, 2017; Введение в прикладной анализ, 2017; Шаклеина 2023].

Можно было бы продолжить описание тех отклонений, которые произошли в Америке, но наша задача состоит в другом – поставить вопрос о соответствии современного Американского государства тем идеалам, которые были изначально провозглашены в качестве основы идеального государства «нового по формату и по своей сути». А также о том, стоит ли смотреть на Америку как на идеал или образец, к которому должны стремиться все члены мирового сообщества и поддерживать ее политику, из-за которой мир всё больше приближается к большому конфликту.

Интересно высказывается в этой связи Э. Я. Баталов, рассуждая об утопических обществах, которые очищены от всяких противоречий, где отсутствуют условия для столкновения интересов, все запрограммировано и регламентировано: «Такого рода утопическое общество оказывается полностью исчерпавшим свой творческий потенциал, достигшим сияющих высот, к которым оно стремилось на протяжении всего своего исторического пути, и лицемерным в немом восторге собственное совершенство, которое обнаруживает, к величайшему изумлению утописта, антигуманный характер» [Баталов, 1982, с. 51].

Аналогичную мысль высказывают отдельные американские политологи и социологи, характеризуя состояние американского общества в XXI веке. Так, отмечается, что американская либеральная концепция, основным тезисом которой является право на свободу, завершилась тем, что понятие свободы было искажено и стало аналогом ничем не ограниченных действий при полном игнорировании каких-либо обязанностей перед обществом и соблюдении каких-либо правил поведения в отношении

других людей [Deneen, 2017]. Такая же искаженная трактовка категории «свободы» последовала в сфере слова и печати. С одной стороны, наблюдается своего рода «разгул свободы» в манипулировании информацией, в черном пиаре и политической борьбе, но эта свобода жестко ограничена внутренней цензурой, которая существовала в США всегда, но достигла колоссальных масштабов в конце XX – начале XXI века [Levin, 2019]¹.

Современная Америка, особенно правящий класс, продолжает придерживаться идеи «совершенного Американского государства», «Америки – маяка», «Америки – крестоносца, имеющей право даровать и наказывать» и т. п. Американская либеральная идея исчерпала себя, но правящая элита продолжает жить в иллюзорном мире своего совершенства, продолжает отстаивать идеи, которые изжили себя, совершая антигуманные действия, вместо того, чтобы признать утопический характер «американского совершенства и универсальности» и выбрать реальные пути для начала нового этапа в развитии Американского государства, которое добилось немалых успехов и могло бы на реальных основаниях, как часть мирового сообщества, а не его гегемон / диктатор, продолжить свой исторический путь.

Конечно, выбор сделают сами американцы. Но нас волнует внешняя составляющая американского мифа о прекрасном либеральном мире, так как ради иллюзии они готовы воевать до победы и нейтрализовать (уничтожить) любое государство, стоящее на пути реализации американской утопии. В этом вопросе мировому сообществу придется как-то защитить себя от действий по продвижению американского утопического идеала, точнее, от «империи нового типа», как себя называют США, чтобы процесс деградации, принимающий довольно агрессивный характер, не вовлек в эту воронку остальной мир. Как писал в связи с современным состоянием США Э. Я. Баталов, хотелось бы, чтобы Америка не повторила судьбу Древнего Рима, а остальной мир не повторил бы судьбу вовлеченных в процесс упадка империи стран и цивилизаций [Баталов, 2005].

Предостережение российского политолога прозвучало сначала в 1982 году, а затем в труде «Мировое развитие и мировой порядок» в 2009 году. Следует добавить, что словам ученого не было

¹Уместно именно в связи с цензурой и свободами, гарантированными Первой поправкой к Конституции США, вспомнить о так называемом глубинном государстве, так как контроль над потоками информации, ее распространением, содержанием и общественным мнением осуществляется не только официальными институтами американской политической системы, но и не всегда видимыми группами интереса (interest groups).

уделено должного внимания. В середине 2020-х годов мы можем с чувством сожаления и опасения констатировать, что прогноз сбывается. Прогрессирует глубокий кризис американской либеральной политической системы, иными словами, американской модели либеральной демократии. Хотя в американском обществе есть вполне здоровые и трезвомыслящие люди как среди представителей интеллектуальной элиты, так и среди простых граждан, не просматривается перспектива радикальной смены правящей элиты, идеологии США, глобальной стратегии. Нельзя не учитывать того факта, что американское общество расколото почти пополам между приверженцами двух правящих партий, однако обе партии не отказываются от установления американоцентричного мирового порядка, глобального американского лидерства. Раскол в американском обществе, внутривнутриполитические противоречия, изменение внешнеполитических предпочтений американцев и их лидеров – все это проблемы, с которыми будут жить и разбираться сами американцы. Как они с этим справятся – тоже их проблема. Однако следует подчеркнуть, что всё, что происходит в Америке, можно и нужно характеризовать как результат того, что в своем развитии Американское государство постепенно ушло от идеала, который был положен в основу американского проекта создания идеального государства.

Иными словами, американская либеральная концепция – это утопия, и мировому сообществу следует именно так и относиться к Америке, не давая ей права трансформировать остальной мир в соответствии с утопическим американским видением себя и мира. Трезво относиться к тому, что происходит в США и с США, не давая им возможности сломать исторические парадигмы развития других стран и культур.

Россия и Китай могут объединить свои усилия и устремления других стран для нейтрализации негативных последствий политики США. Эти последствия угрожают глобальной стабильности и мирового развития. Использовать свой исторический опыт и потенциал для формирования институциональных основ реального мирового порядка, основанного не на утопических идеях, а на реальных потребностях всех членов мирового сообщества, заинтересованных в мире и поступательном прогрессивном развитии.

Общая задача для России и Китая – экзистенциальная. Если посмотреть, что говорят и пишут американские эксперты / аналитики и политики, то практически не остается никаких надежд на то, что американцы остановятся и откажутся от тех догм, которые уже представляют реальную угрозу для остального мира.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США: ЧТО ПРЕДЛАГАЮТ АМЕРИКАНСКИЕ ЭКСПЕРТЫ

К началу 2020-х годов во внешнеполитической стратегии США прочно укрепилась направленность глобальной деятельности: противостояние Китаю и России и усиление политики по закреплению либерального мирового порядка, основанного на западных (американских) институтах и ценностях. Часто начало открытого великодержавного противостояния связывают с приходом к власти Д. Трампа, но это неверно. Первым президентом, который официально возвел Россию в разряд угрозы высшего уровня в период после окончания холодной войны и начал санкционную политику, был Б. Обама (о том, что провозглашали отдельные политологи, мы здесь не обсуждаем)¹. Д. Трамп назвал Россию и Китай главными вызовами Америке, продолжил санкции и начал торговую войну с КНР². Дж. Байден продолжил политику противостояния великих держав, в период его администрации была разработана стратегия «управляемой конкуренции», а роль идеологии в американской политике была доведена до высшего уровня, догматизм и обольщение непогрешимостью Америки достигли высшей точки³.

Концептуальные основы внешнеполитической деятельности американских администраций после 1991 года подробно изучены и проанализированы. Как отмечалось выше, прослеживается четкая идейная преемственность в определении основных целей американской политики, поэтому не будем останавливаться на этом [Шаклеина, 2023; Шаклеина, 2022; Шаклеина, 2002; Печатнов, Манькин, 2018]. В Стратегии национальной безопасности администрации Дж. Байдена и в докладах ведущих аналитических центров великодержавная конкуренция и противостояние с КНР и Российской Федерацией обоснованы и концептуализированы, определены ее масштабы, направления, инструменты, желаемые результаты⁴.

¹National Security Strategy of the United States of America. 2015. https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf

²National Security Strategy of the United States of America. December 2017. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

³National Security Strategy of the United States of America. October 2022. The White House. Washington, D.C. / Biden-Harris Administration's National Security Strategy.pdf (whitehouse.gov); FACT SHEET: The Biden-Harris Administration's National Security Strategy | The White House

⁴Cordesman A. H. with the assistance of Grace Hwang. The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy. January 6, 2021. Center for Strategic and International Studies. URL: <https://www.csis.org/analysis/biden-transition-and-us-competition-china-and-russia-crisis-driven-need-change-us-strategy>; Cancian M. F. Inflicting Surprise Gaining Competitive Advantage

К концу правления администрации Байдена США уже могли подводить итоги задуманного: санкционная политика как и гонка вооружений приобрела глобальный характер. Был взят курс по вовлечению как можно большего числа стран в реализацию американской политики, в которой США становятся лидером, превращая и НАТО в глобальный военный блок. В информационной сфере развернута мощная кампания по продвижению американских идей и взглядов на всё происходящее в мире и в отдельных странах и подавления всех альтернативных информационных каналов и СМИ. США наступают во всех сферах международных отношений, не останавливаясь в реализации своего видения мира и своей роли в нем.

При этом вашингтонские политики, как всегда, говорят красиво и не совсем точно о том, что они собираются делать или уже делают. Понимая сложность действия на двух направлениях, российском и китайском, вашингтонские политики говорят об «ответственной конкуренции» с Китаем и о «стабильных и предсказуемых отношениях с Россией». Однако никаких усилий и действий в этом направлении демократы не предприняли, лишь ужесточая давление и ультиматумы, как в отношении России, так и Китая.

В одном из докладов Института Брукингса, посвященного стратегии США, рассматриваются три варианта деятельности США¹. Силовой вариант, который уже на протяжении многих лет реализуют американские администрации, определяется как «стратегия достижения мира путем использования силы». Такая стратегия, как можно видеть, привела к усилению противостояния и заметному ухудшению состояния международной безопасности, но желаемой победы Америке не принесла. Нельзя с уверенностью сказать, что исход силовой политики будет обязательно благоприятным для США.

Понимая важность хоть какой-то координации действий в сфере безопасности с ведущими ядерными державами, а также в сфере экономики, где КНР является гигантом, способным нанести серьезный ущерб США, а Россия остается единственной державой, способной уничтожить США, отдельные эксперты предлагают другие варианты стратегии, которые, по их мнению, могли бы снизить накал конкурентной борьбы и обеспечить США более выгодные условия

деятельности и защиты своих интересов. Так, авторы доклада предлагают еще два варианта стратегии: «достижение мира путем ограничения своих действий» (peace through restraint) и «достижение мира путем перемен» (peace through change).

Идея «стратегии ограничения» не нова. Все 2000-е и 2010-е годы в американском политико-академическом сообществе не прекращались дискуссии о том, следует ли США наращивать свое глобальное присутствие и глобальную деятельность по вмешательству во все ситуации в разных уголках мира. Сторонники «ограничения», среди которых были очень авторитетные политологи, принадлежавшие в основном к школе структурного реализма, предостерегали не только от перенапряжения сил, но и указывали на большую вероятность усиления великодержавной конкуренции и повышения риска возникновения большого конфликта [Layne, 2006; Mandelbaum, 2010; Lieven, 2005; Mearsheimer, 2018; Bacevich, 2018; Walt, 2018]. Сторонников продолжения мессианской глобальной деятельности было немало, и их влияние на администрацию оказалось решающим: победили так называемые либеральные ястребы, одержимые идеей исторической миссии Америки [Brooks, Wohlforth, 2017].

Инициаторы новой ограничительной стратегии предлагают остановить расширение американского военного присутствия в мире, которое существенно выросло после окончания холодной войны и вызывает опасения у многих стран²; остановить расширение НАТО и не принимать Украину; не создавать новых военных структур, в том числе, по вовлечению Индии в политику США; не расширять обязательства США новым странам в сфере безопасности, в частности, в отношении Тайваня; переложить ответственность и расходы по обеспечению региональной безопасности на ЕС и страны АТР. При этом авторы отмечают, что это не означает снижения усилий и расходов США по укреплению своей безопасности, особенно информационной и ядерной.

Главное опасение, в связи с проведением политики ограничения (сокращения) глобальной деятельности США, видится в том, что это может рассматриваться другими державами как слабость. Многие страны, ориентированные на США, могут пойти на сближение с КНР и Россией; союзники начнут сомневаться в приверженности США общим западным интересам по продвижению демократии в мире и по защите либерального мирового порядка, основанного на правилах; а Китай и Россия могут начать еще более агрессивную внешнюю

¹in Great Power Conflicts. CSIS, January 2021. www.csis.org; Dobbins J., Cohen R.S., Chandler N., Frederick B., Geist Ed., DeLuca P., Morgan F.E., Shatz H.J., Williams B.. Extending Russia. Competing from Advantageous Ground. RAND corporation, 2019. https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html

²Stares, Paul B. Averting Major Power War. The Logic of Mutual Assured Survival. Discussion Paper Series on Managing Global Disorder No. 12. February 2023. Council on Foreign Relations. www.cfr.org

²Stevenson J. Oversees Bases and U.S. Strategic Posture // Oversees Bases and U.S. Strategy: Optimizing America's Military Footprint. Oxfordshire, UK: Routledge, 2022.

политику и репрессивную политику во внутривнутриполитической сфере.

Стратегия ограничения, отмечает автор доклада политолог П. Старс, направлена, прежде всего, на снижение риска возникновения крупного конфликта с КНР и РФ, хотя она не устраняет полностью серьезный риск усиления конкурентного противостояния США с этими державами и возникновения крупного конфликта. Учитывая такое положение дел, предлагается еще один вариант – «стратегия достижения мира путем перемен», который предусматривает не просто снижение риска возникновения конфликта, а его полное предотвращение путем налаживания отношений с КНР и Россией (либо отдельно с каждой или одновременно с обеими державами)¹.

Политолог сразу оговаривается, что такое было возможно сразу после окончания холодной войны, но маловероятно в начале 2020-х годов. В рядах американской правящей элиты не заметно сторонников отхода от борьбы с авторитарными режимами за демократию, отказа от поддержки оппозиции внутри стран-оппонентов и конкурентов, отмены санкций, т. е. отхода от высоко идеологизированной и непримиримой политики в отношении как ведущих держав, так и любых других стран, не укладывающихся в западные форматы.

Что самое интересное для нас в этом докладе, так это предложение автора проводить политику «коллективного сосуществования за взаимно гарантированное выживание». В этом варианте от всех сторон требуется ограничение своих действий. Сам П. Старс называет такой вариант утопическим. К таким отношениям стороны может подталкивать здравый смысл и действительное стремление к выживанию, а не к войне. Со стороны США такого стремления не просматривается, правящая элита живет в рамках другой утопии о наступлении Американского века, ради чего Соединенные Штаты готовы воевать, полагая, что они непременно победят и выживут.

Доклад Института Брукингса с почти утопическими предложениями все-таки выделяется своим содержанием, так как 99 % (или даже больше) докладов и материалов ведущих американских «мозговых центров» посвящены украинскому конфликту и тому, как обеспечить победу Украине и нанести поражение России, военным вопросам, в том числе по наращиванию и модернизации военной мощи США и НАТО. Во всех материалах, посвященных России, рисуется ужасный образ страны-изгоя, представляющей угрозу всему миру. Все публикации дают

¹Haass R.N. and Kupchan Ch. A. The New Concert of Powers: How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World // Foreign Affairs, March 23, 2021. <http://foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers>

пропагандистско-утрированные искаженные оценки внутренней и внешней политики России. Ярким примером таких взглядов и настроений является материал одного из представителей «либеральных ястребов» Ф. Хилл, написавшей в 1990-е годы книгу «Сибирское проклятие России»² [Hill, 2003]. Ее позиция типична для вашингтонской правящей элиты, не имеет никакого отношения к анализу исторических реалий России, на наш взгляд, хорошо показывает до каких пределов могут дойти до фантазии американских либералов³.

По утверждению Ф. Хилл (можно сказать и других сторонников такого взгляда на Россию и США), «Украина – это поле битвы для Америки за ее будущее, за ее репутацию и лидерство», а для России – это война для того, чтобы устранить США с ведущей роли в мировой политике. Ф. Хилл убеждена, что если США отступят, то для остального мира это станет сигналом слабости Америки, а для Китая, политического союзника России, – знаком слабости и уступки США в вопросе с Тайванем. Неблагоприятный прогноз дается для АТР и для союзников США – Японии и Республики Корея. Утверждается, что это может привести к нарушению баланса сил в АТР, от чего пострадают интересы США, может развиваться скептицизм относительно силы и влияния Америки. Может наступить разочарование у союзников, будет нанесен ущерб позиции США как глобального лидера. По убеждению Ф. Хилл, поражение Украины и победа России, усиление антиамериканских настроений в мире, разочарования и сомнения в способности Америки вести за собой мир и бороться за демократию, будут означать конец свободного мира, конец Pax Americana, конец Америки как глобального игрока.

Безнадёжно банальные высказывания, чистая пропаганда и утопия. Мир – это не Pax Americana, который существует в утопическом сознании части американской элиты. Мир намного богаче, не центрован на Америке, и не обязан развиваться только по американским планам. Взгляды Ф. Хилл типичны не только для представителей администрации Дж. Байдена, которую можно рассматривать как одну из наиболее слабых по политико-академическому составу и профессиональным качествам. Прежде всего, это относится к Государственному департаменту.

²Hill F. & Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Wash., D.C.: The Brookings Institution. 2003. На русском языке книга была издана под названием «Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России» (М.: ИОФМО, 2007).

³We'll Be at Each Others' Throats': Fiona Hill on What Happens if Putin Wins. <https://www.politico.com/news/magazine/2023/12/12/fiona-hill-ukraine-putin-00131285>

Отдельные представители политико-академического сообщества продолжают указывать на то, что устремления переделать Россию, сделать ее по-американски демократической – утопичны, недостижимы. Например, известный политолог Т. Грэм в 2008 году писал, что совпадение интересов России и США вряд ли возможно, скорее, их могут сплотить общие угрозы (ядерный конфликт)¹. Прогноз политолога не сбывся, понимание угроз оказалось разным: США стремительно стали продвигать мировое сообщество к большому конфликту, в том числе с применением ядерного оружия [Шаклеина, 2023]. В начале 2020-х годов политолог вновь написал о том, что Россия не будет такой, какой ее хочет видеть американское руководство, имея в виду то, что она не откажется от своей исторической великодержавной парадигмы, всегда будет отстаивать свои интересы и свое понимание мирового процесса и ее роли в нем².

Одинокие голоса реалистов не находят пока отклика в Вашингтоне, жизнь в «иллюзорном мире» продолжается. А это очень опасно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Произойдут ли изменения в риторике и политике Соединенных Штатов в 2025 году? Надежд немного, но хочется верить, что здравый смысл возобладает, а стремление к жизни подтолкнет Америку к компромиссу и уважению к другим участникам мирового процесса. Сумеют ли американские мыслители и политики выйти за рамки утопии, которая не стала и не станет реальностью? Это главный

¹Graham Th. U.S. – Russia Relations. Facing Reality Pragmatically. CSIS – IFRI Project. Project Codirectors A. Kuchins and Th. Gomart. July 2008. <http://www.csis.org>; <http://www.ifri.org>

²Graham Th. What a Democratic Russia Would Mean for the United States. December 19, 2023. <https://www.cfr.org/article/what-democratic-russia-would-mean-united-states>

вопрос для Америки, ответ на который повлияет и на остальной мир.

Нам необходимо осознать реальные угрозы США всему миру и каждой отдельной стране. Понять реальный смысл американской риторики и действий, отличный от тех трактовок, которые предлагают американские политологи и политики. Прежде всего это касается категорий «либеральная демократия» «либеральный порядок» и, конечно, «американская мечта». Как справедливо писал Э. Я. Баталов, «американская мечта – миф, главная идея которого проста: счастливый человек в счастливом мире, только человек этот – американец, и мир этот – Америка с характерными для нее особенностями исторического развития» [Баталов, 1982, с. 60–61]³. Из этого постулата-мифа рождается концепция либерального мирового порядка по американским правилам, основанного на мнимых американских общечеловеческих ценностях, т. е. на попытках сформировать мир, похожий на Америку-идеал. Действия США заставляют усомниться в том, что они осознают свое реальное положение в мире XXI века и, как писал С. Хантингтон, наконец-то захотят ответить на вопрос: «Кто же они такие, американцы, и есть ли у них право не уважать другие народы и культуры» [Huntington, 2004].

Американцы будут сами решать, как долго им жить в либеральной утопии и гнаться за мифической американской мечтой. У нас должны быть свои планы на будущее и своя мечта о счастливом человеке в счастливой стране и безопасном мире. Именно для этого следует объединить усилия России и Китая, а также других стран, поддерживающих модель полицентричного (многополярного) мирового порядка.

³О сути «американской мечты», об американской философии подробно написано в монографии: Баталов Э. Я. «Русская идея» и «Американская мечта» (2009).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vacevich A. J. *Twilight of the American Century*. Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame Press, 2018.
2. Баталов Э. Я. *Социальная утопия и утопическое сознание в США*. М.: Наука, 1982.
3. Баталов Э. Я. *Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций*. М.: РОССПЭН, 2005.
4. Drezner D. *The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*. New York: Oxford University Press, 2017.
5. Levin M. R. *Unfreedom of the Press*. New York: Threshold Editions, 2019.
6. Шаклеина Т. А. Политическая ситуация в Вашингтоне. Последствия для мирового порядка и России // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. Вып. 1 (834). 2019. С. 95–108.
7. *American Democracy Promotion. Impulses, Strategies, and Impacts* / Ed. by M. Cox, G. J. Ikenberry, T. Inoguchi. New York: Oxford University Press, 2000.

8. Deneen P.J. *Why Liberalism Failed*. New Haven: Yale University Press, 2018.
9. McGann J. *The Future of Think Tanks and Policy Advice in the United States*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2021.
10. Шаклеина Т.А. *Россия и США. К новому мировому порядку*. М.: Аспект Пресс, 2023.
11. Печатнов В. О., Манькин А. С. *История внешней политики США*. М.: Международные отношения, 2012.
12. Шаклеина Т. А. *Россия и США в современных международных отношениях = Russia and the United States in contemporary international relations*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2022.
13. Layne Ch. *Liberal Ideology and U.S. Grand Strategy*. In: Layne, Christopher. *The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present*. Ithaca: Cornell University Press, 2006.
14. Mandelbaum, Michael. *The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era*. N.Y.: PublicAffairs, 2010. P. 9–34.
15. Mearsheimer J. J. *The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press, 2018.
16. Walt S. *The Hell of Good Intentions. America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2018.
17. Brooks St., Wohlforth W. *America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century*. New York: Oxford University Press, 2017.
18. Hill F. & Gaddy C. *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Wash., D.C.: The Brookings Institution. 2003.
19. Huntington S. *Who Are We? The challenges to America's national identity*. New York: Simon & Schuster, 2004.

REFERENCES

1. Bacevich, A.J. (2018). *Twilight of the American Century*. Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame Press.
2. Batalov, E. (1982). *Social'naya Utopia i utopicheskoe soznanie v SSHA = Social Utopia and Utopian Consciousness in the United States*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Batalov, E. (2005). *Mirovoe razvitiye i mirovoi poryadok = World Development and World Order*. Moscow: ROSSPEN (In Russ.)
4. Drezner, D. (2017). *The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*. New York: Oxford University Press.
5. Levin, M. R. (2019). *Unfreedom of the Press*. New York: Threshold Editions.
6. Shakleina, T. A. (2019). *Political Situation in Washington. Outcome for the World Order and Russia*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 1(834), 95–108. (In Russ.)
7. *American Democracy Promotion. Impulses, Strategies, and Impacts (2000)*. Ed. by M. Cox, G.J. Ikenberry, T. Inoguchi. New York: Oxford University Press.
8. Deneen, P.J. (2018). *Why Liberalism Failed*. New Haven: Yale University Press.
9. Lieven, A. (2005). *America Right or Wrong. An Anatomy of American Nationalism*. New York: Oxford University Press.
10. McGann, J. (2021). *The Future of Think Tanks and Policy Advice in the United States*. New York: Palgrave Macmillan.
11. Shakleina, T. A. (2023). *Russia and the USA. Towards New World Order*. М.: Aspect Press (In Russ.)
12. Pechatnov, V. O., Manykin, A. S. (2012). *Istoriya vneshnei politiki SShA = The history of the US Foreign Policy*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya (In Russ.)
13. Layne, Ch. (2006). *The Peace of Illusions. American Grand Strategy from 1940 to the Present*. Ithaca: Cornell University Press.
14. Mandelbaum M. (2010). *The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era*. New York: PublicAffairs.
15. Mearsheimer J. J. (2018). *The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press.
16. Walt, S. (2018) *The Hell of Good Intentions. America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux.
17. Brooks St., Wohlforth W. (2017). *America Abroad. The United States' Global Role in the 21st Century*. New York: Oxford University Press.
18. Hill, F., Gaddy, C. (2003). *The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold*. Wash., D.C.: The Brookings Institution.
19. Huntington S. (2004). *Who Are We? The Challenges to America's National Identity*. N.Y.: Simon & Schuster.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаклеина Татьяна Алексеевна

доктор политических наук, профессор
Заслуженный деятель науки Российской Федерации
профессор кафедры прикладного анализа международных проблем
Московского государственного института международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shakleina Tatiana Alexeevna

Doctor of Political Sciences (Dr. habil.), Professor
Honored scientist of the Russian Federation
Professor of the Department of Applied Analysis of International Problems
Moscow State Institute of International Relations Ministry of Foreign Affairs of Russia

Статья поступила в редакцию	08.09.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	09.10.2024	
принята к публикации	18.11.2024	

Научная статья

УДК 94(47).048+94(477)+343.352.4

К вопросу о финансовых злоупотреблениях гетмана И. Самойловича

А. С. Алмазов

*Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Россия
al.altmazov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема финансовых злоупотреблений гетмана Ивана Самойловича. С этой целью анализируются сведения источников о жалобах населения Гетманщины на злоупотребления гетмана, эффективность системы финансового контроля, а также позиция Москвы по этому вопросу. Проведенное исследование позволяет автору установить, что существовавшие институты финансового контроля оказались неэффективны благодаря усилению гетманской власти в Войске Запорожском.

Ключевые слова: гетман, Войско Запорожское, финансовые злоупотребления, гетманский скарб, царская власть, патронат

Благодарности: статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Тема № FZNF-2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории».

Для цитирования: Алмазов А. С. К вопросу о финансовых злоупотреблениях гетмана И. Самойловича // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 65–72.

Original article

On the Issue of Financial Abuses of Hetman I. Samoilovich

Aleksandr S. Almazov

*State Academic University for Humanities, Moscow, Russia
al.altmazov@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the problem of financial abuse of Hetman Ivan Samoilovich. To that purpose information from sources on complaints from Hetmanate population about the Hetman's abuses, the effectiveness of the financial control system, as well as Moscow's position on this issue are analyzed. The conducted research allowed the author to establish that the existing institutions of financial control turned out to be ineffective due to the strengthening of the Hetman's power in the Zaporozhian Host.

Keywords: hetman, the Zaporozhian Host, financial abuses, the Host's treasury, tsar's power, patronage

Acknowledgement: The article was prepared under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. Theme No. FZNF-2023-0003 'Traditions and values of society: mechanisms of formation and transformation in the context of global history'.

For citation: Almazov, A. S. (2024). On the issue of financial abuses of Hetman I. Samoilovich. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 4(857), 65–72. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Гетмана Войска Запорожского Ивана Самойловича (1672–1687) целый ряд современников обвиняли в различных финансовых злоупотреблениях, включая коррупцию. В частности, такие обвинения содержатся в доносе на гетмана, который группа старшин отправила в Москву 7 июля 1687 года. В это время русско-украинское войско находилось на обратном пути из 1-го Крымского похода. В ответ на донос боярину В. В. Голицыну, командовавшему русским войском, пришел царский указ об отстранении И. Самойловича от гетманства. На следующий день старшина арестовала гетмана и привела к боярину, который зачитал им царский указ. Вскоре бывший гетман и его сын Яков были отправлены в ссылку в Сибирь [Алмазов, 2012].

Проблема финансовых злоупотреблений И. Самойловича, как правило, привлекала внимание историков именно в контексте его отстранения от гетманства. Еще почти два века назад Д. Н. Бантыш-Каменский ввел в научный оборот копию упомянутого выше доноса, сделанную в Москве и представлявшую собой перевод документа на русский язык. Однако вопрос о финансовых злоупотреблениях гетмана остался историком не проанализирован [Бантыш-Каменский, 1830]. Его младший современник Н. А. Маркевич не скрывал своих симпатий к отстраненному гетману и антипатии к авторам доноса. В своей работе он последовательно приводил аргументы в пользу несправедливости обвинений, сделанных в документе в адрес И. Самойловича. Однако по поводу обвинений в финансовых злоупотреблениях Н. А. Маркевич не высказывался. Он ограничился ремаркой о том, что злоупотребления не были связаны с изменой царю, а потому не были связаны с отстранением гетмана от власти [Маркевич, 1842].

В отличие от него Н. И. Костомаров был склонен доверять свидетельствам доноса на гетмана, касающимся его имущественных нарушений. Н. И. Костомаров считал их причиной гетманскую алчность. Кроме того, в качестве доказательства алчности И. Самойловича исследователь использовал сведения о гетманских богатствах из описи имущества гетмана и его родных, составленной после его отстранения от гетманства [Костомаров, 1882]. С. М. Соловьев почти одновременно с Н. И. Костомаровым использовал текст доноса, пересказав его в своей работе. Насколько можно судить, он также был склонен доверять тексту доноса, о чем говорит его вывод, согласно которому Самойлович был дурным правителем, поэтому Москве пришлось им пожертвовать из-за недовольства в Войске Запорожском [Соловьев, 1991].

В последующие десятилетия проблема финансовых злоупотреблений гетмана не привлекала специального внимания исследователей, поэтому неудивительно, что современные историки, как правило, ограничиваются констатацией того, что в упомянутом доносе старшина обвиняла И. Самойловича в коррупции [Таирова-Яковлева, 2011]. Тем не менее некоторый прогресс в расследовании исторических обстоятельств, при которых на гетмана был написан донос, имеет место. В частности, Т. Г. Таирова-Яковлева опубликовала подлинник доноса старшины на гетмана [Яковлева, 2006], а К. А. Кочегаров опубликовал другой ценный источник по рассматриваемой теме – «Остерегательного письма» 1684 года [Кочегаров, 2019].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОРРУПЦИИ В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

В целом, финансовые злоупотребления гетмана И. Самойловича не сводятся только к коррупции, однако именно коррупция наиболее полно осмыслена на теоретическом уровне историками, которые специализируются по Новому времени.

Коррупцию в Европе этого периода исследователи рассматривают в качестве одной из разновидностей взаимного обмена подарками. Такой обмен мог подразумевать не только обмен деньгами и вещами, но и различными услугами и услугами. Главное отличие подарка от взятки заключалось в том, что дарение предполагало публичность и было относительно скромным по стоимости. Теория обмена дарами также предполагает, что коррупция предполагала взаимную заинтересованность дарителя и получателя подарка в дарении, поскольку дары создавали рабочие отношения между населением (или частным лицом) и чиновником. По этой причине протест могло вызвать не только вымогательство чрезвычайно больших взяток, но и, наоборот, отказ брать подарки. Так, в истории Русского государства XVII века можно найти примеры недовольства местных «миров» отказом воеводы от получения корма [Коллманн, 2016].

При этом власть в европейских государствах XVII века, как правило, не проводила последовательной политики по борьбе с коррупцией: монархи закрывали глаза на масштабные финансовые нарушения, если им это было выгодно, а процессы против коррупционеров носили эпизодический и показательный характер. Для иллюстрации этого вывода Ш. Кеттеринг привела в пример дело французского суперинтенданта финансов Н. Фуке,

ставшего козлом отпущения и осужденного по делу о коррупции [Kettering, 1986].

В государствах раннего Нового времени целый ряд факторов способствовал распространению коррупции в современном понимании через систему патроната: смешение частных и государственных финансовых фондов, низкое жалование чиновников, неопределенный круг их полномочий, отсутствие регулярных проверок и отчетов [Kettering, 1986].

НЕДОВОЛЬСТВО НАСЕЛЕНИЯ ГЕТМАНЩИНЫ ФИНАНСОВЫМИ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМИ ГЕТМАНА

Только в одном документе имеются прямые обвинения в адрес гетмана И. Самойловича в вымогательстве взяток. Это донос старшины на гетмана от 7 июля 1687 года. Авторы документа утверждали, что И. Самойлович брал взятки за назначение на полковнические и иные должности, а также приближал к себе только тех, кто давал ему взятки, а кто не давал, тот оказывался в немилости. В документе приводился и конкретный пример гетманской коррупции: он сохранял вакантными должности двух генеральных судей в течение четырех лет, ожидая, что у него их купят за большую сумму [Яковлева, 2006].

Видимо, это обвинение авторов доноса в адрес гетмана были справедливыми. То, что на тот момент в Войске Запорожском обе должности генеральных судей были вакантны, подтверждается отправкой гетманом в Киев в 1686 году М. Вуяхевича «вместо войсковых судей обретающегося» для расследования дела бывшего войта Ж. Тадрыны [Алмазов, 2012]. К сожалению, из текста доноса не представляется возможным понять, каковы были объемы гетманской коррупции, каков был доход от нее, а также как долго продолжалось вымогательство взяток.

Кроме взяточничества авторы доноса обвиняли И. Самойловича еще в целом ряде финансовых злоупотреблений: согласно документу, он отбирал мельницы у старшин, а также любое чужое имущество, которое ему понравилось. Притом, в силу отсутствия подробностей в документе невозможно однозначно сказать, по крайней мере, относительно мельниц, было ли это посягательство на частную собственность или гетман отнимал у неких старшин мельницы, которые были прежде даны им в качестве рангового владения, т. е. владения на период занятия какой-либо старшинской должности [Мякотин, 1926]. Наконец, по версии авторов доноса, гетман приказал всех бесхозных лошадей клеймить и отсылать в Гадяч, где находилась одна

из гетманских резиденций [Яковлева, 2006]. Как можно видеть, все эти злоупотребления предполагали присвоение чужого имущества.

Чаще, чем обвинения в коррупции и присвоении чужого имущества в документах встречаются свидетельства недовольства высокими налогами, собиравшимися в войсковой скарб. Одновременно недовольные полагали, что большая часть собранных средств тратилась на частные нужды И. Самойловича и его родных. Это вызывало возмущение представителей разных социальных групп – от старшин до посполитых, но, строго говоря, такие злоупотребления нельзя рассматривать в качестве казнокрадства, поскольку в Войске Запорожском не было как последовательного разделения на войсковой и гетманский скарб, так и писанных правовых норм, которые бы ограничивали полномочия гетмана в распоряжении войсковым скарбом [Васильева, 2012]. Тем не менее недовольные ссылались на традицию, предписывавшую гетманам быть щедрыми и не тратить слишком много средств на свои нужды.

Теперь обратимся к конкретным примерам. 3 августа 1676 года в Москву приехал находившийся в конфликте с И. Самойловичем стародубский полковник Петр Рославец. 11 августа он прислал в Малороссийский приказ статьи, в которых изложил свои претензии к гетману. Среди них была следующая: «А ныне по приказу гетмана И. Самойловича на его двор великую стацью запасами, вином, яловицами, баранами, боровами, маслом, сырами, конопляным маслом, гусями, курами и денгами даем»¹. Вероятно, в данном случае полковник имел в виду стацью «на двор рейментарский» – специальный натуральный сбор, шедший на содержание гетманского двора [там же].

В 1678 году в Гетманщине был введен косвенный налог в форме откупов («аренды» или «оренды») на продажу крепкого алкоголя, табака и дегтя. В последние годы гетманства И. Самойловича практика «аренд» была расширена, а откупные суммы выросли [Романовский, 1970]. Видимо, это обострило недовольство гетманом и спровоцировало новые жалобы на него, прежде всего, адресованные царской власти.

Так, в июне 1684 года И. Самойлович был вынужден дважды оправдываться по поводу введения «аренд». К сожалению, и в том, и в другом случае не сохранились оригиналы документов, содержавших жалобы на гетмана, поэтому для их реконструкции приходится использовать аргументы, которые в свою пользу приводил сам гетман.

¹РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 107 ч. 1, л. 126.

8 июня И. Самойлович отправил «лист» в Запорожскую Сечь¹. Из него становится известно, что гетман прежде получил от запорожцев «лист», в котором среди прочего речь шла о том, что якобы как гетман Богдан Хмельницкий начал войну с Речью Посполитой из-за «аренд», так и ныне гетман начинает войны по той же причине². Из текста гетманского ответа не вполне ясно, обвиняли ли запорожцы его напрямую в использовании доходов от «аренды» на личные нужды, однако гетман в ответе заявил, что эти деньги «не на нашу пользу и прихоти обращающа»³.

20 июня гетман встретился со стольником С. Е. Алмазовым, присланным из Москвы. При отправлении в Батурин к гетману стольнику был дан наказ, предписывавший на переговорах сообщить И. Самойловичу, что на него жалуются киевские мещане и запорожцы, при этом одной из причин недовольства названы «аренды» [Кочегаров, 2012]. Из приведенной в работе К. А. Кочегарова цитаты из наказа стольнику можно предположить, что запорожцы и киевские мещане жаловались не напрямую в Москву, а кому-то из русских воевод в городах Гетманщины или же лицу, посланному на переговоры с гетманом ранее. Возможно, эти жалобы были сделаны в устной форме, о чем могут свидетельствовать использованное в тексте документа слово «погоска», т. е. слух.

В своем письменном ответе, отправленном в Москву, как и в «листе» к запорожцам, И. Самойлович отрицал свой личный финансовый интерес в деле введения аренд, заявляя, что собранные средства расходуются на нужды обороны территории Войска Запорожского от неприятелей, «а не на тайный какой пожток» [Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией, 1869]. Далее гетман обвинял запорожцев и киевских мещан в клевете в связи с их утверждениями по поводу его родственников: по его словам, полковниками стали только его старший сын Семен и племянник Михаил Васильевич, но и их он мог бы прокормить самостоятельно [там же]. Насколько можно судить из этого аргумента, гетмана обвинили в том, что он раздавал должности своим родственникам, чтобы они также могли пользоваться собранными средствами для удовлетворения личных нужд.

В том же 1684 году появился еще один документ («Остерегательное письмо»), в котором содержатся жалобы на гетманские злоупотребления. Он был получен подьячим М. Суловым

в 1685 году в Речи Посполитой [Кочегаров, 2019]. Автор документа неизвестен, а в самом документе указано, что он был шляхтичем [там же]. Притом, автор «Остерегательного письма» был прекрасно осведомлен о настроениях в Гетманщине. Он как минимум тесно общался с выходцами оттуда. Он полагал, что главными выгодоприобретателями «аренды» были старшины. Отдельно назван генеральный обозный П. М. Забела, а гетман при этом выступает в качестве защитника их интересов, строго наказывающего всех, кто осмелился ему жаловаться на высокие налоги, а также не дающего недовольным пожаловаться царям [там же].

Еще одно свидетельство о недовольстве населения Гетманщины гетманом в связи с «арендами» относится к марту 1685 года. Тогда в шинке в Остре киевский стрелец Вавилка Григорьев слышал от «черкашенина» Наумки Кожемяки, что «казаки хотят гетмана убить за аренду» [там же].

После же отстранения от власти гетмана И. Самойловича в июле 1687 года и вовсе в ряде полков произошли стихийные выступления мещан и крестьян против «аренд» и их держателей: «...ведомо им (старшине. — А. А.) учинилось, что в тамошних городех, где они живут, все посольство шатость имеют на рондарей и подле тех рондарей и невинных многих людей пожитки грабят...»⁴.

Таким образом, население Гетманщины выказывало недовольство не столько гетманской коррупцией, сколько увеличением налогов, а также тем, что значительная часть собранных средств тратилась на нужды гетмана и его родственников.

МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСОВЫМ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЯМ

Как уже упоминалось выше, в XVII веке не существовало общественных институтов, которые могли бы эффективно противодействовать коррупции. Однако и общество, и многие государственные деятели вполне осознавали вред, исходящий от этого общественного явления. В Русском государстве того времени высшей инстанцией, ответственной за борьбу с коррупцией, была царская власть. Например, местные «миры», недовольные систематическим вымогательством взяток воеводой, подьячими приказной избы и другими чиновниками, подавали коллективные челобитные, на которые власть была нередко вынуждена реагировать и проводить расследование [Коллманн, 2016].

¹РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1684 г., д. 28, л. 38-46.

²РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1684 г., д. 28, л. 38.

³РГАДА, ф. 124, оп. 1, 1684 г., д. 28, л. 41.

⁴РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 185, л. 189-190. Про эти бунты см.: [Луцицкий, 1884].

В случае с гетманом Войска Запорожского такой путь борьбы с финансовыми злоупотреблениями был практически неосуществимым. Дело в том, что к уже к моменту избрания И. Самойловича гетманом в июне 1672 года Москва отказалась от идеи прямого вмешательства в выборы и отдала этот вопрос на откуп украинской старшине [Алмазов, 2023]. Неготовность царской власти в силу этого обстоятельства начинать расследование в связи с обвинениями в злоупотреблениях в адрес гетмана ярко иллюстрирует дело стародубского полковника П. И. Рославца. В августе 1676 года он подал в Малороссийский приказ пространные статьи, в которых перечислялись претензии к И. Самойловичу¹. Помимо упомянутой статьи на нужды гетманского двора полковник писал о том, что непосильные налоги разоряют рядовое казачество². В Москве решили вместо расследования отправить в Батурин стольника С. Е. Алмазова, которому поручалось выяснить, на чьей стороне «полковники и войско» — гетмана или полковника³. Когда стало понятно, что старшина поддерживает И. Самойловича, то было решено арестовать П. И. Рославца, а затем отправить для войскового суда в Батурин [Алмазов, 2012]. В связи с этим, неудивительно, что в 1684 году, когда С. Е. Алмазов сообщил гетману о жалобах на него от запорожцев и киевских мещан, то стольник добавил, что великие государи «тому навету не верят» [прив. по: Кочегаров, 2012].

Кроме того, в царском указе от июля 1687 года, санкционировавшем отстранение И. Самойловича от гетманства, подчеркивалось, что вопрос о смене гетмана является прерогативой Войска Запорожского [Соловьев, 1991]. Как можно заметить, жаловаться на финансовые злоупотребления гетмана эффективнее было бы старшине, которая к этому времени фактически отстранила мещан, селян и рядовое казачество от решения всех вопросов, включая выборы гетмана. Однако публичные обвинения в адрес гетмана неизбежно спровоцировали бы противодействие с его стороны вплоть до казни инициаторов. По этой причине даже недовольные И. Самойловичем старшины были вынуждены ждать для выступления против гетмана удобного повода, каковым стал неудачный первый Крымский поход (1687).

Несмотря на столь крепкие властные позиции, гетман все же вынужден был, по крайней мере, сразу после введения «аренд» в 1678 году прибегнуть к механизмам финансового контроля,

ограничивавшим возможности расхищения и нецелевого расходования собранных сумм. И. Самойлович счел нужным опереться на Москву в решении о продлении «аренд» и для этого отчитался перед царем о доходах и расходах за первый год их действия [Романовский, 1930]. Данный факт может свидетельствовать о том, что имелись недовольные введением «аренд». Притом, присланный в Москву приходо-расходный реестр только лишний раз демонстрирует бесконтрольность гетманских расходов: например, 15 августа 20 золотых было выдано гетману на некие неназванные расходы [там же]. Позднее И. Самойлович уже не сдерживал себя отчетами перед Москвой о расходовании средств. В упоминавшемся разговоре с С. Е. Алмазовым в 1684 году гетман предложил прислать из Москвы проверяющего, который удостоверялся бы, что средства расходуются на войсковые, а не на его личные нужды [Дополнения к актам историческим ... 1869]. Насколько можно судить, И. Самойлович был уверен, что ревизор из Москвы отправлен не будет.

Другие меры финансового контроля перечислил сам гетман в беседе с С. Е. Алмазовым в 1684 году: 1) плату за «аренды» собирали специальные дозорщики; 2) их выбирали на уровне отдельных полков, а не всего Войска; 3) собранные средства дозорщики напрямую направляли на нужды «охотничьих» полков, минуя войсковой скарб; 4) они вели специальные реестры расходов и доходов [там же]. Однако, судя по всему, не было нормы, предписывавшей обнародование приходо-расходных реестров, поэтому указанные меры не могли помешать гетману самостоятельно распоряжаться собранными средствами.

МОТИВЫ ГЕТМАНА ДЛЯ ФИНАНСОВЫХ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЙ

Как было сказано выше, в историографии принято связывать финансовые злоупотребления гетмана с его личными качествами, особенно — с его алчностью. Такого же мнения придерживались и современники. Гетман Войска Запорожского в представлении книжников XVII — начало XVIII веков, прежде всего, казацких летописцев, был обязан заботиться о публичном благе, а не о личных частных интересах. «Щедрость», понимавшаяся как готовность тратить находившиеся в распоряжении гетмана средства на общественные нужды любого человека, который пребывал под его властью, была одной из главных положительных черт, которыми должен был обладать хороший гетман [Яковенко, 2012].

Гетман И. Самойлович и сам осознавал, что его большие расходы на личные нужды не добавляют

¹РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 107 ч. 1, л. 121-128.

²РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 107 ч. 1, л. 124-125.

³РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 107 ч. 1, л. 93.

ему популярности в народе. В ноябре 1686 года сообщал в «листе» окольному Л. Р. Неплюеву, что для своей дочери Анастасии и ее будущего жениха купил земли в окрестностях Глухова на сумму в несколько десятков тысяч золотых. При этом гетман отметил: «Не для себе то чиню [ибо по смерти моей того с собою не взяти], но чиню для детей моих, особно для дщери моей...»¹. Надо полагать, гетман надеялся, что отсутствие заботы об общественном благе сможет оправдать его забота о родственниках.

Не приходится сомневаться в том, что алчность вполне могла сподвигнуть И. Самойловича на финансовые злоупотребления, но мотивы его поведения, пожалуй, не могут сводиться только к означенному личному качеству. Тем более, что гетман обладал источниками средств, которые и так мог тратить на личные нужды без риска вызвать чье-либо недовольство. К таковым относятся, в частности, доходы с «маетностей», дававшихся гетману на период нахождения в должности. К сожалению, для периода гетманства И. Самойловича нет данных о размерах этих доходов, но для периода с 1725 по 1734 годы в среднем в год, по подсчетам О. А. Васильевой, только денежная их часть в среднем за год составляла 10–12 тыс. руб. [Васильева, 2012]. В период гетманства И. Самойловича в сумме средства, собиравшиеся в денежном и натуральном виде с гетманских «маетностей», вероятно, были в сумме меньше, но сопоставимы по размерам.

В реестр финансовых средств, которыми располагал И. Самойлович, стоит также добавить доходы с вотчин, пожалованных ему царями за пределами Гетманщины. Так, в Кромском уезде в 1685 году гетман получил пять деревень с 52 крестьянскими дворами и 2181 четвертью пахотной земли, а также пасеку в Олешенском уезде. Кроме того, И. Самойлович купил для дочери Прасковьи и ее мужа Ф. П. Шереметева село Новоселки в Московском уезде, которое после смерти дочери в 1685 году досталось гетману [Кочегаров, 2012].

Наконец, также существенным источником дохода гетмана, не связанным с войсковым скрабом, были дорогие подарки и разовые пожалования деньгами на сотни рублей от царей. Например, по случаю заключения Вечного мира с Речью Посполитой одних только соболей И. Самойлович получил на 210 руб. [Алмазов, 2012].

Велика вероятность, что прибегая к финансовым злоупотреблениям, гетман руководствовался также осознанием своей безнаказанности. К концу своего гетманства И. Самойлович настолько уверовал

в свою политическую неуязвимость, что стал нарушать нормы русско-украинских договорных статей в отношениях с Москвой: например, в 1686 году он самовольно отправил своего представителя в Речь Посполитую с предложением польской стороне пересмотреть условия только что заключенного Вечного мира [Алмазов, 2012].

Хотя финансовые злоупотребления вызывали недовольство, они одновременно способствовали укреплению личной власти гетмана. Полковая старшина богатела как получая «арендные» откупа, так и напрямую забирая с ведома гетмана часть доходов от «аренды» в свой карман. Кроме того, старшина, дав взятку гетману за вступление, например, в полковничью должность, получал от него «маетности» и мельницы, что означало включение нового человека гетманскую сеть обмена дарами. Обе эти формы злоупотреблений способствовали установлению и упрочнению неформальных связей И. Самойловича со старшиной, укреплению и расширению его системы патроната.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имеющиеся источники не позволяют ответить на целый ряд вопросов, касающихся финансовых злоупотреблений гетмана И. Самойловича. Трудно сказать, каков был их масштаб и какую долю его состояния составлял доход, полученный таким путем. Однако с большой долей уверенности можно утверждать, что И. Самойлович брал взятки, отбирал чужое имущество и тратил на личные и семейные нужды средства из войскового скарба в ущерб общественным интересам. Гетман прибегал к финансовым злоупотреблениям как из-за личной жадности к обогащению, так и целью сплочения старшинской элиты вокруг себя, что вело к укреплению его гетманской власти.

В силу прочных отношений с Москвой гетман мог не опасаться мер финансового контроля со стороны царской власти. Внутри Войска Запорожского не существовало эффективных механизмов борьбы с гетманской коррупцией, тем более, что они были невозможны в условиях усиления гетманской власти за счет сокращения участия старшины в принятии политических решений. Тем не менее увеличение масштабов финансовых злоупотреблений стало вызывать все большее недовольство не только среди народных масс, но и старшины. Поводом для жалобы на гетмана в Москву, которым воспользовались недовольные старшины, стал поиск правительством царевны Софьи Алексеевны козла отпущения, чтобы свалить на него вину за неудачу 1-го Крымского похода (1687).

¹РГАДА, ф. 229, оп. 1, д. 162, л. 126. Цитата также приведена в работе [Кочегаров, 2012].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмазов А. С. Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687). М.: б. и., 2012.
2. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России: в 3 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1830. Ч. 2. От присоединения сей страны к Российскому государству до избрания в гетманы Мазепы.
3. Маркевич Н. А. История Малороссии: в 5 т. М.: Тип. А. Семена, 1842. Т. 2.
4. Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования Николая Костомарова: в 20 т. СПб., 1872–1886. Т. 15. Руина. Историческая монография. 1663–1687. Гетманства Бруховецкого, Многогрешного и Самойловича. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1882.
5. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1991. Кн. 7. История России с древнейших времен. Т. 13–14.
6. Таирова-Яковлева Т. Г. Гетманы Украины. Истории о славе, трагедиях и мужестве. М. ; СПб.: Центрполиграф : Русская тройка-СПб., 2011.
7. Яковлева Т. Г. Донос старшины на І. Самойловича: аналіз першоджерела // Український історичний журнал. 2006. № 4. С. 190–200.
8. Кочегаров К. А. «Все наши вольности в арендах». «Остерегательное письмо» против украинского гетмана Ивана Самойловича 1684 г. : сборник статей по русской истории в честь Александра Ивановича Гамаюнова к его 60-летию от друзей и коллег. 2019. С. 178–202.
9. Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
10. Kettering Sh. Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. New York, Oxford: Oxford University Press, 1986.
11. Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины в XVII-XVIII вв. Прага: Ватага и пламя, 1926. Т. 1. Вып. 2.
12. Васильева О. О. Двір гетьманів Лівобережної України у 1663–1734 рр.: дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2012.
13. Романовский В. А. К истории аренды на Левобережной Украине во второй половине XVII – начале XVIII вв. (К вопросу о первоначальном накоплении) // Некоторые вопросы социально-экономического развития Юго-Востока России. 1970. С. 321–361.
14. Кочегаров К. А. Русское правительство и семья украинского гетмана Ивана Самойловича в 1681–1687 гг. М.: б. и., 2012.
15. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией: в 12 т. Т. 11: 1684–1685. СПб.: Тип. Э. Праца, 1869.
16. Лучицкий И. В. Три документа к истории бунта в Малороссии в 1687 г. // Киевская старина. 1884. № 6. С. 306–314.
17. Алмазов А. С. Борьба за гетманство в Войске Запорожском в 1672 году и позиция Москвы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 56–63.
18. Романовський В. Документ до історії державного скарбу давньої Гетьманщини // Український археографічний збірник. Т. 3. Київ, 1930. С. 1–16.
19. Яковенко Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття. Київ: Laurus, 2012.

REFERENCES

1. Almazov, A. S. (2012) *Politicheskii portret ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v kontekste russko-ukrainskikh otnoshenii (1672–1687 gg.)* = Political Portrait of the Ukrainian Hetman Ivan Samoilovich in the Context of Russian-Ukrainian Relations (1672–1687). Moscow. (In Russ.)
2. Bantysh-Kamenskii, D. N. (1830) *Istoriia Maloi Rossii* = The History of Little Russia: in 3 parts. (Part 2. From the joining of this country to the Russian state to the election of Mazepa as hetman) Moscow: Tip. S. Selivanovskogo. (In Russ.)
3. Markevich, N. A. (1842) *Istoriia Malorossii* = The History of Little Russia: in 5 vols. Moscow: Tip. A. Semena. Vol. 2. (In Russ.)
4. Kostomarov, N. I. (1882) *Istoricheskije monografii i issledovaniia Nikolaia Kostomarova* = Historical Monographs and Studies of Nikolai Kostomarov: in 20 vols. (Vol. 15. The Ruin. Historical monograph. 1663–1687. The Hetmanate of Brukhovetsky, Mnogogreshny and Samoilovich) St. Petersburg: Tip M. O. Vol'fa. (In Russ.)

5. Solov'jev, S. M. (1991). Sochineniia = The Works: in 18 vols. Moscow: Mysl'. Vol. 7. The History of Russia since ancient times. Volumes 13 and 14. (In Russ.)
6. Tairova-Iakovleva, T. G. (2011). Getmany Ukrainy. Istorii o slave, tragediiakh i muzhestve = Hetmans of Ukraine. Stories of Glory, Tragedy and Courage. Moscow; St. Petersburg: Tsentrpoligraf; Russkaia troika-SPb. (In Russ.)
7. Iakovleva, T. G. (2006). Denunciation of starshyna on I. Samoilovich: analysis of the original source. Ukrainian Historical Journal, 4, 190–200. (In Russ.)
8. Kochegarov, K. A. (2019). «Vsi nashi vol'nosti v arendakh». «Osteregatel'noje pis'mo» against the Ukrainian Hetman Ivan Samoilovich in 1684. Sbornik statei po russkoi istorii v chest' Aleksandra Ivanovicha Gamaiunova k jeho 60-letiiu ot družei i kolleg (pp. 178–202). (In Russ.)
9. Kollmann, N. Sh. (2016). Prestuplenije i nakazanije v Rossii rannego novogo vremeni = Crime and Punishment in Early Modern Russia. Moscow: Novoje literaturnoje obozrenije. (In Russ.)
10. Kettering, Sh. (1986). Patrons, Brokers, and Clients in Seventeenth-Century France. New York; Oxford: Oxford University Press.
11. Miakotin, V. A. (1926). Oчерki sotsial'noi istorii Ukrainy v XVII-XVIII vv. = Essays on the Social History of Ukraine in the XVII-XVIII centuries. Prague: Vataga i plamia. Vol. I. Issue 2. (In Russ.)
12. Vasyl'ieva, O. O. (2012). Dvir het'maniv Livoberezhnoї Ukraїny u 1663–1734 rr. = Court of Hetmans of Left-Bank Ukraine in 1663-1734: PhD in History. Kiev. (In Ukr.)
13. Romanovskii, V. A. (1970). On the history of arenda in the Left–Bank Ukraine in the second half of the XVII – early XVIII centuries. (On the issue of initial accumulation). Nekotoryje voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia lugo-Vostoka Rossii (pp. 321–361). (In Russ.)
14. Kochegarov, K. A. (2012) Russkoje pravitel'stvo i sem'ia ukrainskogo getmana Ivana Samoilovicha v 1681–1687 gg. = The Russian Government and the Family of the Ukrainian Hetman Ivan Samoilovich in 1681–1687. Moscow. (In Russ.)
15. Dopolneniia k aktam istoricheskim, sobrannyje i izdannyje arkhograficheskoiu komissijei: in 12 vols. (1869) (Vol. 11: 1684–1685). St. Petersburg: Tip. E. Pratsa. (In Russ.)
16. Luchitskii I. V. (1884). Three documents on the history of the rebellion in Little Russia in 1687. Kijevskaia starina, 6, 306–314. (In Russ.)
17. Almazov A. S. (2023). The struggle for the hetman's title in the Zaporozhian Host in 1672 and the position of Moscow. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 56–63. (In Russ.)
18. Romanovs'kyi V. (1930). Document on the history of the state treasure of the ancient Hetmanate. Ukraїns'kyi arkhografichny zbirnyk, 3, 1–16. Kiev. (In Ukr.)
19. Yakovenko N. (2012). Dzerkala identychnosti. Doslidzhennia z istorii uiaavlenn' ta idej v Ukraїni XVI – pochatku XVIII stolittia = Mirrors of Identity. Studies on the History of Concepts and Ideas in Ukraine (16th through the Early 18th Century). Kiev: Laurus. (In Ukr.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алмазов Александр Сергеевич

кандидит исторических наук

доцент кафедры источниковедения и специальных исторических дисциплин

Государственного академического университета гуманитарных наук

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Almazov Aleksandr Sergejevich

PhD (History)

Associate Professor of the Department of Source Studies and Auxiliary Sciences of History

State Academic University for Humanities

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

06.09.2024
31.10.2024
18.11.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Проекты объединения России и Польши в XVII веке

М. А. Бычков

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
maxbychkov80@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются проекты объединения России и Польши в XVII веке. В исследовании используются историко-хронологический и историко-сравнительные методы. К идее объединения в Польше и в России относились вполне положительно. Но она по-разному понималась. Если в России уния рассматривалась, прежде всего, как способ решения общегосударственных задач, то в Польше – прежде всего как способ решения частных проблем. Во время Смуты эта разница проявилась и полностью дискредитировала идею унии.

Ключевые слова: государственная уния, Польша, Россия, Сигизмунд III Ваза, Смутное время

Для цитирования: Бычков М. А. Проекты объединения России и Польши в XVII веке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 73–80.

Original article

Projects of Unification of Russia and Poland in the XVII Century

Maxim A. Bychkov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
maxbychkov80@yandex.ru

Abstract. The article analyzes projects for the unification of Russia and Poland in the 17th century. The study used historical-chronological and historical-comparative methods. The idea of unification in Poland and Russia was quite positive. But it was understood differently. If in Russia the union was viewed primarily as a way to solve national problems, then in Poland it was primarily as a way to solve private problems. During the Time of Troubles, this difference manifested itself and completely discredited the idea of union.

Keywords: State Union, Poland, Russia, Sigismund III Vase, Time of Troubles

For citation: Bychkov, M. A. (2024). Projects of unification of Russia and Poland in the XVII century. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 73–80. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Российско-польские отношения всегда носили непростой характер. Исторические пути России и Польши сходились, расходились, вступали в ожесточенный конфликт, но и шли на союзнические отношения, вплоть до идеи создания единого Российско-Польского государства. В отечественной исторической науке эта тематика затрагивалась в исследованиях по истории России XVI–XVII веков, однако объектом отдельного исследования так и не стала. Целью настоящей публикации является анализ проектов объединения России и Польши. Для достижения поставленной цели с использованием историко-хронологического и историко-сравнительного методов анализируются особенности исторического развития стран в рассматриваемый период.

РОССИЯ И ПОЛЬША К НАЧАЛУ XVII ВЕКА

Россия и Речь Посполитая в XVI веке переживали процесс централизации. На рубеж XV–XVI веков приходится образование единого Российского государства, поэтому в нем центристские тенденции были довольно сильными: бояре оказывали на царя давление, но понимали важность сильной царской власти. Параллельно стоял вопрос о допустимом объеме и границах дворянских полномочий. Политика Опричины, направленная против боярства, привела к ослаблению государственного механизма. В результате усилившийся дисбаланс между боярами и царем обострил социальные и политические противоречия, преодолеть их было довольно сложно.

В отличие от России Польша преодолела феодальную раздробленность еще в XIII веке, но королевская власть была ограниченной, шляхта (польская аристократия) играла ведущую политическую роль. Развитие Польского государства во многом определялось борьбой разных групп шляхты. К XVI веку она практически подмяла под себя все остальные сословия и стала полновластной хозяйкой страны. Ее стремление контролировать все стороны жизни польского общества нарушало нормальный порядок социально-экономического и политического развития. Сама шляхта подразделялась на крупную (магнаты), среднюю и мелкую. Короли, делая ставку на магнатов, стремились укрепить свою власть, но встречали резкое противодействие остальной шляхты. Однако магнаты не были сторонниками сильной королевской власти, поэтому союз между ними и королем сложиться не мог. Шляхта в борьбе с магнатами апеллировала к королю,

вступала за укрепление сословно-представительной монархии. На это было направлено эзекуционистское движение, развернувшееся в стране в XVI веке. Однако полностью достичь своих целей это общественное движение не смогло, так как оно фактически предполагало разделение властных полномочий между королем и шляхтой. Данная модель государства не реализовалась по причине сложности разделения вышеозначенных полномочий. Кроме того «разделу» власти препятствовали магнаты.

ГЕНРИХОВЫ АРТИКУЛЫ

После смерти Сигизмунда II Августа в 1572 году пресеклась династия Ягеллонов. В стране начались споры о будущем монархе. Вскоре определились два основных кандидата: австрийский эрцгерцог Эрнест и русский царь Иван IV. Выбор первого варианта означал восстановление позиций католической церкви, ослабленной в ходе польской Реформации и обмирщения шляхты, но одновременно грозил онемечиванием Польши и полной потерей ею самостоятельности. Второй вариант среди шляхты был более популярным, так как сулил завершение русско-польских войн, совместную борьбу против османской агрессии, польскую культурную экспансию на восток. Однако русский царь и так обладал властью, поэтому он выдвинул свои условия: наследственность монархической власти, свобода православной Церкви в Речи Посполитой, а также передача России Лифляндии и части Червонной Руси. На последнее шляхта согласиться не могла [Бобжинский, 2024]. Польские протестанты предложили шведского короля Юхана III, но по причине преклонного возраста кандидата на престол этот вариант серьезно не рассматривался. В конце концов по предложению французского посла в 1573 году новым польским королем был избран Генрих Валуа. Ему было довольно сложно вникнуть в нюансы политической жизни Польши, чем шляхта и воспользовалась. Она санкционировала принятие «Генриховских артикулов», закрепивших «золотые шляхетские вольности». Согласно им, устанавливался принцип свободного выбора короля, созыв сейма (он состоял из представителей шляхты) осуществлялся не реже одного раза в два года, король не имел право самостоятельно вводить новые налоги или созывать народное ополчение, внешняя политика ставилась под контроль сената (состоящего из магнатов), шляхте оплачивалось участие в заграничных походах, ей гарантировалось право отказа в послушании

королю, если он нарушает законы Речи Посполитой. Были созданы 16 должностей сенаторов-резидентов, назначаемые сеймом, которые в период между сессиями сейма контролировали деятельность короля [История южных и западных славян, 1998]. В результате власть сосредоточилась в руках шляхты, которая стала ревностной защитницей установившихся норм государственного устройства. Однако при этом разные ее группы часто не могли договориться между собой, что ослабляло государство.

СТЕФАН БАТОРИЙ И ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИИ

Генрих Валуа правил Речью Посполитой до июня 1574 года, когда узнал о том, что стал наследником трона Франции и покинул страну. После острых споров в 1576 году новым королем был избран Стефан Баторий. Несмотря на то, что он был противником шляхетских вольностей, ничего изменить он не мог. После смерти царя Ивана IV в марте 1584 года польский король начал готовить очередной военный поход на Москву. Означенный военный замысел он объяснял сейму тем, что в России готовы признать его царем и никакого сопротивления не будет [Зимин, 1986]. Также свои действия Баторий объяснял желанием организовать антиосманскую лигу путем присоединения к себе русских земель. Это не находило поддержки в европейских императорских и королевских домах, но повлиять на польского короля они не могли. При этом Стефан Баторий был креатурой Османской империи, но это он не афишировал [Магилина, 2018]. В ответ на действия польского короля русская дипломатия, стремясь сдержать воинственный пыл Батория, предложила подписать перемирие на 10 лет. Король ответил отказом и предложил заключить перемирие только на два года. Однако в Кракове опасались союза между Россией и Империей Габсбургов, поэтому оставлять ситуацию на самотек Баторий не хотел. Весной 1586 года в Москву было отправлено посольство. Оно предложило заключить «вечный мир», а также было предложено следующее: в случае смерти польского короля Речь Посполитая присоединяется к России, в случае смерти русского царя Россия присоединяется к Речи Посполитой. Но это было отвергнуто русской стороной. Несмотря на то, что страны стали готовиться к войне, переговоры о перемирии продолжились.

Неожиданная смерть Батория в декабре 1586 года ввергла страну в очередной политический кризис. Главными претендентами на польский престол стали представитель шведской

королевской династии Сигизмунд III Ваза и эрцгерцог Максимилиан Габсбург. За каждым из них стояла своя шляхетская группировка, которая выбрала на польский престол своего кандидата. Сторонником кандидатуры шведского королевича был Ян Замойский. В годы правления Стефана Батория он стал первым помощником короля в деле укрепления монархии и подчинения шляхты, получил от него должность коронного (польского) канцлера и гетмана. Ко времени смерти короля он уже имел огромную власть в государстве, но на корону он не претендовал, предпочитая управлять страной через слабого короля. У него было два варианта: шведский царевич Сигизмунд III Ваза и русский царь Федор Иванович (сын Ивана IV). Оба они были молодыми и неопытными в делах государственного управления. Сигизмунд был потомком династии Ягеллонов, католиком по вероисповеданию, его воцарение могло стать основой для союза со Швецией, а возможно и для создания Польско-Шведского королевства. Замойский также серьезно рассматривал возможность передачи польской короны Федору Ивановичу. Это могло помочь в деле противодействия Османской империи и усиления Речи Посполитой на Черном море, а возможно даже создать условия для объединения России и Польши. Федор Иванович был не против стать польским королем и никаких условий не ставил. В январе 1587 года в Краков прибыло русское посольство с предложением Федора Ивановича объединить польский и русский монаршие престолы, следовательно, объединить в единое государство Речь Посполитую и Россию. За такой вариант активно выступали литовские магнаты. Однако он не мог быть реализован, так как католическое польское общество не желало православного царя, а Федор Иванович по политическим соображениям не хотел менять веру. Поэтому ответ польской стороны был уклончивым. Тому, что кандидатура Федора Ивановича была в итоге отклонена, способствовала и внешнеполитическая ситуация: Османская империя пообещала Речи Посполитой начать с ней войну в случае избрания Федора Ивановича королем. В результате канцлер Замойский выступил за кандидатуру шведского царевича. Между сторонниками Сигизмунда и Максимилиана вспыхнула война, которая завершилась победой первых.

СИГИЗМУНД III И НОВЫЙ ПРОЕКТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ УНИИ

Став королем, Сигизмунд III предпринял попытку установления в стране абсолютной монархии, он

отстранил от государственных должностей протестантов, а также критиковавших его католиков, постепенно ослабил позиции канцлера Замойского. Однако политика по формированию абсолютной монархии была несколько приостановилась в связи с тем что король сконцентрировал свои силы на внешней политике. Основными направлениями внешней политики Польши были отношения с Империей Габсбургов и Швецией. Сигизмунд III пошел на альянс с Габсбургами, закрепив его браком с эрцгерцогиней Анной в 1592 году. Кроме того, польский король в том же году (в связи со смертью своего отца) предъявил претензии на шведский престол. Получение шведской короны для Сигизмунда стало идеей-фикс, которой он подчинил свою внутреннюю и внешнюю политику. Он вступил в переговоры с эрцгерцогом Австрии Эрнестом с просьбой об оказании помощи в получении шведской короны. В качестве благодарности польский король обещал австрийскому эрцгерцогу польский престол.

В 1594 году с согласия сейма Сигизмунд отправился в Швецию, где в городе Упсала был коронован. Однако став шведским королем, он не получил поддержку со стороны аристократии страны. Это вынудило его покинуть Швецию и вернуться в Польшу. В качестве регента он оставил герцога Седерманландского Карла. Но регент сам заявил о своих претензиях на престол и в 1588 году в битве под Линчепингом нанес поражение Сигизмунду, который вернулся в Швецию. Началось долгое военное польско-шведское противостояние из-за личных амбиций Сигизмунда.

Ответом на его абсолютистские претензии стало сопротивление шляхты, объединившиеся в антикоролевскую конфедерацию (рокош) во главе того же самого Замойского. В свою очередь сторонники короля (регалисты) образовали собственную конфедерацию. Отношения между рокошанами и регалистами продолжали усложняться. В результате в 1607 году между ними начались вооруженные столкновения. В битве под Гузова того же года регалисты нанесли сокрушительное поражение рокошанам. Однако военная победа Сигизмунда не принесла ему победы политической. На сеймах 1608–1609 годов он признал «золотые вольности» шляхты, что свело на нет всю его абсолютистскую политику.

Таким образом, ни король не мог укрепить свою власть, ни шляхта не могла создать устойчивую политическую систему. Постоянные внутренние конфликты, в которых оказывалась Речь Посполитая, способствовала милитаризации польского общества, так как его значительная часть только в военных походах видели свои жизненные

перспективы. По мнению польского историка Михала Бобжиньского, страну охватил военный психоз, которым воспользовался король Сигизмунд [Бобжиньский, 2024].

В 1598 году после смерти царя Федора Ивановича Речь Посполитая вмешалась в борьбу за власть в Москве. Польский сейм выдвинул Сигизмунда III в качестве кандидата на царский трон. Польский король, будучи также великим князем Литовским, Жематийским и Русским вполне имел право предъявить свои претензии на вакантный русский престол. В письмах к Годунову он обещал сохранить за ним положение правителя, а дворянам – предоставить «шляхетские вольности». Однако успеха это не имело.

Тем временем подходило к концу русско-польское перемирие. Борис Годунов предложил возобновить переговоры. Рост военной угрозы со стороны Османской империи способствовал тому, что и в Москве и в Кракове стали возникать проекты объединения двух государств. Осенью 1600 года литовский канцлер Лев Сапега приехал в Москву с проектом «вечного мира», а также объединения России и Речи Посполитой в единое государство на федеральных началах. Проект предполагал формирование общей внешней политики, совместную оборону южных границ, создание общего флота на Балтийском и Черном морях, устройство общего порта в Нарве и Ивангороде, предоставление купцам прав свободной торговли на всей территории единого государства. Во время переговоров русские дипломаты согласились с предложением об общей обороне южных границ, предоставлении купцам свободной торговли. Но выступили против приобретения польской шляхтой земель в России, отказались разрешить строительство католических храмов, а также смешанные браки православных и католиков. Отдельный спор вызвал вопрос о главе будущего государства. Польская сторона предлагала Сигизмунда III, мотивируя свой выбор тем, что Борис Годунов стар (ему было 50 лет) и болен, а его сын Федор также слаб здоровьем и умом. В случае бездетной смерти царя, как предлагала польская сторона, трон должен перейти Сигизмунду III (ему было 34 года). Если же польский король не оставит наследника, то польская сторона обещала избрать главой потенциального государства «господаря Русского» или какого-то другого. По большому счету предлагаемый польской стороной договор о создании единого государства носил неравноправный характер, поэтому русской стороной был отвергнут. Переговоры завершились в Москве 1 марта 1602 года подписанием договора о двадцатилетнем перемирии [Скрынников, 1988].

СМУТА В РОССИИ И НОВЫЕ ПРОЕКТЫ УНИИ

Смутное время стало переломным периодом в отечественной истории, это была одновременно и гражданская война, и крестьянская война, и война за российское наследство. Начало Смуты связано с появлением Лжедмитрия I. Первоначально он был поддержан польскими магнатами, которые хотели использовать его для своих узкокорыстных целей. Канцлер Замойский выступал против, считая замысел Лжедмитрия губительной для страны авантюрой. И польский король сначала прислушивался к нему, т.к. поддержка самозванца на уровне королевского двора могла стать причиной войны с Россией. Большинство сенаторов также были против. Польский король со всех сторон получал советы созвать сенат для решения естественного вопроса. В этих условиях партия войны начинала проигрывать. Но Сигизмунд III, ставший на сторону этой партии, прибегнул к тайной дипломатии, которая шла в разрез с законами Речи Посполитой. Первоначально он постарался опереться на папского нунция и иезуитов. Папа Римский Климент VIII, получив письмо из Кракова, сделал пометку на полях с упоминанием о португальских самозванцах. Однако польский король, не получив согласие сейма и сената, вел страну к войне.

Осенью 1604 года армия Лжедмитрия I вторглась на территорию России, в июне 1605 года она вошла в Москву. В свое время Лжедмитрий обещал польскому королю передать Речи Посполитой ряд территорий, ввести в России католичество, начать войну со Швецией. Но заняв царский трон, Лжедмитрий отказался от выполнения своих обещаний. По большому счету они были невыполнимы. В результате заговора 17 мая 1606 года Лжедмитрий I был убит, новым русским царем стал Василий Шуйский.

В конце мая – начале июня 1606 года в Самборе появился человек, назвавший себя Дмитрием Ивановичем. Он был принят женой Ю. Мнишека. «Самборским самозванцем» оказался вяземский дворянин Михаил Молчанов. Но он не смог найти поддержки в Речи Посполитой. Страна находилась на грани гражданской войны, и Сигизмунду III было не до самборских дел. Кроме того, польский король стремился отмежеваться от истории с Лжедмитрием I. Сложная ситуация, в которой оказалась страна, возродила идею унии России и Речи Посполитой. Новый проект, предложенный братьями Стадницкими, предлагал заключить между странами «вечный мир», который мог бы стать основой для дальнейшего полного объединения России и Речи Посполитой. Но этот проект остался на бумаге.

Военные приготовления в Самборе вызывали в Кракове беспокойство, так как Мнишеки были рокошанами. Но после смерти жены Мнишека самборская интрига сошла на нет. Еще до этого Молчанов отправил в Россию двух своих эмиссаров. Одним из них был Болотников. Он возглавил новое восстание под лозунгом восстановления власти «истинного царя». Однако «самборский самозванец» не показывал себя, поэтому вскоре место «истинного царя» занял Лжедмитрий II. Им оказался некий Богданко, бродячий учитель из Шклова. В это время Речь Посполитая была в состоянии гражданской войны, поэтому ни регалистам, ни рокошанам никакой конфликт с Россией не был нужен. В результате Лжедмитрий II не получил поддержки польской стороны. Его фактически создали представители русского повстанческого лагеря. В марте 1607 года польский король обсудил с литовским канцлером Львом Сапегой вопрос о запрете набора и переброске в Россию наемных воинских отрядов. 18 июня 1607 года местным властям восточных регионов страны было предписано пресекать попытки набора наемников и вторжения на территорию России. Однако запрет не был выполнен, и белорусские магнаты решились на организацию новой самозванческой авантюры. Если Лжедмитрий I обладал знаниями и личными качествами, которые помогли ему выдавать себя за «природного царя», то у Лжедмитрия II ни того, ни другого не было. Если первый вел, то второй стал ведомым.

Активность Лжедмитрия II привлекала внимание шляхты, когда-то оказавшей покровительство Лжедмитрию I. Но Сигизмунд III не желал в этом участвовать. Самозванец предлагал польскому королю заключить союзный договор, но получал отказ. На позицию Сигизмунда III повлияло и то, что наиболее дальновидные политики Речи Посполитой выступали против очередной авантюры. Первоначально Сигизмунд III к ним прислушивался, но легкие победы Лжедмитрия II вскружили ему голову, и он приказал подготовить войска для захвата Чернигова и Новгород-Северского. Но коронный гетман Станислав Жолкевский осудил это решение, королю пришлось отложить свои планы. При этом с его ведома литовский магнат Ян Петр Сапега набрал войско и вторгся в пределы России.

Лжедмитрий II не раз обращался к польскому королю с просьбой о покровительстве и помощи. Но Сигизмунд III упорно не желал связывать себя какими-либо договоренностями. Однако сохранение гражданского противостояния в Речи Посполитой усиливало в ней анархию, а гражданская война в России расширяла ее географически. В результате тот, кто мог и хотел получить выгоду в этих

условиях, не обращая внимание на социальные и культурные нормы, шел на это, соглашался на любую авантюру.

После ухода Лжедмитрия II из Тушино (которое долгое время было местом его прибывания) бояре, служившие у него, вступили в переговоры с королевскими послами. В процессе переговоров бояре согласились на объединение России и Польши, а также на признании сына Сигизмунда Владислава русским царем. В сложившихся условиях идея унии приобретала уже другое значение. Это была уже не объединение, а поглощение. Переговоры были перенесены под Смоленск в военный лагерь польского короля. В результате 4 февраля 1610 года был подписан Смоленский договор, согласно которому Владислав должен был перейти в православие, управлять страной вместе с Боярской думой и Освященным собором. Смоленский договор закреплял и расширял права аристократии, сохранял крепостное право. Однако Сигизмунд III не предоставил никаких гарантий выполнения договора [Чупова, 2020].

17 июля 1610 года в результате заговора был свергнут Василий Шуйский. В условиях отсутствия царя власть в стране переходила к комитету Боярской Думы, который назывался семибоярщина.

Между Жолкевским и главой семибоярщины князем Мстиславским начались переговоры о заключении унии между Россией и Польшей и провозглашением Владислава царем. Таким образом, семибоярщина надеялась на то, что войска Речи Посполитой помогут навести порядок в России, а кандидатура Владислава успокоит властные притязания боярских родов. Также к Жолкевскому прибыла делегация Земского собора для проведения переговоров. Одновременно к нему пришло распоряжение Сигизмунда III, в котором он требовал присяги ему и его сыну. Жолкевский возражал против требований короля, которые мешали переговорам, но ничего особого сделать не мог. Он просто скрыл королевское послание от русской стороны. 16 августа 1610 года князя Мстиславский, Романов, Голицын и члены Земского собора привезли Жолкевскому текст соглашения об избрании Владислава на царский трон. На следующий день посланцы Жолкевского Валуев и Салтыков явились в Кремль и публично зачитали текст соглашения. После бояре прошли в Успенский собор, где принесли присягу. Потом они отправились на Новодевичье поле и в присутствии народа договор был утвержден.

Однако единодушие в русском обществе не было. Соглашение было результатом компромисса, который в далекой перспективе не мог удовлетворить ни одну из сторон. Одним из главных

противоречий стал религиозный вопрос. Ни Боярская Дума, ни патриарх не могли согласиться на то, чтобы русским царем стал католик. Но Владислав не собирался переходить в православие. Здесь следует обратить внимание на то, что в то время Русская церковь не признавала католическое крещение, следовательно, для перехода из католичества в православие нужно было принять крещение (для Владислава второе крещение было неприемлемо). Существовал и спорный вопрос о Смоленске: московские бояре требовали прекратить его осаду и признать его принадлежность России, Сигизмунд III стремился включить город в состав коронных владений. Ситуация в стране оставалась сложной, поэтому бояре были согласны с воцарением Владислава даже и без решения спорных вопросов. Но польский царевич не имел в России никакой поддержки.

После изгнания Лжедмитрия II из-под Москвы началось формирование официальной делегации, которая должна была попросить у Сигизмунда III отпустить своего сына на царство в России. Делегация отправилась под Смоленск. Но польский король не пожелал опустить своего сына в Россию на царство. Будучи непопулярным в Речи Посполитой, он заявил о своем желании стать русским царем. Кроме того, он предъявил территориальные претензии. Не получив даже общественного признания в России, польский король стал уже раздавать государственные должности и чины, а также вотчины.

Бояре поняли, что Сигизмунд III их обманул. Двуличие польского короля, его территориальные претензии, нарушение польской стороной подписанных договоренности, поведение польских солдат на территории России не как союзников, а как завоевателей дискредитировали идею унии России и Польши, стимулировали рост социального протеста.

Описанная ситуация несколько напоминала ту, которая сложилась перед переворотом мая 1606 года. Однако были и существенные различия: на статус русского царя претендовал тот, кто явно не мог считаться «истинным царем», боярство как политический класс к этому времени дискредитировало себя. Российское общество оказалось на распутье. Согласно пониманию той эпохи государство как политическая форма существования общества невозможно без монарха. Стремление боярства к унии с Речи Посполитой, учитывая родственную и политическую близость русской, литовской и польской аристократии, было вполне естественным, но узкокорыстный характер политики польского короля и шляхты обесценил идею унии России и Польши. Бояре не могли реально признать власть Лжедмитрия II. Борьба родовитых семей за власть не решала проблему, а усугубляло ее.

Остальная часть общества (большая ее часть) была далека от идеи унии двух государств, «истинный царь» не мог появиться извне. Поэтому личность Лжедмитрия II (как и Лжедмитрия I) первоначально была привлекательной. Однако его политика привела к быстрому разочарованию в нем. В этом случае выходом из ситуации становится избрание царя из среды родовитых бояр, имеющих право на престол; при этом избрание должно быть осуществлено «всей землей». Естественным последствием этого стало формирование Первого и Второго ополчения, изгнание из России польской армии и проведение Земского собора 1613 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Объединения государств под властью одного монарха были довольно распространены в рассматриваемый период. Речь Посполитая была результатом объединения Польши и Литвы, Польша

представляла собой объединение небольших государств польской аристократии. Поэтому идея государственной унии была привычна для польской политической культуры. В России первоначально положительно отнеслись к идее объединения. Однако она по-разному понималась в России и в Польше. Если в России уния рассматривалась, прежде всего, как способ решения общегосударственных задач (вопросы внешней политики, торговли, культурного обмена), то в Польше – прежде всего как способ решения частных задач (интересы короля, интересы шляхты). Такая разница подходов к унии как общественной институции не могла способствовать достижению твердых договоренностей. Смутное время можно рассматривать как войну за российское наследство, это был период, когда уния могла быть заключена, но корыстные интересы польского короля и шляхты полностью дискредитировали идею унии России и Польши.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобжинский М. История Польши: в 2 т. От зарождения государства до раздела Речи Посполитой. X–XVIII вв. М.: Центрполиграф, 2024. Т. 1.
2. История южных и западных славян: учебник ; в 2 т. М.: Изд-во МГУ, 1998. Т. 1: Средние века и Новое время / под ред. Г. Ф. Матвеева, З. С. Ненашевой.
3. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М.: Мысль, 1986.
4. Магилина И. В. Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев 1604–1612 гг. М.: Центрполиграф, 2018.
5. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М.: Мысль, 1988.
6. Чупова М. Д. Идеи государственно-правового устройства в договорах с польским королем Сигизмундом III в период Смутного времени // История государства и права. 2020. № 4. С. 47–53.

REFERENCES

1. Bobzhin'skij, M. (2024). Istorija Pol'shi. V 2 t. T. 1. Ot zarozhdeniya gosudarstva do razdela Rechi Pospolitoj. X–XVIII vv. = The History of Poland. In 2 vols. Vol. 1. From the birth of the state to the partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth. X–XVIII centuries. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
2. Matveev, G. F., Nenasheva, Z. S. (Ed.). (1998). Istorija yuzhnyh i zapadnyh slavyan = The history of the Southern and Western Slavs: in 2 vols. Textbook. Vol. 1: Srednie veka i Novoe vremya = The Middle Ages and Modern Times. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russ.)
3. Zimin, A. A. (1986). V kanun groznyh potryasenij. Predposylki pervoj Krest'yanskoj vojny v Rossii = On the eve of terrible upheavals. Prerequisites of the first Peasant War in Russia. Moscow: Mysl. (In Russ.)
4. Magilina, I. V. (2018). Posol'stvo monahov-karmelitov v Rossii. Smutnoe vremya glazami inostrancev 1604–1612 gg. = Embassy of the Carmelite monks in Russia. The Time of Troubles through the eyes of foreigners 1604–1612. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
5. Skrynnikov, R. G. (1988). Rossiya v nachale XVII v. «Smuta» = Russia at the beginning of the XVII century. «Smuta». Moscow: Mysl. (In Russ.)
6. Chupova, M. D. (2020). Ideas of the state-legal system in contracts with the Polish king Sigismund III during the Time of Troubles. The history of state and law, 4, 47–53. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бычков Максим Алексеевич

кандидат исторических наук

доцент кафедры исторических наук и архивоведения

Московский государственный лингвистический университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim Alekseevich Bychkov

PhD (History)

Associate Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Science

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	14.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	28.10.2024	
принята к публикации	18.11.2024	

Условия и предпосылки консервативной стабилизации в пореформенной России 70–80-х годов XIX века

В. А. Ермаков

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Москва, Россия
fact-476@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится проблема корреспонденции концепции и понятия консервативной стабилизации условиям конкретно-исторической обстановки рубежа 1970–1980-х годов и по данным исторических источников. Выявляются системные факторы, которые способствовали укреплению традиционных политических институтов в пореформенной России. Обосновывается комплекс предпосылок, дедуцируемых из анализа условий для перехода к консервативному режиму управления государством.

Ключевые слова: институты, консервативная стабилизация, реформы, самодержавие, предпосылки, революция, условия, чрезвычайное законодательство

Для цитирования: Ермаков В. А. Условия и предпосылки консервативной стабилизации в пореформенной России 70–80-х годов XIX века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 81–88.

Original article

Conditions and Prerequisites for Conservative Stabilization in Post-Reform Russia of the 70–80's of the XIX Century

Vadim A. Ermakov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, Russia
fact-476@yandex.ru

Abstract. The article examines the problem of correspondence between the concept and the concept of conservative stabilization to the conditions of the concrete historical situation at the turn of the 70–80's of the XIX century. and historical sources. A series of consequences is presented, as well as a number of conditions and facts are built that gradually launched a mechanism for protecting and strengthening traditional political institutions. The author substantiates a set of prerequisites deduced from the analysis of conditions for the transition to a conservative regime of government.

Keywords: institutions, conservative stabilisation, reforms, autocracy, prerequisites, revolution, conditions, emergency legislation

For citation: Ermakov, V.A. (2024). Conditions and prerequisites for conservative stabilization in post-reform Russia of the 70–80's of the XIX century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 81–88. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Концепция и понятие консервативной стабилизации, используемые в современной исторической науке для анализа и обобщения фактов внутренней политики пореформенного самодержавия конца 70–80-х годов XIX века, трансформировали и заменили категории советской историографии, в частности термины «кризис самодержавия» и «революционная ситуация». Подобная смена оптики в оценке означенного периода обуславливается как естественной сменой научно-исследовательских программ прошлого современными программами, так и высоким научным интересом к феномену русского консерватизма. В наши дни он усиливается общественным запросом на традиционные ценности. При этом наблюдается процесс экстраполяции концепта консервативной стабилизации на более широкие хронологические периоды, выходящие за рамки 70–80-х годов XIX века. Для понимания ее содержательного ядра в литературе имеются следующие характеристики: «В общих чертах сущность концепции “консервативной стабилизации” можно обрисовать следующим образом: необходимость консервативной стабилизации возникает в условиях нарастания дерегуляции, дезорганизации управления и общественной жизни, в самые острые пики кризиса политического развития, когда волна либеральных реформ, модернизации или угроза социалистической революции, а то и анархического бунта ставят вопрос о самом существовании российской цивилизации» [Васильев, 2015, с. 54]. Однако возникает проблема корреспонденции указанной концепции и понятия с данными исторических источников и фактами исторической действительности. Также недостаточное внимание уделяется объяснению предпосылок и условий для перехода к ней в конкретно-исторической обстановке. Целью публикации станет выявление предпосылок консервативной стабилизации на основании анализа условий функционирования русского самодержавия в 70–80-е годы XIX века.

ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ АЛЕКСАНДРА II В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Русская империя после либерально-демократических реформ Александра II целенаправленно двигалась по пути модернизации, перестраивая внутренние структуры традиционного типа. При этом возникала существенная проблема сохранения и эффективной адаптации самодержавной

политической системы к модернизированным социальным институтам. Имплементация в Российской империи европейских стандартов организации правовых и гражданских отношений имела ряд последствий. Возможно не согласиться с мнениями некоторых исследователей, в том числе Н. И. Биюшкиной, которая односторонне подходит к выделению следствий из Великих реформ Александра II Освободителя, приводя пример отрицательных результатов деятельности Александра, нарушивших традиционную систему государственности. Вместе с тем недостаточно убедительной является «неизбежная» связь между либеральными преобразованиями и дестабилизацией общественно-политической ситуации. «Либеральные реформы Александра II радикально изменили традиционный исторически сложившийся уклад российского общества и государства. Тотальные преобразования, проведенные в основном по инициативе верховной власти в короткие в масштабах Российской империи сроки, неизбежно привели к социальной дестабилизации» [Биюшкина, 2015, с. 148].

Автор статьи предлагает учитывать, в том числе, и фундаментальные позитивные последствия реформ Александра II для более целостной и объективной оценки тогдашней исторической ситуации. К свершениям Александра относятся: изменение сословной структуры организации общества и создание условий для ускорения социальной динамики; диверсификация управления в стране и передача части управленческих функций органам городского и земского самоуправления; введение независимого от администрации суда и преодоление традиции сословного права; расширение автономий печати и университетов и др. Имелись и негативные: незавершенность реформаторского политического курса и запрос как части элит, так и общества на изменение политической надстройки; нарастание антигосударственной пропаганды и амбивалентность общественных настроений в стране; радикализация отдельных оппозиционных групп, сделавших ставку на метод терроризма в достижении политических целей. Серьезным негативным последствием являлось нарастание организованных форм революционного движения, которое в Российской империи нейтрализовывалось проводимой консервативной политикой и повышением роли органов безопасности. Средствами для предотвращения революционной угрозы стали, во-первых, административная корректировка проведенных либеральных реформ с увеличением государственного регулирования общественных инициатив, а во-вторых, постепенный переход в управлении к нормам чрезвычайного законодательства и увеличению полномочий исполнительной власти.

ПОДГОТОВКА УСЛОВИЙ ДЛЯ ПЕРЕХОДА К КОНСЕРВАТИВНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ МЕР

Оправдательный приговор террористке В. Засулич вызвал обеспокоенность в правящих кругах и повлек за собой решительные действия власти. 31 марта 1878 года уже после приговора было созвано заседание Совещательного присутствия. На совещании собрались ключевые министры органов государственного управления: К. И. Пален, А. Е. Тимашев, П. А. Валуев и др. Практически все участники совещания согласились с тем, что революционная деятельность затрагивает всё большее количество общественных слоев и необходимо предпринимать срочные меры к ее нейтрализации. Результаты совещания были следующие:

«а) желательно было бы для несовершеннолетних политических преступников учредить особое исправительное заведение в форме интерната, в отдаленной местности, куда направлять воспитанников учебных заведений;

б) желательно устройство другого подобного заведения для не достигших совершеннолетия рабочих;

в) желательна колонизация в отдаленной местности остальных рабочих и других лиц явно неблагонадежных, с предоставлением им средств к существованию»¹.

Правительство также осуществило ряд дополнительных мер. Высочайшее повеление 24 мая 1878 года, предоставляло возможность привлекать лиц, вовлеченных в антиправительственную пропаганду, к ответственности и дальнейшей высылке. Высылка осуществлялась неминуемо в административном порядке в губернии Восточной Сибири. 9 августа 1878 года вводится высочайший указ «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени», который передавал дела по политическим преступлениям военно-окружным судам.

ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ И УВЕЛИЧЕНИЕ РОЛИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УПРАВЛЕНИИ ИМПЕРИЕЙ

В начале 1879 года наблюдается эскалация террористической угрозы, создававшая риск

политической дестабилизации. 9 февраля убит харьковский губернатор князь Д. Н. Кропоткин, а 13 марта происходит покушение на шефа жандармов А. Р. Дрентельна. Подобные акты свидетельствовали о недостаточности мер по нормализации общественной безопасности. Бывший шеф жандармов П. А. Шувалов предложил ряд полицейских средств, направленных на противодействие покушениям. 16 марта 1879 года издается императорское распоряжение, имевшее целью ограничить приток в центральные города и другие местности лиц, уклоняющихся от прописки по паспортам и потенциально способных участвовать в антиправительственной деятельности.

Подобные средства лишь оттянули попытки народовольцев продолжить террористические акты. 2 апреля 1879 года происходит очередное покушение на Александра II, ставшее основанием для усиления репрессивной политики. Сущность мер, направленных на ликвидацию дестабилизирующих факторов в 1879 году, сводилась к отступлению от действующих гражданских законов в борьбе с революционным движением и расширению сферы действия и правоприменительной практики чрезвычайного законодательства. Подобную политику возможно рассматривать как одно из фундаментальных условий для перехода к консервативной стабилизации. При этом стоит обратиться к оценке подобной тенденции советского историка П. А. Зайончковского: «Тот факт, что императорская власть оказывается неспособной управлять на основе существующих отдельных законов, что возникает потребность в принятии мер, нарушающих эти обычные законы, говорил о наступлении кризиса самодержавия, неспособного в данный момент управлять старыми методами» [Зайончковский, 1964, с. 66]. Однако использование чрезвычайных методов в управлении, как показывает историческая практика, не всегда является признаком кризиса политической системы. В ряде случаев это ее способность реагировать на дестабилизирующие факторы.

Отправной точкой консервативной стабилизации с использованием чрезвычайного законодательства послужило введение института временных генерал-губернаторов, использующих в управлении отведенной им территорией нормы военного положения. Принятие подобной «нормы» автоматически не означало объявление отдельных территорий империи на военном положении, но по механизму управления губерниями и расширению объема полномочий исполнительной власти при одновременном ограничении прав подданных создавало условия для подобного режима.

Правительство Александра II в условиях дестабилизации политической ситуации и прямых угроз

¹ГАРФ. Ф.102. оп.163, Д. 502, Т.1, Л.10.

безопасности самодержавной власти действовало оперативно. Экстренное правительственное совещание разработало проект закона об институте военного генерал-губернаторства. В преамбуле данного закона приводились следующие условия его исполнения: «События последнего времени с очевидностью указывают на существование в России, если не многочисленной, то упорной в преступных заблуждениях своих шайки злоумышленников, стремящихся подорвать все основы государственного и общественного быта. Не ограничиваясь распространением путем печати, в рассылаемых тайно прокламациях самых возмутительных учений... злодеи эти неоднократно покушались на жизнь высших сановников Империи и других лиц, облеченных правительственной властью. Наконец ряд злодейств завершился преступным покушением на Цареубийство» [Полное собрание законов Российской империи, 1881, с. 298]. Примечательно в описании этих условий то, что угрозой для безопасности государства и общественного порядка является ограниченная по численности радикальная группа и степень ее достигла наивысшего уровня – покушение на царя как на первое лицо государства.

5 апреля 1879 года в практику государственного управления вводится институт временных генерал-губернаторов с особыми чрезвычайными правами. Гражданские органы управления и учебные заведения с этого времени подчинялись генерал-губернаторам в соответствии с положением о полевом управлении войсками в военное время, и таким образом, гражданский пост генерал-губернатора трансформировался в пост главнокомандующего армией. Подобные нововведения напоминали гражданскую диктатуру в мирное время. Тем не менее, по мнению правительства, подобное нововведение было эффективной мерой, которая могла защитить самодержавие.

Для дальнейшего увеличения роли чрезвычайного законодательства в государственном управлении стали результаты деятельности генерал-губернаторов. С апреля по декабрь 1879 года приговорены к смертной казни по решениям военно-полевых судов 16 человек. Административной ссылкой подверглись с апреля 1879 года по июль 1880 года 575 подданных.

В итоге Александр II признал, что деятельность временных генерал-губернаторов имеет положительный результат даже при наличии негативных последствий. К подобного рода негативным последствиям реализации указа относились следующие.

Во-первых, широкие полномочия временных генерал-губернаторов создавали предпосылку для административных правонарушений. *Во-вторых*, многие чрезвычайные меры ограничивали

гражданские права лояльного режиму подданных. Атмосфера военного администрирования способствовала напряженности социальных ожиданий у благонамеренной части населения и способствовала снижению авторитета власти. *В-третьих*, проблемой являлось то, что на практике между действиями временных генерал-губернаторов отсутствовало единство в применении чрезвычайных законов. Так, схожие правонарушения квалифицировались в одной губернии как государственное преступление, а в другой как административное правонарушение. Означенную проблему, в свою очередь, не могли решить центральные органы власти. Регламентация чрезвычайного законодательства пока отсутствовала и создавала сбои в функционировании государственного аппарата, так как некоторые административные меры временных генерал-губернаторов не попадали под действие общих законов.

АЛЕКСАНДР II И ЭЛИТА В СИТУАЦИИ ВЫБОРА МЕЖДУ КОНСЕРВАТИВНО- СТАБИЛИЗАЦИОННЫМ КУРСОМ И КОНСТИТУЦИОННО-РЕФОРМАТОРСКИМ

Противоречивость условий для последовательной консервативной стабилизации определялась тем, что несмотря на введение мер чрезвычайного характера, Александр II продолжал проявлять интерес к проектам либеральных преобразований в начале января 1880 года. Он предложил брату Константину Николаевичу руководить Особым совещанием по рассмотрению проектов самого великого князя и П. А. Валуева. В таких условиях наращивание влияния либерального лобби в правительстве и реализация конституционных законопроектов могли изменить вектор развития страны и приостановить усиление репрессивной политики, а также сворачивание процесса реформ. Последовательные действия и решения самодержавной власти закончить преобразования были направлены на то, чтобы найти компромисс между обществом и государством. Тем самым продолжение политики реформ способствовало выходу из дестабилизирующей социально-политической обстановки. «К середине 1879 года в правительственных кругах стали говорить о конституции, о новых реформах, о необходимости каких-то уступок – так думали спасти существующий режим. Это сильно тревожило Александра, но ближайшее окружение подсказывало, что другого выхода нет. Император как будто намеревался к 25-летию царствования продолжить систему преобразований» [Гросул и др., 2000, с. 258].

Имеет значение понимание расстановки сил внутри элитарных групп и отношения различных

представителей консервативной и либеральной ее части к тем проектам, которые закрепляли консервативно-стабилизационный курс или продолжали реформаторски-либеральную политику. Заседания, на которых обсуждались детали проектов, прошли 21 и 23 января 1880 года. На них была выявлена противоположность политических интересов, присущих различным государственным деятелям. Проекты Валуева и Константина Николаевича критиковались по различным позициям, хотя их создатели тщательно отстаивали целесообразность их введения. В результате активных дискуссий князь С. Н. Урусов, шеф жандармов А. Р. Дрентельн и министр внутренних дел Л. С. Маков высказались против предлагаемых проектов реформ. Аргументация их состояла в том, что привлечение общественных сил к обсуждению законодательных вопросов в период отхода от гражданских законов, активной деятельности институтов временных генерал-губернаторов и военного судопроизводства, может усложнить социально-политическую обстановку и вызвать новую волну кризиса. Камнем преткновения для окончательного решения становились чрезвычайные законы. В своем дневнике от 23 января участник заседания, государственный секретарь Е. А. Перетц отметил, передавая содержание речи министра внутренних дел: «При таких обстоятельствах и ввиду крайностей, в которые вдаются некоторые генерал-губернаторы, можно смело сказать, что в иных частях империи не существует ни закона, ни правильно устроенного управления. Поэтому, как только позволят обстоятельства, нужно будет озаботиться сначала отменой чрезвычайных законов, а потом уже приступить к расширению прав, присвоенных обществам и сословиям» [Перетц, 2021, с. 68]. Цитируемая речь свидетельствует о том, что непременным условием дальнейшего проведения реформ, расширяющих права подданных и постепенно вводящих представительские институты в управление государством, была стабилизация внутривнутриполитической обстановки и отмена действующих чрезвычайных законов.

Заседание Особого совещания 25 января 1880 года также является достаточно информативным для понимания обстоятельств, вызвавших переход к консервативной стабилизации уже при Александре III. На этом заседании Константин Николаевич предпринял последнюю попытку отстоять полезность предложенного проекта для нормализации положения в стране. В качестве его решительного оппонента выступил наследник престола Александр Александрович, который считал, что любые конституционные преобразования нанесут вред самодержавному государству и его безопасности. В условиях кризисной ситуации,

полагал он, необходимо наладить связь между деятельностью различных ведомств государственного управления и придерживаться общего политического курса, что и станет результативным способом выхода из создавшегося положения. Ему обеспечили поддержку сановники Маков, Урусов и даже Валуев, ссылаясь на то, что земские собрания и городские думы не способны проводить эффективную политику. Предлагаемые нововведения могут окончательно подорвать авторитет правительства в обществе. Последнее заседание, на котором присутствовал император, состоялось 29 января 1880 года. Окончательное решение закрепляло ситуацию расплывчатости политического курса и состояло в отказе от реализации предложенных конституционных проектов на неопределенный период. Таким образом, попытки продолжить конституционные преобразования и либеральный курс вызвали новую поляризацию сил в правящей элите. Столкновение позиций либеральной и консервативной партий по коренным вопросам государственного устройства, а также отсутствие у них единой политической программы стало признаком расколованности всего правительственного курса.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕРХОВНОЙ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ И УСЛОВИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ СТАБИЛИЗАЦИИ

Следствием неопределенности в выборе дальнейшей стратегии развития страны и непоследовательности правительственного курса стало усиление оппозиционной активности и рост количества террористических актов. 5 февраля 1880 года С. Халтурин произвел взрыв в Зимнем дворце, потрясший правительство и элиту и ставший сигналом обострения политической напряженности. Создавались условия для дальнейшей дестабилизации положения в стране и сбоев в механизме государственной власти. Официальная реакция на подобные чрезвычайные обстоятельства состояла в созыве 8 февраля экстренного заседания Особого совещания, на котором Александр Александрович предложил инициативу по созданию Верховной распорядительной комиссии с диктаторскими полномочиями, которая распространила бы свою деятельность на всю территорию Российской империи. Александр II вначале отклонил инициативу наследника, но уже 9 февраля согласился с ней и распорядился о создании подобного органа во главе с М. Т. Лорис-Меликовым. 12 февраля состоялось издание указа «Об учреждении

Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия». В соответствии с ним данный орган создавался с целью объединения всех правительственных действий и организаций, обеспечивающих государственную и общественную безопасность. Правительство намеревалось предоставить новому органу некоторые права верховной власти, подчиняя ему министерства и ведомства и наделяя ее начальника фактически диктаторскими полномочиями. Об этом свидетельствует в дневниках и Д. А. Милютин: «Граф Лорис-Меликов понял свою новую роль не в значении только председателя следственной комиссии, а в смысле диктатора, которому как бы подчиняются все власти, все министры» [Милютина, 2010, с. 159]. Однако при этом сохранялась полнота самодержавия и неприкосновенность прав монарха из чего фактически возникала ситуация двоевластия. Государственные решения принимали, с одной стороны, император, а с другой – главы Верховной распорядительной комиссии. Создав из комиссии чрезвычайное учреждение, наделенное исключительными полномочиями для борьбы с угрозой терроризма и революции «двуглавое» самодержавие провоцировало ситуацию децентрализации верховного управления в стране.

Какие дополнительные условия создала Верховная распорядительная комиссия в течение короткого периода своей деятельности? Если исходить из содержания докладной записки, поданной в апреле 1880 года, то наиболее существенным пунктом программы явились установки на переход к действию гражданских законов на всей территории империи, а также на ликвидацию действия исключительного правового режима в управлении после устранения террористической угрозы. Содержательная часть программы в случае ее реализации допускала: восстановить в полном объеме действие судебных уставов и земского положения, наделить раскольников правами, установить договорные отношения между предпринимателями и рабочими, изменить податную систему, поднять авторитет высших учебных заведений, провести необходимые кадровые перестановки.

Историк С. Г. Пушкирев оценивал программу Лорис-Меликова как прогрессивную меру в условиях дестабилизации: «Программа диктатора внесла новую струю в царство застоя и растерянности в правительстве. С одной стороны, она предусматривала подавление революционно-террористического движения суровыми репрессивными мерами. С другой – примирение и единение правительства с «благомыслящими» кругами общества. Примирение с ними предполагалось осуществить с помощью защиты их прав и интересов

от незаконных и стеснительных действий администрации и проведением ряда реформ» [Пушкирев, 2001, с. 288]. В указанном тезисе историк ясно отметил, что в политическом курсе Верховной распорядительной комиссии имелось две тенденции: одновременное использование репрессивных и реформаторских методов.

Дореволюционный историк А. А. Корнилов отмечал репрессивное назначение деятельности ВРК: «Не подлежит, однако, сомнению, что основные задачи миссии Лорис-Меликова в данном случае были, прежде всего, репрессивные; эта чрезвычайная комиссия была установлена, прежде всего, для борьбы с революционерами, и Лорис-Меликов на этой борьбе готовился, конечно, сосредоточить свои силы; он понимал, что его задачи, в сущности, прежде все полицейские, хотя в тоже время смотрел на эти полицейские задачи с необычайной для русского администратора широтой» [Корнилов, 1993, с. 370]. Из этих двух оценок авторитетных историков можно сделать вывод о том, что, отказываясь от реализации конституционных проектов, Лорис-Меликов стремился максимально укрепить институты, введенные реформами 60-х годов, особенно земские и судебные, чем создавал условия для дальнейшего проведения реформ. Его позиция в данном отношении согласовывалась с предложениями представителя либеральной элиты Д. А. Милютина, который еще в апреле 1879 года полагал, что источник кризиса находится не в революционерах, а в разбалансированности механизма государственного управления и попытках полицейским администрированием решить возникшую проблему.

После закрытия 6 августа 1880 года по именному высочайшему указу Верховной распорядительной комиссии условия для движения по пути к консервативной стабилизации не являлось достаточными, поскольку М. Т. Лорис-Меликов полагал что исключительные мероприятия и чрезвычайные институты эффективны в урегулировании кризисных политических ситуаций в том случае, когда они действуют непродолжительное время. Еще в докладе императору 26 июля он отмечал, что чрезвычайный институт, к которому относилась комиссия, «не может быть тем постоянным, в государственном строе органом, который имел бы назначение не только создавать, но и поддерживать прочное объединение правительственных сил для борьбы с крамолой. Деятельность ее, как и всякой исключительной власти, не должна быть продолжительной»¹.

Фактором, кардинально ускорившим процесс консервативной стабилизации и создавшим условия

¹ГАРФ. Ф.569. Оп.1. Д.64. Л.8-10.

для сворачивания инициатив конституционных преобразований, стала гибель императора Александра II. Самодержавная власть и элитарные группировки с марта по апрель 1881 года стояли перед сложной дилеммой: завершение процесса реформ и трансформация абсолютной монархии с вероятностью революционного сценария или системная корректировка либеральных реформ и защита самодержавия посредством чрезвычайного законодательства. Российская монархия при Александре III двинулась по второму пути, заявив о стратегии развития в резонансном манифесте «О незыблемости самодержавия» 29 апреля 1881 года и обеспечив безопасность государства кратко срочной подготовленной систематизацией чрезвычайных законов в виде положения «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» 14 августа 1881 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги консервативной стабилизации из анализа ее исторических условий, следует указать

на значимые факторы, предопределившие как характер правления Александра II, так и более поздние фазы отечественной истории.

Во-первых, незавершенность процесса Великих реформ и непоследовательность монарха в принятии решений по поводу дальнейшей стратегии развития империи.

Во-вторых, раскол элит и балансирование верховной власти между либеральной и консервативной ее частями при постепенном усилении второй.

В-третьих, периодическая дестабилизация общественно-политической обстановки ввиду регулярных террористических актов и возрастание рисков организованных форм революционного движения.

В-четвертых, переход исполнительной власти в управлении государством сначала к эпизодическому и точечному применению чрезвычайных законов и институтов, а затем к систематическому и перманентному.

В-пятых, запрос благонадежного большинства общества на консервацию политических порядков и закрытость власти для социальных инициатив по преобразованию самодержавия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев А. А. Идея консервативной стабилизации в традиционной правовой идеологии России // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. 2015. № 12. С. 53–57.
2. Биюшкина Н. И. Стратегия развития законодательства в условиях политической нестабильности в России во второй половине XIX – начале XX в. // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 148–154.
3. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964.
4. Полное собрание законов Российской империи // Собрание 2-е. Т. LIV. Отделение первое. 1879 по 18 февраля 1880. № 59476. СПб.: Государственная тип., 1881.
5. Гросул В. Я. [и др.]. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / В. Я. Гросул, Г. С. Итенберг, В. А. Твардовская, К. Ф. Шацилло, Р. Г. Эймонтова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
6. Перетц Е. А. Дневник (1880–1883) / сост. и науч. ред. А. А. Бельх. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2021.
7. Милютин Д. А. Дневник. 1879–1881 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
8. Пушкарев С. Г. Россия 1801–1817: власть и общество. М.: Посев, 2001.
9. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993.

REFERENCES

1. Vasiliev, A. A. (2015). The idea of conservative stabilization in the traditional legal ideology of Russia. *Altai Bulletin of State and Municipal Service*, 12, 53–57. (In Russ.)
2. Biyushkina, N. I. (2015). Strategy for the development of legislation in conditions of political instability in Russia in the second half of the XIX – early XX century. *Legal technique*, 9, 148–154. (In Russ.)
3. Zaionchkovsky, P. A. (1964) The crisis of autocracy at the turn of 1870–1880. Moscow: Moscow University Press. (In Russ.)
4. The Complete Collection of laws of the Russian Empire. Collection 2-E. T. LIV. Department one. 1879 to February 18, 1880. No. 59476. St. Petersburg: State Printing House, 1881. (In Russ.)
5. Grossul, V. Y., Itenberg, G. S., Tvardovskaya, V. A., Shatsillo, K. F., Eimontova, R. G. (2000). Russian conservatism of the XIX century. Ideology and practice. Moscow: Progress-Tradicija. (In Russ.)
6. Peretz E. A. (2021). Diary (1880–1883) Comp. and scientific editor A. A. Belykh. Moscow: Publishing house «Delo» RANHIGS. (In Russ.)

7. Milyutin, D. A. (2010). Diary. 1879–1881, ed. by L. G. Zakharova. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). (In Russ.)
8. Pushkarev, S. G. (2001). Russia 1801–1817: power and society. Moscow: Posev. (In Russ.)
9. Kornilov, A. A. (1993). Course of the history of Russia of the XIX century. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермаков Вадим Андреевич

кандидат исторических наук

доцент кафедры СГН-1

Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ermakov Vadim Andreevich

PhD (History)

Associate Professor of SGN-1

of Bauman Moscow State Technical University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.07.2024
24.07.2024
18.11.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Социокультурный аспект присутствия Британского контингента в Виргинии в первой половине XVIII века

Е. П. Макаров

Самарский государственный технический университет, Самара, Россия
egor.makarov.esq@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется история британского военного присутствия в Виргинии в первой половине XVIII века с точки зрения участия солдат и офицеров в социальных процессах, протекавших в колонии. Важное внимание в исследовании уделено способности военных к встраиванию в локальную систему социальной стратификации, которая позволяла им успешно заниматься не только своими профессиональными обязанностями, но также и другими видами хозяйственной деятельности. Особый акцент делается на создание солдатами и офицерами семей, позволявших им, используя новые родственные связи, интегрироваться в локальную экономическую систему Виргинии.

Ключевые слова: восемнадцатый век, Североамериканские колонии, Великобритания, Виргиния, колониальная политика, британская армия

Для цитирования: Макаров Е. П. Социокультурный аспект присутствия британского контингента в Виргинии в первой половине XVIII века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. Вып. 4 (857). С. 89–96.

Original article

Socio-Cultural Aspect of the Presence British Contingent in Virginia in the First Half of the 18th Century

Egor P. Makarov

Samara State Technical University, Russia, Samara
egor.makarov.esq@gmail.com

Abstract. The article analyzes the history of the British military presence in Virginia in the first half of the 18th century from the point of view of the participation of soldiers and officers in the social processes taking place in the colony. Important attention in the study is paid to the ability of the military to integrate into the local system of social stratification, which allowed them to successfully engage not only in their professional duties, but also in other types of economic activities. Special emphasis is placed on the creation of families by soldiers and officers, which allowed them to integrate into the local economic system of Virginia using new family ties.

Keywords: Eighteenth century, North American colonies, Great Britain, Virginia, colonial policy, British army

For citation: Makarov, E. P. (2024). Socio-cultural aspect of the presence British contingent in Virginia in the first half of the 18th century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 89–96. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

По сложившейся традиции исследователи колониальной военной истории сосредотачивают свое внимание на конкретных вооруженных конфликтах, биографиях высшего офицерского состава, а также на вопросах стратегии и тактики. В контексте современного процесса изучения британского военного присутствия в Северной Америке в XVIII веке возникает потребность в детализации экономических, политических и культурных явлений, сопровождавших повседневный быт солдат. При этом его политический и экономический аспекты являются в значительной степени исследованными, а культурная составляющая пребывания британских регулярных войск в колониях сравнительно мало изучена.

Колониальные вооруженные конфликты первой половины XVIII века представляли собой нечто большее, чем простое стремление воюющих сторон к достижению превосходства на поле боя. Любой из колониальных локальных конфликтов был, прежде всего, столкновением различных социокультурных идентичностей, носителями которых были и командиры, и солдаты в равной степени. В пространстве колоний Северной Америки оказывались противопоставлены друг другу целые народы и коалиции народов. Война оказывалась трансформационной силой, способной преобразовывать все окружающее социальное пространство, в том числе и с культурной точки зрения [Anderson, 2001].

Политическая воля глав государств направляла армии и формировала идеологические представления солдат о происходящих событиях, но между противниками всегда имелось и культурное взаимодействие, которое порождало их представление друг о друге. Название многих вооруженных конфликтах в колониальном пространстве Северной Америки указывало на их глубинные социокультурные корни или, другими словами, на культурное содержание войны. Изучая процессы, благодаря которым идентичности определяли смысл вооруженных конфликтов между людьми, следует определять британскость с поправкой на контекст имперской Атлантики XVIII века [Corbett, 2010].

В повседневных реалиях Виргинии обозначенного периода реальными проводниками британской идентичности всегда оставались регулярные королевские войска. И офицеры, и солдаты становились потребителями и производителями в системе локального народного хозяйства провинции. Они входили в состав местного населения. Согласно идеальной модели центральной власти Великобритании ее регулярная армия в колониях была проводником торгово-финансовой политики

метрополии, выступала одним из регуляторов миграции рабочей силы. Самим своим существованием армия указывала коренным народам их подчиненное положение и укрепляла имперские основы государства [Whisker, 1992]. Анализируя содержание исторического контекста реалий Виргинии первой половины XVIII века, следует однако учитывать, что идеальные представления правительства о собственной регулярной армии не всегда соответствовали действительности. Культурное значение военного присутствия в колониях в настоящее время заслуживает нового осмысления. Исследователям только предстоит ответить на вопросы о том, каким образом длительное взаимодействие с местным колониальным сообществом влияло на социокультурную идентичность военных [Brumwell, 2002].

БРИТАНСКИЕ СОЛДАТЫ В СТРАТИФИКАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ВИРГИНИИ

Одна из культурных задач, которые ставили перед собой британские регулярные войска в колониях, заключалась в их встраивании в локальную систему социальной стратификации. И рядовые британские солдаты, и офицеры получали за свою работу жалование, поэтому с точки зрения функционирования колониального народного хозяйства они являлись профессиональными наемными работниками. Их специфический труд предусматривал санкцию на применение насилия, и по широкому распространенному мнению полностью оплачивался государством [Berleth, 2009].

Однако в пространстве колоний Северной Америки XVIII века война никогда не рассматривалась в качестве автономного процесса, служащего некой высшей государственной цели. Даже учитывая специфическую природу боевых действий, включая их цели и средства, организацию и правовую статус, война никогда не была отделена от тех социально-экономических процессов, которые непрерывно трансформировали колониальное общество [McConnell, 1992]. Виргинская повседневная действительность вписывалась в круг имперских реалий помимо выполнения своих основных функций играла очень важную роль в территориальной и коммерческой экспансии Великобритании, благодаря которой составленные из представителей различных культурных и этнических групп массы наемных работников непрерывно мигрировали за океан. Поднимая вопрос о встраивании британских солдат в локальную стратификационную систему Виргинии, их следует воспринимать, прежде

всего, как специфических наемных работников, носителей особых военно-гражданских взаимосвязей [Beverley, 1885].

В европейских государствах солдаты традиционно воспринимались как рабочая сила. Это происходило не только потому, что война требовала от них готовности убивать или быть убитыми. Солдат нанимали и для участия в сражениях, и для выполнения множества иных повседневных обязанностей – рытья окопов и возведения фортификационных сооружений, строительства военных объектов, перевозки грузов и участия в производственных процессах наряду с гражданскими работниками. Военнослужащие всегда были связаны обязательствами более строгого трудового контракта и требованиями дисциплины, вследствие чего они были менее свободными, нежели вольнонаемные рабочие [Макаров, 2021].

В колониальных реалиях Виргинии социальный статус солдат был наиболее приближенным к статусу контрактных слуг, поскольку и те, и другие добровольно передавали контроль над своей рабочей силой в обмен на оговоренное жалование, но при этом сохраняли свободу собственной личности. Таким образом, британские солдаты в Виргинии представляли собой несвободную рабочую силу, связанную контрактом, обеспеченную жильем и пропитанием, и подчиненную требованиям жесткой военной дисциплины. Поскольку солдатская служба была особой формой труда за плату, королевскую армию можно рассматривать как работодателя, командный состав как управленцев, а войска как работников [Bruce, 1896].

С начала XVIII века солдаты в британскую армию набирались из местного сообщества, где наемный труд всегда выступал в качестве системообразующего элемента. Таким образом, получение классового опыта наемного работника начиналось для солдата еще до его поступления на службу, но военную специфику своего труда он приобретал именно с момента мобилизации [Weaver, 1904]. Анализируя личную информацию о солдатах, размещенных в британских военных госпиталях после пребывания в Виргинии в середине XVIII века, можно получить важные данные об их профессиях до поступления на службу [Dean, 1950]. По данным более 800 солдат, чьи полки служили в Северной Америке и принимали участие во Франко-индейской войне в период 1757–1760 годов, половина из них до поступления на службу работала в ремесленных мастерских, около 40 % были вольнонаемными городскими рабочими, и до 10 % были вовлечены в сельскохозяйственное производство. По исходным профессиям, которые имели демобилизованные по состоянию здоровья военные, около 40 %

были разнорабочими, 15 % текстильщиками, 7 % сапожниками, 5 % портными, остальные представляли иные профессии. Причем рабочие городских предприятий в разное время могли вести собственное хозяйство и обозначать себя фермерами [Hutt, 1872].

Для упомянутых в данной статистике британцев поступление на военную службу означало присоединение к особому сообществу наемных работников. От представителей гражданских профессий их отличала особая форма оплаты труда и практически полная утрата прежних средств производства. В западном приграничье Виргинии и долине Огайо происходили важные вооруженные столкновения североамериканского театра Семилетней войны, но британская армия здесь состояла в первую очередь не из профессиональных солдат, а из местного ополчения. Даже регулярные подразделения пополнялись обычными людьми, отошедшими от своих привычных гражданских занятий из-за денежного вознаграждения при зачислении и дальнейшего стабильного жалования [Макаров, 2020].

В подобной ситуации в округах западного приграничья Виргинии складывались условия службы, в которых недавно набранные рекруты стремились реализовать не только свой боевой потенциал, но также и собственные прежние профессиональные навыки гражданской жизни. Особая атмосфера пребывания на колониальной границе позволяла солдатам встраиваться в экономические обменные процессы, что неизбежно вело к приобщению к местным культурным устоям и принципам социального взаимодействия. И солдаты, и офицеры в западном приграничье Виргинии становились частью огромного смешанного класса колонии, который имел свои четкие принципы взаимодействия с преобладавшим в локальной стратификационной системе правящим классом крупнейших землевладельцев [Titus, 1991].

Принимая общественные устои западного приграничья Виргинии, британские солдаты оказывались включенными в новые формы наемного труда и социальные производственные отношения. Речь шла не только о традиционных навыках солдатской службы, связанных с наступательными или оборонительными действиями, рытьем окопов и самими сражениями. Боевые действия были лишь одним из множества аспектов солдатской повседневности. Еще с начала XVIII века в виргинском приграничье солдаты вместе с некоторыми офицерами охотно участвовали в разведывательных и землеустроительных экспедициях. Они расчищали места для лагерей, рыли траншеи и рвы, возводили фортификационные сооружения, прокладывали дороги, вырубали участки леса и добывали камень для

укрепления стратегически важных участков, строили казармы и наблюдательные башни [James, 1959].

Рабочая сила солдат охотно привлекалась для заготовок необходимых строительных материалов, при этом каждый такой работник получал ежедневную фиксированную плату в восемь пенсов в день. Эта сумма оставалась стабильной на всем протяжении XVIII века вплоть до начала Американской войны за независимость. В западных округах Виргинии никогда не прекращались землеустроительные работы, и британские солдаты стремились извлекать из своего пребывания там максимальную финансовую выгоду. В дополнение к своим основным обязательствам вооруженных защитников империи они принимали на себя роли охотников, следопытов, сборщиков урожая, перевозчиков грузов, и за всё это получали дополнительную плату. Особо востребованным был труд квалифицированных ремесленников – портных, сапожников, ткачей, плотников и кузнецов. Дополнительная к основному жалованию ежедневная плата таким солдатам составляла шесть пенсов за труд разнорабочего и один шиллинг за ремесленный труд. Подобные условия службы в западных округах Виргинии позволяли солдатам изыскивать легальные возможности многократного увеличения своего основного заработка и за относительно короткий период времени накапливать внушительные капиталы. За время своего пребывания в Виргинии и солдаты, и офицеры в значительной степени интегрировались в местное общество и привыкали пользоваться устоявшейся на этих территориях системой горизонтальных и вертикальных связей. Гарнизоны становились заметной частью местных окружных сообществ, а солдаты и офицеры учились ориентироваться и на имперские военные структуры власти, и на местные правящие элиты, от которых в некоторых случаях зависел их уровень доходов. Вооруженное население западного приграничья Виргинии составляло основу местного колониального ополчения, и британские солдаты позитивно оценивали опыт, при котором владелец домохозяйства являлся и производителем, и защитником земель, на которых проживал. По своему социальному статусу в условиях приграничья британские солдаты были ближе всего к домохозяевам-ополченцам, и постоянное взаимодействие с ними порождало стремление в большей степени интегрироваться в местное сообщество [Hofstra, 2004].

Солдаты жили и сражались вместе, единообразно одевались и питались, и вели схожую социальную жизнь в плане повседневного досуга и труда. В западных округах Виргинии безраздельно властвовали принадлежавшие к правящему классу крупнейшие

землевладельцы. Именно по их воле происходили любые значимые изменения в социальной стратификации ареала. И солдаты, и офицеры регулярной армии в период пребывания в Виргинии пополняли смешанный класс, к которому относилось абсолютное большинство местных жителей. Эта особенность виргинского локального пространства в некоторой степени стирала границы между происходившими из простого народа солдатами и их командирами, относившимися к европейскому среднему классу, дворянству и знати метрополии. Если в Европе классовый конфликт между солдатами и командирами мог быть ярко выраженным, то условия Виргинии не давали ему принять опасную форму. Трудовая и военная дисциплина в виргинских условиях воспринималась солдатами как нечто должное, чему не только не стоило сопротивляться, а напротив, чему необходимо было неукоснительно следовать для постоянного улучшения собственного материального положения [Weidensaul, 2012].

Безусловно, британские солдаты разделяли имперскую идентичность, но, помимо этого, имели выраженное классовое сознание. Оно относилось к тому, который доминировал в виргинском западном приграничье. Имперские военные в этом регионе к середине XVIII века очень редко выражали готовность к неподчинению приказам или, тем более, открытому мятежу. Главной причиной такого положения являлись общие комфортные условия их пребывания в регионе, полностью устраивавшие и самих военных, и местное виргинское сообщество. Ситуация начала стремительно меняться лишь после окончания Франко-индейской войны, когда последовательные попытки центрального правительства пересмотреть условия выплаты жалования и пребывания регулярных войск в Северной Америке разрушили прежнюю систему договоренностей. В этот период начала фактического открытого мятежа американских провинций многие солдаты и офицеры королевской армии настолько сильно сблизились с локальным виргинским сообществом, что к началу 1770-х годов уже сами являлись местными земельными собственниками и связывали свое будущее в большей степени с колонией, нежели с метрополией [Borneman, 2007].

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ БРИТАНСКИХ СОЛДАТ В ВИРГИНИИ

Другим важным аспектом пребывания британских регулярных войск в колониях являлись вопросы создания семьи и установления родственных связей. Для профессиональных военных XVIII века сама сфера

их деятельности основывалась на половых различиях, ведь ведение войны традиционно считалось исключительно мужской прерогативой. В процессе вербовки всегда использовалась риторика мужественности, пробуждавшая новобранцев к стремлению к военным подвигам. В повседневной реальности воинского контингента женщины в большинстве случаев воспринимались исключительно в качестве лагерной obsługi. Сама британская культура была по своей сути патриархальной, и как и в более ранние периоды, в XVIII веке женские роли ограничивались управлением домашним хозяйством. В виргинских реалиях европейская половая дифференциация не имела вид ярко выраженной бинарной оппозиции по принципу сильный / слабый или военный / гражданский. Напротив, в приграничье сам армейский уклад не был отделен от гражданского общества и местные женщины выполняли важную роль в обеспечении быта солдат. Женщины не снижали уровень дисциплины, хотя их присутствие в лагерях регламентировалось, они не рассматривались чуждым армией социальным элементом [Brown, 1996].

Местные женщины следовали за лагерями и многие солдаты решались завести собственные семьи с тем, чтобы оставив службу, осесть на местной земле и основать домохозяйство. Предоставлявшиеся местным обществом экономические возможности предполагали, что при общем достойном выполнении своих профессиональных обязанностей для создания собственной семьи и хозяйства британскому солдату или офицеру было не обязательно оставлять службу. В этом плане быт западного приграничья Виргинии в значительной степени сближал положение солдат регулярной армии и местных ополченцев. Служившие в этом регионе офицеры хорошо понимали местную специфику и видели на конкретных примерах, что вызывая к идеалам мужественности и героизма, лучше апеллировать к идее защиты собственного дома и семьи, чем служению интересам далекой заокеанской метрополии [Shammas, 1995].

Колониальное пространство западного приграничья Виргинии давало солдатам реализовать возможности, в других регионах практически недоступные. Возможность создание семьи, а также степень экономической активности и пространственной мобильности военных определялась местными условиями несения службы. Солдаты хорошо принимали иерархическую модель британской военной дисциплины и вместе с тем патриархальный уклад собственной семьи. И в первом, и во втором случае местная социокультурная модель соотносилась с понятием строгой, но при этом справедливой «власти отцов». Весь экономический, политический и культурный уклад виргинского общества был

патриархальным, он являлся олицетворением «власти отцов». В масштабах целой провинции были влиятельны главы богатейших семейство – крупнейшие землевладельцы, составлявшие правящий класс колонии [Rouse, 1968].

Патриархат в виргинском понимании соотносился с локальной властной вертикалью, и этот патриархальный дискурс «власти отцов» был предназначен для подчинения и мужчин, и женщин, и слуг, и рабов. Взамен на покорность предлагалась забота, и в данной схеме социального взаимодействия правящий класс Виргинии предлагал стоявшему ниже в иерархии смешанному классу те же фундаментальные принципы, которые британский монарх предлагал всем своим подданным на просторах империи. В общественном сознании пребывавших в Виргинии британских войск именно через местное патриархальное мироощущение происходило соподчинение интересов короля, аристократии, офицеров и простых солдат. Власть офицеров над солдатами не воспринималась в местных условиях как жестокий диктат. Напротив, взаимоотношения власти с подчиненными ей военными воспринимались последними как своего рода коррелят глубоких отношений отцов и сынов. [Barker, Chalus, 1997].

В реалиях западного приграничья Виргинии британские солдаты в гораздо меньшей степени, чем в других колониях страдали от того, что армия естественным образом лишала их определенных гражданских прав и подчиняла военному праву. В качестве компенсации солдаты вступали в тесные отношения с местным населением и ощущали очень необходимый им домашний уют. Заводя семью, солдаты гораздо лучше понимали, ради чего им приходилось рисковать жизнью, защищая границы империи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе изучения места и роли британских кадровых военных в локальной стратификационной системе, а также анализа повседневного быта солдат представляется возможным сделать ряд важных выводов относительно некоторых социокультурных особенностей пребывания регулярных войск Великобритании в Виргинии в первой половине XVIII века.

Многочисленные локальные вооруженные столкновения в Северной Америке, в которых принимала участие британская армия, всегда имели и экономический, и политический подтекст. Солдаты являлись важными проводниками торговой политики империи, в которой война была лишь одним из

средств накопления капитала. Военные как большая социальная группа связывали торговцев и производителей, слуг и господ, а также многочисленных работников, чью безопасность они обеспечивали.

Британская регулярная армия олицетворяла центральную власть в обменных процессах Атлантики, важной составляющей которых была культурная экспансия. Привнося в виргинские повседневные реалии диктовавшийся метрополией порядок, солдаты сами неизбежно попадали под влияние социокультурной среды, за многие годы сформированной местным сообществом. Военное присутствие королевских войск в Виргинии имело свои уникальные особенности, поскольку именно на обширной и протяженной границе западных округов провинции происходил культурный обмен не только с местными жителями, но и с населением колоний Франции, а также многочисленными представителями коренных народов региона.

Британское военное присутствие в Виргинии имело ярко выраженное социокультурное измерение, выражавшееся в способности имперских солдат и офицеров занять достойное место в локальной системе социальной стратификации и обеспечить собственный быт. В сознании солдат, расквартированных в гарнизонах и фортах западного приграничья Виргинии, происходило осознание того, насколько идеалы имперской политики

метрополии на деле соотносились с повседневной реальностью американских провинций.

Солдаты и офицеры были вынуждены приспосабливаться к местным условиям. Полностью принимая виргинский уклад жизни, военные не только исполняли свои профессиональные обязанности, но также учились развивать свои полученные еще в гражданской жизни навыки, инвестировать собственные средства в промысловые предприятия и землеустроительные работы, и становиться собственниками наделов, благодаря которым, даже оставив государственную службу, могли бы безбедно существовать.

Пример британского военного присутствия в западном приграничье Виргинии демонстрировал уникальные статусно-ролевые модели, при которых солдат регулярной армии мог быть одновременно ремесленником, фермером, промысловиком, торговцем, а офицер мог выступать в роли врача, юриста, ученого и землевладельца. На путях реализации данных статусно-ролевых моделей почти не возникало противоречий. Причина тому – успешное встраивание военных в смешанный класс Виргинии. Однажды заняв место в локальной системе социальной стратификации, военные закреплялись в ней благодаря деловым, и еще в большей степени – родственным связям, определявшим специфику межличностных взаимоотношений в местном обществе

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Anderson F. *Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America 1754–1766*. New York: Vintage, Reprint edition, 2001.
2. Corbett J.S. *England in the Seven Years War: A Study in Combined Strategy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
3. Whisker J.B. *Arms Makers of Colonial America*. London: Associated University Press, 1992.
4. Brumwell S. *Redcoats: The British Soldier and the War for the Americas 1755–1763*. New York: Cambridge University Press, 2002.
5. Berleth R. *Bloody Mohawk: The French and Indian War & American Revolution on New York's Frontier*. Hensonville: Black Dome Press, 2009.
6. McConnell M.N. *A country between: the upper Ohio Valley and its peoples, 1724–1774*. Lincoln: University of Nebraska Press. 1992.
7. Beverley R. *The History and the Present State of Virginia*. London: R. Parker, 1855.
8. Макаров Е. П. Война губернатора Данмора и продвижение экономических интересов виргинских элит накануне Американской войны за независимость // *История государства и права*. 2021. № 9. С. 56–62.
9. Bruce P.A. *Economic history of Virginia in the seventeenth century, an inquiry into the material condition of the people, based upon original and contemporaneous records*. Vol. II. New York: Macmillan and Co., 1896.
10. Weaver E.P. *Nova Scotia and New England during the Revolution* // *American Historical Review*. Vol. 10, 1904. № 1. P. 52–57.
11. Dean C.G.T. *The Royal Hospital Chelsea*. London: Hutchinson, 1950.
12. Hutt G. *Papers Illustrative of the Origin and Early History of the Royal Hospital at Chelsea*. Compiled in the Secretary's Office at that Institution. London: Eyre & Spottiswood, 1872.

13. Макаров Е.П. Контекстуальные особенности британо-французских колониальных противоречий накануне Франко-Индийской войны 1754-1763 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2020. Т. 2. № 2 (6). С. 52–58.
14. Titus J. *The Old Dominion at war: society, politics, and warfare in late colonial Virginia*. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 1991.
15. James A.P. *The Ohio Company: It's inner History*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 1959.
16. Hofstra W.R. *The planting of New Virginia: settlement and landscape in the Shenandoah Valley*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. 2004.
17. Weidensaul S. *The First Frontier: The Forgotten History of Struggle, Savagery, and Endurance in Early America*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2012.
18. Borneman W.R. *The French and Indian War: Deciding the Fate of North America*. New York: Harper Perennial, 2007.
19. Brown K. *Good Wives, Nasty Wenches, and Anxious Patriarchs: Gender, Race, and Power in Colonial Virginia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1996.
20. Shammass C. Anglo-American Household Government in Comparative Perspective // *William and Mary Quarterly*, 3rd Series, Vol. 52. № 1, 1995. P. 117–128.
21. Rouse P. *Planters and Pioneers; Life in Colonial Virginia*. New York: Hastings house publishers. 1968.
22. Barker H., Chalus E. *Gender in Eighteenth-Century England: Roles, Representations and Responsibilities*. London: Longman, 1997.

REFERENCES

1. Anderson, F. (2001). *Crucible of War: The Seven Years' War and the Fate of Empire in British North America 1754–1766*. New York: Vintage. Reprint edition.
2. Corbett, J. S. (2010). *England in the Seven Years War: A Study in Combined Strategy*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Whisker, J. B. (1992). *Arms Makers of Colonial America*. London: Associated University Press.
4. Brumwell, S. (2002). *Redcoats: The British Soldier and the War for the Americas 1755–1763*. New York: Cambridge University Press.
5. Berleth, R. (2009). *Bloody Mohawk: The French and Indian War & American Revolution on New York's Frontier*. Hensonville: Black Dome Press.
6. McConnell, M. N. (1992). *A country between: the upper Ohio Valley and its peoples, 1724–1774*. Lincoln: University of Nebraska Press.
7. Beverley, R. (1855). *The History and the Present State of Virginia*. London: R. Parker.
8. Makarov, E. P. (2021). The lord Dunmore's war and advancement of economic interests of Virginian elites on the eve of the American revolutionary war. *Istorija gosudarstva i prava*, № 9. 56–62. (In Russ.)
9. Bruce, P. A. (1896). *Economic history of Virginia in the seventeenth century, an inquiry into the material condition of the people, based upon original and contemporaneous records*. Vol. II. New York: Macmillan and Co.
10. Weaver, E. P. (1904). Nova Scotia and New England during the Revolution. *American Historical Review*, 10(1), 52–57.
11. Dean, C. G. T. (1950). *The Royal Hospital Chelsea*. London: Hutchinson
12. Hutt, G. (1872). *Papers Illustrative of the Origin and Early History of the Royal Hospital at Chelsea*. Compiled in the Secretary's Office at that Institution. London: Eyre & Spottiswood.
13. Makarov, E. P. (2020). Contextual features of the colonial contradictions between Great Britain and France on the eve of the French and Indian war of 1754–1763. *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences*, 2-2(6), 52–58. (In Russ.)
14. Titus, J. (1991). *The Old Dominion at war: society, politics, and warfare in late colonial Virginia*. Columbia, S.C.: University of South Carolina Press
15. James, A. P. (1959). *The Ohio Company: It's inner History*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
16. Hofstra, W. R. (2004). *The planting of New Virginia: settlement and landscape in the Shenandoah Valley*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
17. Weidensaul, S. (2012). *The First Frontier: The Forgotten History of Struggle, Savagery, and Endurance in Early America*. Boston: Houghton Mifflin Harcourt.
18. Borneman, W. R. (2007). *The French and Indian War: Deciding the Fate of North America*. New York: Harper Perennial.

19. Brown, K. (1996). *Good Wives, Nasty Wenches, and Anxious Patriarchs: Gender, Race, and Power in Colonial Virginia*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
20. Shammass, C. (1995). Anglo-American Household Government in Comparative Perspective. *William and Mary Quarterly*, 52(1), 117–128. (3rd Series).
21. Rouse, P. (1968). *Planters and Pioneers; Life in Colonial Virginia*. New York: Hastings house publishers.
22. Barker, H., Chalus, E. (1997). *Gender in Eighteenth-Century England: Roles, Representations and Responsibilities*. London: Longman.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макаров Егор Павлович

кандидат исторических наук

доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук

Самарского государственного технического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Makarov Egor Pavlovich

PhD (History)

Associate Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities

Samara State Technical University

Статья поступила в редакцию	16.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	10.08.2024	
принята к публикации	18.11.2024	

Русские тихоокеанские колонии: забытая страница отечественной истории XIX века

А. Ю. Плотников

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Российское военно-историческое общество, Москва, Россия

al.yu.plotnikov@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена история тихоокеанских колоний России в XIX столетии (кроме «Русской Америки» – Аляски и форта Росс) в контексте международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе того периода. Особое внимание уделено обстоятельствам приобретения и последующей утраты Россией своих владений в Тихом океане в последний «классический» колониальный период новой истории.

Ключевые слова: русские тихоокеанские колонии, Аляска, Фактория РАК на Гавайях, Форт Росс, Русская «военная станция» на Цусиме (Цусимских островах)

Для цитирования: Плотников А. Ю. Русские тихоокеанские колонии: забытая страница отечественной истории XIX века // Вестник Московского государственного университета. Общественные науки. Вып. 4 (857). С. 97–106.

Original article

Russian Colonies in the Pacific and International Relations in the Asian-Pacific Region in the XIX Century

Alexey Yu. Plotnikov

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Russian Military Historical Society, Moscow, Russia

al.yu.plotnikov@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the history of Russian's colonies in the Pacific region in the XIX century (excluding "Russian America" – Alaska and Fort Ross in California) in respect of international relations in Asian-Pacific region (APR) of the said period. The main attention is focused on the story of obtaining and final loss of Russian's possessions in the Pacific in the XIX century – the last "colonial century" in world's history.

Key words: Russian's colonies in the Pacific, Alaska, "Russian-American Company (RAC) factory" in the Hawaii, Fort Ross, Russian "Military station" on Tsushima islands

For citation: Plotnikov, A. Yu. (2024). Russian colonies in the Pacific and international relations in the Asian-Pacific region in the XIX century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 97–106. (In Russ.)

РУССКИЕ ТИХООКЕАНСКИЕ КОЛОНИИ

С девятнадцатым столетием связана история «Русской тихоокеанской эпопеи». Она включала колониальную, деятельность России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Наиболее известными русскими колониями в данном регионе являются Аляска и Росс в Калифорнии.

Русская Америка и Форт Росс были не единственными русскими тихоокеанскими колониями (в традиционном «западном» понимании этого слова), о существовании которых сейчас мало кто знает. Однако они составляют неотъемлемую часть русской истории XIX столетия, – последнего классического «колониального» века всемирной истории, в котором свое заметное – и, как всегда, особое – место занимает Россия.

В первую очередь, сказанное касается наших островных колоний, которые составляют практически вообще неизвестную страницу истории деятельности России в АТР.

Итак, кроме Аляски и колонии в Калифорнии (форт Росс) Россия имела реальную возможность создать в Тихом океане колонии на Гавайях и Новой Гвинее, а также военную базу на островах Цусима.

Все эти возможности были или упущены, или остались нереализованными, и хотя Россия на протяжении тридцати лет реально владела одной из этих колоний – фортом Росс – результат также не был закреплен, что, в конечном счете, привело к утрате означенного русского форпоста в Калифорнии.

В этом смысле история русских колоний в «Восточном море» представляет несомненный интерес и с исторической, и с практической точек зрения в свете внешнеполитических задач РФ сегодня.

Об истории русских островных тихоокеанских колоний и пойдет речь.

За основу возьмем хронологический принцип, начиная от первого по времени возникновения «эпизода» колониальной деятельности России в АТР, расположив их в следующей последовательности: «Гавайская фактория» – *Берег Маклая* – «Военная станция» на Цусиме.

«ГАВАЙСКАЯ ФАКТОРИЯ» ШЕФФЕРА

Одной из наименее изученных да и вообще малоизвестных страниц «Русской тихоокеанской эпопеи» остается история «несостоявшейся» русской колонии на Гавайях.

«Гавайская фактория» возникла на три года позднее основания форта Росс – в 1815 году, однако стала первой по времени «упущенной» Россией тихоокеанской территорией.

Как и основание Росса в Калифорнии, появление Гавайской колонии стало результатом деятельности Российско-Американской компании (РАК), выступавшей пионером русских исследований и освоения Тихого океана в XVIII–XIX столетии.

История создания «Гавайской фактории» такова¹.

В 1814 году главный правитель Русской Америки А. А. Баранов направил к королю Сандвичевых (Гавайских) островов Камеомео (Камехамена; *Томеомео* в русском произношении XIX века) для установления с Гавайями торговых отношений компанейское судно «Беринг».

Однако у острова Кауай судно попало в шторм, и было выброшено на берег. При этом груз был разграблен местными жителями. Вождь острова – Томари, враг Камеомео, несмотря на обращения РАК, вернуть товар отказывался, ссылаясь на то, что выброшенное судно является его добычей.

Для разрешения ситуации, в 1815 году Баранов направил к Камеомео, резиденция которого располагалась на о. Оаху, комиссионера Компании доктора Е. Шеффера (O. Schaeffer). В его задачу входило добиться возврата судна и груза или получения компенсации сандаловым деревом, которое пользовалось в регионе большим спросом.

Вначале Камеомео принял русских хорошо, но вскоре, из-за интриг американцев, распространявших слухи о том, что Шеффер прибыл с разведывательной миссией с целью последующего захвата русскими островов, отношение короля к зарубежным гостям изменилось.

Шеффер был вынужден перебраться на остров Кауай к Томари, что, в итоге, дало нужный для выполнения его миссии результат: вылечив от болезни Томари и его жену, Шеффер приобрел полное доверие и расположение правителя острова.

В результате переговоров, Шеффер заключил с Томари соглашение, которое открывало для Компании реальную возможность закрепиться на Гавайях, создав там свое поселение (о. Кауай – *Сад-остров* – четвертый по размеру среди Гавайских островов).

Соглашение («Конвенция»), заключенное Шеффером, включало, в частности, следующие условия: 1. *Корабль «Беринг» и захваченный груз возвращается Компании;* 2. *Король Томари обязывался ежегодно доставлять в Русскую Америку полное судно сушеной тары;* 3. *Все сандаловое дерево с подвластных Томари островов передавалось в распоряжение Шеффера, и торговля им должна была производиться только с РАК;* 4. *Русским*

¹Напомним, Гавайский архипелаг был открыт в 1778 г. английским мореплавателем Дж. Куком, который назвал его «Сандвичевыми островами» в честь своего патрона, первого лорда Адмиралтейства графа Сандвича.

предоставлялось право учреждать фактории во всех владениях Томари (кроме Кауай владел также островом Нигау).

На основании отдельного соглашения Томари с подвластным ему населением поступал под покровительство российского императора [Тихменев, 1861, с. 186]. В знак «вступления» Томари под «высочайшее покровительство» на острове был поднят русский флаг.

Условие об уступке РАК части о. Оаху полностью отвечало намерениям Баранова, который в дополнительной инструкции Шефферу поручил ему обсудить с Томари вопрос об учреждении на острове, где уже существовало поселение американцев, русской торговой фактории [там же, с. 187].

Шеффер энергично приступил к реализации договоренностей: приобрел для Томари два судна и приступил к строительству укрепленных факторий (они создавались одновременно на Кауай и Оаху) используя лес, доставленный на Гавайи из Ново-Архангельска.

Строительство факторий шло успешно и уже в 1816 году создание русского форпоста на Гавайях было практически завершено. Причем в строительстве мы явно опережали иностранцев, поскольку русское «утверждение» на Гавайях, в отличие от временных поселений американцев, обещало быть постоянным и долговременным (первые иностранные миссионеры прибыли на острова только в 1820 году).

Это обстоятельство и послужило главной причиной яростного сопротивления «русскому водворению» на Гавайях со стороны американцев, с самого начала увидевших в представителях РАК реальных – а, потому, нежелательных – конкурентов.

Итак, основание было положено, и оставалось лишь продолжить и закрепить успешно начатое. Тут-то и возникли первые трудности, которые изначально исходили не от иностранных конкурентов, а от официального Петербурга. Его позиция была ригористичной.

Баранов, всегда поддерживавший инициативу и смелые предприятия Компании, способствовавшие укреплению ее позиций, и одобрявший заключенные с Томари соглашения, тем не менее, должен был получить от Главного правления РАК в Петербурге согласие на утверждение договоренностей.

Из столицы пришел отказ Александра I принять Томари под российское покровительство (контраргументы Александра состояли в том, что Сандвичевы острова, по имеющимся сведениям, состоят под покровительством Англии) с предписанием вернуть последнему составленный в этой связи Акт (что фактически означало бы отказ от заключенных соглашений). Однако вышеозначенное предписание было позднее отменено.

По настоянию руководства РАК, Акт о принятии «под высочайшее покровительство» Томари возвращен не был, а самому «королю» была дополнительно пожалована золотая медаль ленте с надписью «Владетелю Сандвичевых островов Томари в знак дружбы его к россиянам», а также пожалованы традиционные в таких случаях подарки.

Однако этим всё ограничилось: никакой реальной официальной поддержки «проект Шеффера» не получил. В результате инициативу перехватили американцы. Они сделали всё, чтобы воспрепятствовать русскому закреплению на Гавайях.

В результате созданная в рекордные сроки русская фактория оказалась фактически предоставленной самой себе, чем не преминули воспользоваться наши конкуренты. Они сделали всё, чтобы «известить» русские фактории, дававшие России неоспоримые права на занятые территории (напомним: уступка территории под строительство по договору с местным владельцем, поднятие флага, создание поселений, принятие Томари под «высочайшее покровительство»), что им в результате удалось.

Первое, что попытались сделать американцы – добиться спуска, поднятого на Кауаи русского флага. Когда сразу добиться этого не получилось, были задействованы другие методы.

Сначала они перекупили у Томари все товары, которые он обязался поставлять РАК по соглашению, а потом подкупом и интригами начали напрямую «изживать» русских. Первой удалось истребить факторию на Оаху и изгнать оттуда Шеффера, затем то же повторилось на Кауаи.

Как всегда в подобных случаях, американцы (как, впрочем, и другие европейцы в борьбе за колонии) действовали бесцеремонно и напористо, что не раз отмечали исследователи РАК. Когда с первой попытки уничтожить нашу факторию на Кауаи не удалось, был распушен слух, что если на острове не будет спущен русский флаг, американцы пришлют суда и перебьют всех жителей острова, затем этим же жителям «помогли» захватить русское имущество. Ситуация еще более осложнилась, когда американский капитан компанейского судна «Ильмень» вместе с командой (состоявшей также из американцев) «без церемонии бросил свое судно» [Тихменев, 1861, с. 189].

Под угрозой расправы Шеффер был вынужден перебраться на компанейские суда, а когда высадиться на берег и отбить имущество не удалось – уйти в порт Гонолулу, известив о произошедшем Баранова. В июле 1817 года, не дождавшись помощи из Ситки и оставив часть служащих РАК на о. Оаху, он на иностранном судне отправился в Кантон, через который вернулся в Петербург.

Так закончился первый этап борьбы за русское присутствие на Гавайях.

Возвратившись в Петербург в 1818 году, Шеффер подал министру внутренних дел (РАК, как полуправительственная компания, находилась в ведении МВД) записку, в которой, обосновывая выгоду торговли с Сандвичевыми островами, вновь поставил вопрос о занятии РАК одного из гавайских островов и учреждении там русской фактории [Тихменев, 1861].

Совет при Главном правлении Компании поддержал проект, делая особый упор на обеспечении бесперебойного снабжения продовольствием не только Русской Америки, но Камчатки и Курил, также находившихся в ведении РАК.

Однако в Петербурге вновь возобладала иная точка зрения: Александр повторно не утвердил «Гавайский проект», указав, «что мысль о водворении русских на одном из Сандвичевых островов имеет весьма мало оснований», предоставив Компании право распорядиться «назначенными владельцу островов от Высочайшего имени» подарками по своему усмотрению [там же, с. 192].

Так выгодный во всех отношениях «купеческий проект» (проблема продовольственного снабжения Аляски была одной из самых острых с момента основания Русской Америки) был «утоплен» бюрократическим государственным аппаратом.

Так Россией вторично – и на этот раз уже окончательно – была упущена реальная возможность создать себе опорную базу в самом центре Тихого океана, в результате чего «сношения компании с Сандвичевыми островами ограничивались впоследствии только приобретением там, при удобном случае, продовольственных запасов, в особенности, соли» [там же].

Практически во всех официальных исследованиях, посвященных истории «Гавайской фактории», Шеффер представляется не иначе, как авантюрист (в лучшем случае – «честолюбец», стремившийся завоевать славу основателя новой колонии), чуть было не вовлекший РАК в военный конфликт, а также особо подчеркивается, что этот «опыт» стоил Компании «230 тыс. руб. ассигнациями невознаградимой потери» [там же, с. 191].

При этом нигде не говорится, что благодаря этому «авантюризму» Россия получила почти готовую колонию на Гавайях и окажи здесь Петербург «Гавайскому начинанию» минимальную поддержку (руководство РАК идею Шеффера, повторим, поддерживало) Россия наверняка бы «утвердилась» на архипелаге.

Думается также, что ссылка на «истраченные впустую 230 тыс. руб.» является лишь попыткой оправдать слишком очевидную и

труднообъяснимую уступку «форта Шеффера», поскольку создание укрепленной «Гавайской фактории», безусловно, стоило весьма скромной по тем временам – имея в виду «цену вопроса» – суммы в 230 тыс. руб. ассигнациями (в среднем, стоимость грузов, перевезившихся одним компанейским судном: например, стоимость груза, погибшей в результате крушения в 1813 году «Невы», составляла 250 тыс. руб.; груза разбившейся в 1811 году «Юноны» – 200 тыс. руб. ассигнациями) [там же, с. 230].

О стратегическом – во всех отношениях – значении такого форпоста, вспомнили позже.

Весьма показательным, в этой связи, является мнение известного исследователя РАК П. Головина, посетившего Русскую Америку в 1860 году; «Сандвичевы острова представляют все удобство для содержания там постоянной станции: оттуда пути открыты и в Америку, и в Японию, и в Китай, и командиры судов наших будут иметь полную возможность ознакомиться с плаванием в местностях, в которых, в случае войны, должна будет сосредоточиться вся их деятельность» [Головин Морской сборник, 1862, с. 137].

Памятником «несостоявшейся» русской фактории на Гавайях служат остатки «форта Шеффера», сохранившиеся до настоящего времени в одной из гаваней острова Кауай [Encyclopaedia Americana, 1973, с. 872].

«БЕРЕГ МАКЛАЯ»

В 1884–1886 годах Россия имела реальную возможность создать колонию на о. Новая Гвинея, но в этот раз уступила Германии. Как и в случае с Гавайями, все правовые основания были на нашей стороне, чем Россия также не смогла или не захотела воспользоваться.

«Несостоявшаяся» новогвинейская колония связана с деятельностью известного русского исследователя Океании Николая Николаевича Миклухо-Маклая, которому она и обязана своим существованием. Эта земля вошла в историю под его именем.

История обретения и утраты Россией «Берега Маклая» такова.

В ходе экспедиций на острова южной части Тихого океана Миклухо-Маклай побывал на Новой Гвинее, где он занимался научными исследованиями и изучением острова в течение десяти лет (1871–1883).

В деле «новогвинейской колонии» мы имеем, пожалуй, единственный в отечественной практике случай, когда права личного (частного) землевладения предшествовали – и, одновременно, являлись основанием – для возникновения

соответствующих территориальных прав государства¹.

Впервые Миклуха подробно обследовал территорию северо-восточного побережья Новой Гвинеи, прилегающую к заливу Астролябия, получившего впоследствии название «Берег Маклая» (1871–1872).

Эта была обширная и удобная для освоения территория Новой Гвинеи. По описанию самого Миклухо-Маклая, она простиралась «от мыса Кроазиль на западе до мыса Короля Вильяма на востоке, от берега моря на северо-востоке до высочайшего хребта гор (Мана Боро-Боро) на юго-западе». Если посмотреть на карту, Берег Маклая занимал участок побережья Новой Гвинеи между 5° и 6° ю. широты [Миклухо-Маклай, 1997].

Первый раз с предложением установить над этой территорией русский протекторат Миклуха обратился к правительству России в 1875 году. Эта геополитическая идея, однако, была отклонена с формулировкой «ввиду отдаленности этой страны и отсутствия там русских интересов»².

Вторично с аналогичным проектом он выступил в 1883–84 годах, в период активизации в Океании колониальной деятельности Великобритании и Германии, когда возникла реальная угроза потери Россией прав на эти территории (обращения были направлены Александру III, великому князю, генерал-адмиралу Алексею Александровичу и Министру иностранных дел Гирсу).

В обоснование прав России на эту территорию Миклухо-Маклай приводил факты: поднятия русского флага в «главнейших гаванях» Берега Маклая – Портах Константин и Алексей, который никогда официально не спускался «почему, не нарушая международного права, не мог без нашего согласия быть замещен германским»; неоднократного посещения Новой Гвинеи русскими военными судами, производившими его съемку и описание; установки в 1872 году в Порту Константин стеллы-знака с надписью: «*Vitiaz* 1871 – *Miklouho-Maclay* – *Izoumroud* 1872»; своего длительного проживания на острове и проведением научных исследований, описания и хозяйственного освоения территории; и факте приобретения на территории «Берега Маклая», а также в близлежащих районах в собственность участков земли, на которых были построены дома и разведены плантации [там же, с. 389, 427, 428, 448, 457–458].

Именно приобретение русским подданным в собственность земли явилось главным основанием

для возникновения прав на эти территории у России в соответствии с международно-правовой нормой, согласно которой «акты присвоения со стороны частных лиц, если они утверждены, будут представлять собой доказательства эффективной оккупации в обычном порядке» [Броунли, 1997, с. 227].

Центром русской колонии на Новой Гвинее Миклуха предлагал сделать Порт Алексей («гавань отличная, легко защитимая, климат сравнительно хороший, географическое положение в случае войны выгодное и центральное; земля вокруг плодородная и удобная во всех отношениях» – писал он в своем донесении вице-адмиралу Н. Чихачеву) [Миклухо-Маклай, 1997, с. 387].

Возможность «занятия» Россией Берега Маклая в то время облегчалась также тем, что Англия в 1884 году установила свой протекторат только над южной частью острова и его северное побережье оставалось «свободным».

Учитывая неоспоримые правовые преимущества на эту часть Новой Гвинеи России, такое «занятие» было вполне реальным и «беспроблемным».

По распоряжению Александра III обсуждение «проекта Маклая» состоялось в Петербурге в 1884 году. Однако несмотря на всю обоснованность проекта и правовой и стратегической точки зрения, было решено его вновь отклонить (следует подчеркнуть, что Александр III относился к «территориальным проектам» Миклухо-Маклая весьма серьезно, всякий раз требуя от министров тщательного и всестороннего рассмотрения его предложений).

Главной причиной отказа на этот раз был следующий аргумент: ввиду отдаленности этих территорий, Россия будет не в состоянии удержать их за собой, хотя при этом и подчеркивалась необходимость российского участия в вопросах «территориального устройства» в Тихом океане «с тем, чтобы, – как писал Министр иностранных дел Н. Гирс – не допустить установления порядков, несогласных с нашими интересами»³.

Однако пока в Петербурге совещались, произошло то, чего опасался Миклухо-Маклай: Германия опередила Россию, объявив 5(12) декабря 1884 года об установлении своего протектората над северной частью Новой Гвинеи и близлежащими островами, получившими в дальнейшем немецкое название «Архипелага Бисмарка».

История немецкого «завладения» Новой Гвинеей такова.

В августе 1884 года в Сидней прибыл имевший специальные полномочия канцлера Бисмарка немецкий агент доктор Финш (Finsch). Чтобы не вызвать подозрения англичан, вся операция

¹Зд. и далее архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). АВПРИ, ф. 155, л. 108.

²АВПРИ, д. 103. лл. 16–16 об.

³АВПРИ, д. 104. лл. 40 об. – 41.

проходила под флагом торговой миссии. На приобретенном судне Финш сначала посетил немецкую факторию на о. Миоко (около о. Новая Ирландия), а затем 29 сентября (11 октября) того же года высадился в заливе Астробабия на Новой Гвинее.

Пользуясь выведенными у ничего не подозревавшего Миклухо-Маклая сведениями о нравах жителей «Берега Маклая», Финш, выдав себя за его брата, приобрел там участок земли.

На этом основании, 5(17) октября 1884 года он поднял там флаг Германии. То же самое Финш проделал на близлежащих островах (Били-Били и Грагед). Через месяц северо-восточное побережье Новой Гвинеи и прилегающие острова обошел немецкий военный корабль, провозгласив установление там германского протектората [Миклухо-Маклай, 1997].

Еще через месяц, 5(17) декабря 1884 года правительство Германии распространило об этом официальное заявление (в дальнейшем новогвинейская колония получила название «Земля императора Вильгельма»; имя доктора Финша сохранилось до настоящего времени в названии порта «Финшхафен»).

Таким образом, вся операция была проведена за четыре месяца.

Так была создана новогвинейская колония Германии, которая в отличие от России не боялась «отдаленности территории» и увидела там «свои интересы».

Впрочем, это еще не означало окончательную для нас потерю Новой Гвинеи, поскольку Россия, как было показано, обладала несравненно большими правами на эти территории, и при соответствующей официальной поддержке мы вполне могли бы «отыграть» себе часть территории Берега Маклая.

Последняя попытка сохранить за Россией берег своего имени была предпринята Миклухо-Маклаем в 1886 году, когда он обратился к Александру III с просьбой разрешить ему основать в Порту Алексей (или на одном из незанятых другими государствами островов Тихого океана) русскую колонию, заселив ее добровольцами-переселенцами из России. Когда в июле 1886 года Миклуха писал обращение императору, у него уже было 320 заявок от желающих отправиться жить на Новую Гвинею. Количество заявок в дальнейшем возросло до 1200 [там же, с. 453].

Предложения ученого вновь не получили поддержки правительства и в декабре 1886 года Александр утвердил представленную МИД-ом докладную записку с отказом Миклухо-Маклаю по обоим пунктам (и по Новой Гвинее, и по тихоокеанским островам).

Так в третий раз, теперь уже окончательно, была похоронена идея создания русской колонии

в Океании, в результате чего Россия потеряла права на территорию Берега Маклая, приобретенные благодаря усилиям и деятельности русского ученого-исследователя и не стоившая русской казне практически ни копейки.

Остается по-прежнему неясным вопрос, почему в Петербурге в отличие от Берлина не увидели в Новой Гвинее «ни политического, ни экономического значения» и почему наша тихоокеанская колония не представляла бы «существенной пользы для государства» (напомним, к тому времени Россия и Аляска были проданы, и у России не оставалось ни одной базы на Тихом океане).

Что же касается немецкой колонии Финша, которая с конца 1880-х годов, подобно Русской Америке, управлялась специально созданной для этого «Новогвинейской компанией», то она, как и другие колонии Германии, просуществовала до Первой мировой войны, во время которой была оккупирована австралийскими войсками, а затем стала Австралийской подмандатной территорией.

Эпизод с «Берегом Маклая» завершил историю русской колониальной деятельности в Тихом Океане, память о которой сохраняется на пространствах «Великого Восточного моря» от Новой Гвинеи до Аляски.

В заключение рассмотрим историю «несостоявшейся» русской военно-морской базы на островах Цусима, около которых в 1905 году произошло трагическое для нас сражение русско-японской войны.

«ВОЕННАЯ СТАНЦИЯ» НА ЦУСИМЕ

Русская «Военная станция» (база) на Цусиме – если бы ей суждено было «состояться» – не относилась бы к разряду колоний, однако история попытки ее создания имеет непосредственное отношение к рассматриваемому нами вопросу (в частности, международной «практике» создания колоний) и, потому, заслуживает специального рассмотрения.

Кроме того, история «Военной станции» на Цусиме интересна тем, что хорошо показывает «кухню» принятия политических решений по вопросам заграничной «территориальной политики» России.

История «несостоявшегося» русской военно-морской базы на Цусиме относится к событиям середине XIX века, и приходится на первые годы после «открытия» Японии для внешнего мира в 1854–1855 годах.

В конце 1850-х годов в русское Морское министерство стала поступать информация о намерении Англии, пользуясь тогдашней слабостью Японии, установить контроль над Цусимскими островами.

Напомним, два разделенные узким проливом острова, составляющие Цусимский архипелаг – Камидзима (северный) и Симодзима (южный), расположенные в самом центре Корейского пролива, обеспечивают полный контроль за этой ключевой транспортной артерией, отделяющей Японию от Кореи и Японское море от моря Восточно-Китайского.

Первым на стратегическое значение для России Цусимских островов обратил внимание командир созданной в 1860 году (после присоединения к России Приморья) первой русской Тихоокеанской эскадры, капитан 1 ранга И. Ф. Лихачев (впоследствии известный мореплаватель, вице-адмирал).

В докладных записках на имя великого князя, генерал-адмирала Константина Николаевича и управляющего морским министерством адмирала Н. Краббе, он поставил вопрос о необходимости создания на островах русской «военно-морской станции», что обеспечило бы России незамерзающий порт на Тихом океане в стратегически важном районе, он «как часовой на страже стоит посреди не Корейского пролива» (имеется в виду, что Владивосток, основанный в бухте Золотой Рог только в 1860 году, в то время был небольшим и слабо оборудованным портом)¹.

Необходимость обеспечить свободный выход из портов Дальнего Востока в Тихий океан была дополнительно продиктована тем обстоятельством, что по Парижскому договору 1856 года России был фактически закрыт свободный выход наших военных судов в Атлантику через Черное море [Сборник договоров России, 1952].

Великий князь активно поддержал идею Лихачева, о которой было доложено Александру II, после чего в правительстве состоялось ее обсуждение. Поскольку позиции ведущих министерств не совпадали, было принято «нестандартное решение». Ввиду нежелания МИД-а взять на себя официальную «дипломатическую» реализацию проекта из-за опасения конфликта с Японией (формальным основанием был неурегулированный в то время до конца вопрос с Сахалином, которой до 1875 года, напомним, оставался в совместном владении России и Японии), его исполнение было возложено на военных (как это неоднократно практиковалось и ранее).

Лучше всего создавшаяся ситуация описана в письме великого князя Лихачеву от 26 июля 1860 года, которое в этой связи представляется нужным подробно процитировать (сохранен язык и стиль оригинала).

¹РГАВМФ, д. № 2385, лл. 2 об., 5 об.

«С этим вместе – писал Константин – ты получишь мое официальное отношение вследствие твоей записки о Тсу-Симе (генерал-адмирал хорошо знал Лихачева, который был назначен его адъютантом вскоре после Крымской войны. – А. П.); но, чтобы ты его вполне понял, мне необходимо написать тебе несколько объяснительных слов. Записку твою я читал Государю в присутствии Горчакова 22-го июля. Государь немедленно ее понял и понял всю действительную важность Тсу-Симы.

Горчаков тоже не мог не признать этой важности, но по **своей обыкновенной привычке побоялся** (выделено великим князем. – А. П.), чтоб из этого не вышло политического вопроса и, главное, чтобы нам из-за этого не перессориться с японцами. Он тотчас вспомнил о разнице положения, в которое себя поставили в Иедо (Эдо. – А. П.) Путятин и Муравьев: как с японцами мирно жил и ладил первый, и как с ними чуть-чуть не поссорился второй, поднявши вопрос об Анове (Аниве – залив на юге Сахалина. – А. П.). Потом он говорил, что решительно не знает, кому это дело поручить, а что поручить его Игнатьеву ему решительно не хочется. Кончил он тем, что просил меня его от этого дела освободить, и что *нельзя ли смотреть на него не как на дело дипломатическое, а как на вопрос чисто-морской* и потому поручить его тебе (выделено мной. – А. П.). Я, разумеется, был очень рад этому обороту и тотчас согласился: нам же лучше. Вот почему и написал я тебе, что дело это должно иметь характер морской сделки, а не дипломатического трактата.

Дело в том, чтобы мы могли основать на этом острове морскую станцию a la Villafranca (Виллафранко – «свободный порт». – А. П.). Для этого никакой дипломатии не нужно, и никто этого лучше тебя не сделает. Если можешь ты ограничиться местными сношениями с островными властями, или еще лучше без всяких соглашений, но только так, чтобы от японцев не было официального протеста, так, как американцы, например, поселились в Лу-Чу (Ликейские / Рюкю острова. – А. П.); это было бы всего лучше. На счет твоих будущих действий, ты сам лучший судья» [Житков, 1912, с. 26].

Таким образом, военным были «развязаны руки», но при этом им предстояло выполнить не только свою непосредственную миссию, но еще и работу нашего МИДа, который, при этом, оставался как бы «в стороне» (случай редкий в истории других стран, где МИД в подобных ситуациях, наоборот, всячески защищал и поддерживал действия своих военных).

Лихачев полностью оправдал ожидания Константина. В соответствии с полученными указаниями, 20 февраля 1861 года он направил на Цусиму из Хакодате корвет «Посадник» под командованием

капитан-лейтенанта (впоследствии контр-адмирала) Н. А. Бирилева, который в начале марта прибыл на южный остров архипелага – Симодзима.

Действуя максимально дипломатично, острожно и терпеливо, Бирилев смог без давления и угрозы силой (как действовали в то время англичане и американцы) завоевать расположение князя Цусимы и получить разрешение на обследование бухты Имосаки, куда он перешел на корабле 2 апреля 1861 года.

В бухте был поднят русский флаг, а затем началось строительство склада, ремонтных мастерских, лазарета, в постройке которых принимали участие местные жители. При отливе, была заложена «пристань в 20 футов (6 м. – А. П.) ширины». На скалистом островке при входе в гавань был поставлен наблюдательный пост. К середине мая устройство «военно-морской станции» было практически закончено, после чего приступили к ремонту «Посадника».

В дар местному князю была передана часть пушек с корвета, а также устроена школа для обучения мальчиков русскому языку. Создаваемую русскую базу дважды посетил И. Лихачев. Пребывание русских на Цусиме, несмотря на принятые Бирилевым меры предосторожности, не могло остаться незамеченным. В первую очередь, об этом стало известно местным властям – губернаторам Нагасаки и Хакодате, которые были официально оповещены о приходе русских цусимской администрации.

Следует напомнить, что центральное японское правительство в то время крайне настороженно относилось к контактам с иностранцами местной (региональной) власти, традиционно усматривая в этом угрозу сепаратизма, и всегда жестко контролировало ее поведение (с аналогичным отношением «центра» к властям Нагасаки столкнулся в 1805 году наш посол Н. П. Резанов).

Не стал исключением и цусимский князь. 2 июня 1861 года на остров прибыли уполномоченные центрального правительства из Эдо (Токио), которые провели с Бирилевым переговоры, однако остались вполне удовлетворены его объяснениями о причинах и намерениях русского пребывания на Цусиме.

В конце июня 1861 года состоялись переговоры Бирилева с советником князя и представителями местной администрации, результатом которых стал согласованный сторонами проект соглашения о создании «русской военной станции» (та самая «морская сделка» о которой писал Константин Николаевич). Цусимский князь готов был поддержать проект «русского водворения» при отсутствии возражения из столицы.

В проекте договора, в частности, указывалось, что: «Князь Тсусимский вполне желает принять

покровительство России во всех отношениях, во исполнении чего если Русское Правительство признает нужным держать здесь суда, то мы охотно согласны на это, и место от Хироуры до Имосаки включительно и по указанную черту отдать в распоряжение русских судов и под защиту их всю бухту Тата-мура. С другими нациями никакого дела иметь не будем.

Мы просим Русское Правительство снабдить нас, сколько будет можно, новейшим огнестрельным оружием, а также просим русских обучать наших молодых офицеров новейшему военному делу ... не нарушать наших древних обычаев и не стараться вкоренять их веру ... но все это мы можем выполнить только тогда, если не будет к тому препятствий со стороны нашего Правительства в Эдо»¹.

Всё развивалось успешно, но затем вмешались те, кто должен был вмешаться, и кого так опасался наш МИД и лично Горчаков – англичане. В мае они узнали о присутствии на Цусиме русского корабля и незамедлительно стали действовать. Сначала в Имосаки было направлено три английских корабля (интересно отметить, что местные власти отказали англичанам в предоставлении провизии и дров), а затем к работе активно «подключился» английский посланник в Японии Р. Олькок.

Вскоре губернатор Хакодате стал убеждать нашего консула в Хакодате И. А. Гошкевича в необходимости ухода с Цусимы, ссылаясь на то, что присутствие русских на островах «...возбуждает неудовольствие других держав, вследствие чего японское правительство боится быть вынужденным сделать и для них какие-либо соответствующие уступки» (что соответствовало действительности с силу заключенных Японией в 1850-х годов договоров с европейскими государствами и США) [Болгурцев, 1993, с. 78].

Одновременно командующий английской эскадрой адмирал Хоуп направил Лихачеву (к тому времени произведенному в контр-адмиралы) письма о необходимости свертывания русской станции на Цусиме. Не имея официальных указаний от нашего МИД-а, Гошкевич направил Лихачеву письмо с предписанием отозвать «Посадника». Седьмого сентября 1861 года Бирилев покинул Симодзиму (последняя команда русских ушла с острова 17 сентября).

При этом поверенные князя Цусимы (а позднее и губернатор Хакодате от лица правительства) подтвердили, что всё русское имущество будет сохранено в целостности впредь до его востребования. Вышесказанное означало, что японцы не считали вопрос закрытым и были готовы вернуться к его обсуждению.

¹РГАВМФ, д. № 2385, 108–109.

Лихачев по собственному настоянию был вызван в Петербург, где под председательством Александра II состоялось заседание Особого комитета для разбирательства «Цусимского эпизода».

Необходимость продолжить начатое на Цусиме – ввиду его очевидной важности для обеспечения безопасности нашего Дальнего Востока – отстаивали генерал-адмирал и Лихачев. Противником вновь выступал Горчаков, на этот раз опасавшийся войны с Англией (в качестве некоторого оправдания такого «пораженческого» поведения нашего знаменитого министра напомним, именно Горчаков в 1870 году разослал западным державам известный «Циркуляр», покончивший с наиболее позорными для России условиями Парижского договора 1856 года. С момента окончания Крымской войны в то время прошло только пять лет и «кошмар коалиции» был еще слишком памятен) [Сборник договоров России, 1952].

ВНОВЬ ОБРАТИМСЯ К ИСТОЧНИКАМ

«Завершение Цусимского эпизода происходило в Петербурге, куда был отозван и Лихачев: дело решалось в Особом комитете под председательством Государя; в этом заседании Горчаков говорил очень горячо против занятия Цусимы, а Великий Князь защищал уже сделанное; затем государь поставил вопрос, стоит ли воевать из-за Цусимы с Англией (мысль, которую настойчиво проводил МИД. – А. П.) – ответ был отрицательный, и дело с Цусимой было закончено» [Житков, 1912, с. 27].

По указанию правительства консул И. Гошкевич проинформировал власти Хакодате (аналогичная информация была направлена в январе 1862 года японскому правительству в Эдо), что военно-морская станция была создана на Цусиме без санкции русского правительства, которые удовлетворились ответом и не стали заявлять формального протеста (на что их подталкивали иностранные, в первую очередь английские,

дипломаты) против нарушения русско-японского договора о торговле и мореплавании от 7.08.1858, в соответствии с которым русским судам для посещения были открыты только пять японских портов (Хакодате, Нагасаки, Канагава, Хего и «один порт на западном побережье о. Хонсю»; кроме этого русским разрешалось по торговым делам посещать Эдо и Осаку. – А. П.).

Так завершился «Цусимский инцидент», единственным положительным результатом которого, по свидетельству Лихачева (он сам же и пострадал из-за него, будучи вынужденным – правда на короткий срок – «удалиться от дел»), стало то, что мы «не дали Англии захватить этот остров» [Болгурцев, 1993, с. 79; Коршунов, 2003, с. 166].

Очевидно также, что военная станция на Цусиме – если бы она «состоялась» – стала бы весомым дополнительным аргументом при решении в 1875 году вопроса о статусе Сахалина – причем в нашу, а не в японскую пользу.

Впрочем, история, как известно, не знает солагательного склонения.

О неудавшейся попытке создания военно-морской базы на Цусиме, вошедшей в историю как «Цусимский инцидент» (наверняка названный так в российском МИДе из-за «опасения с кем-то поссориться») и о, без преувеличения, «стратегической ошибке князя Горчакова», вновь вспомнили во время русско-японской войны, когда в мае 1904 года в Корейском проливе в ходе двухдневного боя была разгромлена Вторая русская тихоокеанская эскадра вице-адмирала З. Рожественского, пытавшаяся прорваться во Владивосток.

Как писал в этой связи в 1912 году авторитетный журнал «Морской сборник», «о Цусиме вспомнили уже перед войной 1904–1905 годы, но момент, конечно, был упущен: бой 14 мая 1905 года у Цусимы подтвердил нам на деле достаточно ясно верность мыслей как Лихачева, так и Велико-го Князя» [Житков, 1912, с. 27].

Жаль только, что такое прозрение зачастую приходит к нам слишком поздно, когда изменить что-либо уже нельзя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тихменев П. С. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действия ее до настоящего времени. Ч. 1. СПб., 1861.
2. Головин П. К. Обзор русских колоний в северной Америке // Морской сборник. 1862. Т. 57. № 1. С. 3–127.
3. The Encyclopedia Americana. Vol. 13, 1973.
4. Миклухо-Маклай Н. Н. Собрание сочинений: в 6 т. / Ин-т этнографии АН. М.: Наука, 1997. Т. 5.
5. Броунли Я. Международное право. Кн. 1. М.: Прогресс, 1997.
6. Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917) / сост. И. В. Козьменко. М.: Госполитиздат, 1952.

7. Житков К. Г. Светлой памяти Великого Князя Константина Николаевича // Морской сборник. 1912. № 3, неофициальный отдел.
8. Болгурцев Б. Н. Стратегическая ошибка князя Горчакова // Гангут. 1993. № 5. С. 76–79.
9. Коршунов Ю. Л. Генерал-адмиралы Российского императорского флота. СПб.: Издат. дом «Нева», 2003.

REFERENCIES

1. Tikhmenev, P. S. (1861). Istoricheskoe obozrenie obrazovaniya Rossiisko-amerikanskoi kompanii i deistviya ee do nastoyashchego vremeni = Historical review of the formation of the Russian-American Company and its actions to date. Part 1. Saint Petersburg. (In Russ.)
2. Golovin, P. K. (1862). Overview of Russian colonies in North America. Morskoi sbornik, 57(1), 3–127. (In Russ.)
3. The Encyclopedia Americana, Vol. 13, 1973.
4. Miklukho-Maklai, N. N. (1997). Sobranie sochinenii = Collected works: in 6 vols. Ethnography institute of Academy of Science. Moscow: Nauka, 1997. Vol. 5. (In Russ.)
5. Brounli, Ya (1997). Mezhdunarodnoe pravo. Kn. 1 = International Law. Book 1. Moscow: Progress. (In Russ.)
6. Kozmenko, I. V. (Comp.). (1952). Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 = Collection of treaties between Russia and other states. 1856–1917. Moscow: Gospolizdat. (In Russ.)
7. Zhitkov, K. G. (1912). To the bright memory of Grand Duke Konstantin Nikolaevich. Morskoi sbornik, 3, unofficial department. (In Russ.)
8. Bolgurtsev, B. N. (1993). Prince Gorchakov's strategic mistake. Gangut, 5, 76–79. (In Russ.)
9. Korshunov, Yu. L. (2003). General-admiraly Rossiiskogo imperatorskogo flota = Admirals-General of the Russian Imperial Navy. St.Petersburg: Neva. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Плотников Алексей Юрьевич

доктор исторических наук
профессор кафедры английского языка
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
член Научного совета Российского военно-исторического общества (РВИО)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Plotnikov Alexey Yurjevich

Doctor of History (Dr. Habil)
Professor of the Department of English Language
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University
Member of the Scientific Council, Russian Military Historical Society

Статья поступила в редакцию	12.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.08.2024	
принята к публикации	18.11.2024	

Циркуляция маргинализационных процессов в науке и высшем образовании информационного социума

М. В. Аверина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
m-averina@list.ru

Аннотация. В статье с опорой на концепцию маргинальности исследуется действие маргинализационных процессов в науке информационного социума, порождаемых конвергенцией науки и производства в целях создания инновационного технологического продукта. Появляется необходимость внедрения конвергентного образования для подготовки транспрофессионалов, способных обеспечить переход на более высокую ступень развития социума, что также запускает серьезные маргинализационные процессы, содержание которых подвергается анализу.

Ключевые слова: концепт границы, конвергентная наука, маргинализационные процессы, трансдисциплинарность, научные гибриды, экспертность знания, транспрофессионализм, высшее образование

Для цитирования: Аверина М. В. Циркуляция маргинализационных процессов в науке и высшем образовании информационного социума // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 107–114.

Original article

Circulation of Marginalizing Processes in the Science and Higher Education of the Information Society

Marina V. Averina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
m-averina@list.ru

Abstract. Based on the concept of marginality, this article outlines the directions of marginalization processes in the science of information society generated by the convergence of science and industrial production in order to create an innovative technological product. There is a need to introduce convergent education to train transprofessionals who are able to ensure the transition to a higher rate of societal development that also triggers serious marginalization processes, the content of which is being analyzed

Keywords: the concept of the border, convergent science, marginalization processes, transdisciplinarity, scientific hybrids, expertise of knowledge, transprofessionalism, higher education

For citation: Averina, M. V. (2024). Circulation of marginalizing processes in the science and higher education of the information society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 107–114. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Обращаясь к анализу динамики функционирования современной науки можно констатировать, что однозначно наблюдается ее ускорение и усложнение, обусловленное увеличением количества продуцируемых инноваций, совершенствованием технической инфраструктуры для исследований, расширением возможностей анализа данных с помощью алгоритма искусственного интеллекта и нейросетей.

Использование высоких технологий в научных исследованиях отличают науку информационного социума от предыдущих этапов ее развития, демонстрируют значимость научных разработок в становлении цифровой экономики, решении глобальных проблем человечества, однако обозначают и двойственность последствий, влекущих не только прорывы и достижения, но и серьезные риски как в создании конечных продуктов (клонирование, вживление чипов и др.), так и в функционировании самой науки.

СУЩНОСТЬ МАРГИНАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ, ЦИРКУЛИРУЮЩИХ В НАУКЕ ИНФОРМАЦИОННОГО СОЦИУМА

Большинство исследователей сходятся во мнении о наличии трудностей, влияющих на развитие науки информационного социума как феномена познания, как социального института, как особой сферы жизнедеятельности общества, и способствующих маргинализации научной сферы.

Содержание трудностей можно условно поместить в рамки бинарных оппозиций: фундаментальные науки – прикладные науки, специализированные научные отрасли – меж- и трансдисциплинарные области исследований, экспертное знание – профанное знание и т. п., в проблемных полях которых формируются «щели-просветы между льдинами структур» (G. Deleuze, F. Guattari), продуцирующие многочисленные маргинализационные процессы, обусловленные взаимодействием, «реверсивным» движением, сращиванием, пересечением границ (что можно обозначить термином – циркуляция) научных отраслей, методологий, экспертного знания.

Для анализа сущности маргинализационных процессов, проявляющихся в науке информационного социума, логично задействовать методологию одноименной концепции с акцентированием внимания на концепте границы в качестве системообразующего признака как комплекса смыслов: граница как статическая структура, граница как динамический процесс перехода, граница как

конкретное место разворачивания события (С. П. Гурин, 2003), с учетом дополнения спектра смыслов, порождаемых социокультурной динамикой, например: граница как участок реверсивного движения и т. п. [Аверина, 2023].

Появление понятий «междисциплинарность», «полидисциплинарность», «трансдисциплинарность», их активное использование и анализ обозначаемых ими явлений (Е. Н. Князева, 2004; А. М. Орехов, 2018; И. В. Черникова, 2015), демонстрирует сохраняющуюся значимость границы как формы, мерила, критерия, руководствуясь наличием (реальным, виртуальным, предполагаемым) которого выстраивается определение, содержание, функции, назначение научных сфер, и одновременно вынужденно фиксирует нарушения этих границ, порождающих процессы маргинализации.

Префиксы *меж-*, *поли-*, *транс-* опредмечивают эти процессы, что сущностно выражается либо в сближении границ научных областей через использование общих понятий (*меж-*), либо в неизменности границ ряда научных дисциплин, но исследовании ими одного и того же объекта (*поли-*), либо в выходе за границы научного знания и пересечении с практикой, соединяющей промышленное производство и конвергентные технологии, которые сами по себе представляют симбиоз пограничных сфер, продуцирующий множественное зачастую реверсивное движение знания поверх границ дисциплин (*транс-*). Рассмотрим поподробнее содержательное выражение маргинализационных процессов.

ПРОБЛЕМНЫЕ ПОЛЯ ЦИРКУЛЯЦИИ МАРГИНАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

В проблемном поле фундаментальные – прикладные науки маргинализация фундаментальных исследований происходит по нескольким векторам. В качестве одного из них можно выделить интеграцию науки и материального производства (взаимодействие разных сфер социума, имеющих свои границы функционирования), что влечет изменение целей разработки фундаментального знания – не открытие принципов и механизмов управления природными явлениями, формулирование теоретических моделей, а создание технологического продукта для решения конкретных задач и удовлетворения потребностей социума. В качестве другого вектора маргинализации, связанного с предыдущим, выступает коммерциализация научного знания, подразумевающая отбор исследовательских программ представителями бизнеса, а не научной элитой [Жукова, 2007], распространение

межстранового технологического трансфера, рискованного (венчурного) бизнеса в области инновационных технологий и т.п. Данные процессы порождают обесценивание роли академического научного сообщества, распространение профанных экспертов, не имеющих узкой профессиональной специализации, но берущих на себя ответственность выступать в роли источника экспертного знания. Еще одним вектором маргинализации обсуждаемого проблемного поля является развитие научных гибридов – *техно-, non- науки, Data Science*, претендующих на изменение принципов научных исследований. Все три гибрида сформировались на границах ряда научных дисциплин: технонаука – результат сращивания и пересечения границ фундаментальной исследовательской деятельности с практикой использования современных инновационных технологий для бизнес-структур, приведшей к появлению конгломерата «наука – технология – бизнес»; попнаука (научпоп) – результат сращивания академического научного знания и развлекательного продукта в формате ток-шоу, реалити-шоу (*англ. entertainment – забава*), не требующего интеллектуальных усилий для восприятия; *Data Science* – гибридная научная практика о методах анализа больших данных с целью построения сложных аналитических моделей, сформировавшаяся на стыке математики, компьютерных наук и бизнеса.

Все обозначенные научные практики значительно отклоняются от принятых принципов строгости, корректности, аргументированности научно-исследования.

Следующее проблемное поле, в котором не менее активно циркулируют маргинализационные процессы, образуют специализированные научные отрасли – меж- и трансдисциплинарные области исследований. Современная наука включает более 15 тыс. исследовательских направлений, десятки тысяч теорий, что отражает значимость развития узкодисциплинарного и узкопарадигмального знания. Однако одновременно наблюдается процесс пересечения, взаимопроникновения границ естественно-научного и гуманитарного знания, приведший к внедрению в научное мировоззрение идей коэволюции, принципов синхронности, антропности, т.е. к изменению методов познания и принятию эволюционно-синергетической парадигмы как продукта влияния маргинализационных процессов.

Сложные в какой-то мере экспоненциальные пересечения границ, формирующие стойкие маргинализационные тенденции, помимо значимых прорывных достижений, порождают проблемы этического, экспертного характера и достоверности научного результата. Серьезные дискуссии вызывают NBIC-технологии (M. Roco, W. Bainbridge),

основанные на конвергентном развитии нано-, био-, инфо- и когнитивных наук. Например, возможности самосборки молекулярных наносистем с заданными свойствами, их саморегуляция, решение проблем эмбрио- и морфогенеза [Ворфоломев и др., 2017] открывают широкие перспективы для лечения и профилактики многих заболеваний. Однако генетики признают наличие полигенности этих заболеваний, отсутствие их фенотипических проявлений, что обуславливает несовершенство современных методов диагностики.

Применение NBIC-технологий для «улучшения» умственных и физических характеристик человека добавляет морально-этические проблемы превращения его в зависимый объект научных манипуляций на уровне конкретной личности и усиления дискриминации или социального разделения на уровне общества.

Сама форма научного знания, по мнению Б. Латура, модифицировалась в исследование, которое неопределенно, запутанно, рискованно, зависит от аффектов, настроений и идеологии [Latour, 1998]. На наш взгляд, маргинализация научных изысканий проявляется еще и в тиражировании статей, не имеющих научной ценности, поскольку их содержание представляет собой парафраз материалов других авторов без собственного исследовательского вклада.

Конкретные отрасли научного знания, возникшие в силу пограничного взаимодействия, сталкиваются с трудностями определения достоверности научного результата, что включает процесс маргинализации как в формулировании теоретических положений, так и в получении результатов научных исследований. Беря в качестве примера анализа биоинформатику как междисциплинарную область, сформированную на стыке генетики, биохимии, молекулярной биологии, медицины, информационной инженерии, математики и статистики для анализа и интерпретации биологических данных, тают сомнения в причинах формирования мнения Б. Латура о процессах трансформации науки в исследование – слишком много научных специализаций пытаются найти и не находят точек соприкосновения в поиске общих оснований для проведения репрезентативного совместного исследования и в дальнейшем формулирования верифицируемых результатов.

По мнению ряда специалистов¹, для этого необходимо задуматься и над разработкой интердисциплинарного языка для понимания учеными разных специальностей друг друга, и необходимости

¹Бычкова О. Какие тренды будут определять будущее науки, 2023. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/futurology/64eddae09a794749046742e8?from=infinityscroll> (дата обращения 12.05.2024)

кластеризации экспертов в целях критериального отделения экспертного ядра от так называемых профанных экспертов, которые могут быть специалистами в других областях, но не обладающих полнотой знаний в искомой.

Уровень экспертности знания составляет еще одну бинарную оппозицию, генерирующую маргинализационные процессы. Распространенная в современной науке форма междисциплинарного проекта подвергается маргинализации из-за размывания границ достоверности формулируемых гипотез на стыке дисциплин и появления большого количества второстепенных гипотез из-за необходимости согласований с каждой пограничной дисциплиной (В. Г. Буданов, 2014). Собственно, трудности коллективной экспертизы представителей каждого научного направления, обусловленного их узкой специализацией, порождают определенную профанность экспертного результата.

КОНВЕРГЕНТНАЯ НАУКА КАК ПРОДУКТ МАРГИНАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ЦИФРОВОМ СОЦИУМЕ

Популярность междисциплинарных проектов обусловлена развитием конвергентных процессов и формированием конвергентной науки, сущность которой заложена в синергетическом объединении естественных и гуманитарных наук, нано- и информационно-коммуникативных технологий для продуцирования технологических инноваций, направленных на глобальную трансформацию механизма развития всей человеческой цивилизации.

Если от NBIC-конвергенции при всех ее рисках наблюдается определенная практическая отдача в генной инженерии, биомедицине, синтетической биологии, нанофотонике, робототехнике, космической программе, то появление CKTS-конвергенции (Convergence of knowledge and technology for the benefit of society или NBIC2), повлекшей развитие цифровой философии, цифровой истории, цифровых социальных исследований, приводит к множественной маргинализации, выражающейся в трансформации критериев научности (объективности знания) в сторону их размывания и обесценивания, утрате дисциплинарных границ, провоцирующих достаточно выраженную профанизацию из-за сложности согласования многих параметров: единого понимания оперируемой терминологии, критериев достижения исследовательских целей, оценки эффективности результатов.

Несомненно, что появление цифровой гуманитаристики обусловлено необходимостью разработки терминологии, адекватно обозначающей

формирование цифрового типа человеческого бытия. Однако анализ, к примеру, термина «цифровая философия» уже демонстрирует отсутствие демаркации в различении физико-космологического и социально-антропологического подходов.

Классическая цифровая философия как выражение западноевропейской мысли направлена на осмысление мышления как акта вычисления, а мыслительных действий как процессов обработки и преобразования информации (Е. Fredkin, 2003). Тогда как в СМИ и социальных сетях популяризируется философская публицистика в стилистике научно-популярных работ, посвященная описанию сложных изменений, происходящих с человеком и обществом под влиянием цифровых технологий и Интернета, что скорее соответствует термину «философия цифровизации» [Савушкина, 2023]. Неопределенность границ в использовании социально-философской терминологии запускает процессы маргинализации как в отношении самого термина «цифровой» в качестве предмета философской рефлексии, так и в понимании модусов цифрового существования человека.

Потребность в появлении цифровой социологии, концепция которой была предложена Дж. Винном (2009), хотя и претерпела естественные изменения в силу теоретических и методологических инноваций, однако была обусловлена не просто общей необходимостью адаптации применения цифровых технологий для изучения поведения человека и функционирования общества, но и логической конкретизацией исследований в ряде направлений: формировании социальных структур и социальных отношений с помощью цифровых технологий; влиянии социальной среды на развитие и применение цифровых технологий (Orton-Johnson and Prior, 2013; Lupton, 2015; Fussey and Roth, 2020); осуществлении взаимосвязи цифровых технологий, общества и производства знаний (Marres, 2017); использовании цифровой социологии в качестве инструмента исследования и платформы для взаимодействия с общественностью (Lupton, 2015).

Распространенность социального взаимодействия в онлайн-пространстве повлекло разработку новых методов исследования, таких как цифровая этнография (Murthy, 2008), где цифровые технологии (благодаря которым возможна организация наблюдения в сетевом пространстве за объектами исследования и проведения с ними интервью) рассматриваются как часть живого мира (Pink, 2016).

Вместе с безусловно значимым появлением и модифицированных методов исследования и новых отраслей знания дают о себе знать процессы маргинализации, обусловленные разными

стратегиями пограничного взаимодействия сфер научного знания. Некорректное этическое и нормативное использование *Big Data*, когда их «вырывают из контекста», ведут к утере их ценности и смысла (Lazer et al. 2020). Аналогичная ситуация складывается и в исследованиях в рамках цифровой этнографии, где требуется разработка новых академических норм для сбора данных и обмена ими, чтобы найти баланс защиты частной жизни респондентов и повышения прозрачности данных (Мерфи и др., 2021).

КОНВЕРГЕНТНОСТЬ И ТРАНСПРОФЕССИОНАЛИЗМ КАК МАРГИНАЛИЗИРУЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Распространение NBIC- и CKTS-конвергенции как основных стратегий дальнейшего развития современного социума закономерно требует организации подготовки соответствующих специалистов, владеющих обозначенными знаниями и умениями для преобразования окружающей действительности. Высшее образование, в большей степени, ориентировано на выполнение ожиданий заказчиков образовательных услуг (государства, бизнеса, общества, родителей) и должно реализовывать возникшие запросы, что отражает не только мировые тенденции, но и российские реалии.

Разработка концепции конвергентного образования как раз и началась в связи с актуальными процессами цифровой трансформации в современном обществе и потребностями реального сектора экономики в интеллектуальных профессиях. Однако при определении сущности концепции у специалистов ожидаемо возникли разногласия в силу существования разных уровней организации образовательного процесса: теоретико-методологического, научно-методического, педагогико-технологического, имеющих свои спецификационные границы. Разные авторы, выстраивая свое видение содержания обозначенной концепции, сосредоточивают внимание на разных аспектах возможной конвергенции.

DeSimone J., Galitski T., Gentile J. в качестве ключевой стратегии для решения сложных задач поиска инновационных решений в профессиональных сферах обозначают необходимость конвергенции естественнонаучных дисциплин с математическими, вычислительными, инженерными и социальными отраслями знания. Однако практическая реализация данной стратегии высшими учебными заведениями затруднена в связи с отсутствием методических руководств по

созданию программ конвергентного образования для подготовки специалистов, повышении квалификации преподавателей, разработки единых механизмов поддержки исследований в области конвергенции образования [Convergence: Facilitating Transdisciplinary Integration of Life Sciences, Physical Sciences, Engineering, and Beyond, 2014].

V. J. Dzau, C. A. Balatbat, понимая под конвергенцией процесс интеграции знаний, технологий и практик из разных областей деятельности для выработки инновационных подходов с целью решения научных и социальных проблем, делают акцент на важности создания структур в университетах и академических центрах, уполномоченных работать над объединением знаний из многих дисциплин и обеспечением конвергенции научной и образовательной деятельности [Dzau, Balatbat, 2018].

I. Halloun предложено рассматривать процесс конвергенции в образовании как интеграцию традиционно различных дисциплин с реализацией принципа междисциплинарности, подразумевая объединение комплексов образовательных ресурсов разных дисциплин и методов обучения и принципа трансдисциплинарности, используя для обучения единое образовательное пространство с комплексами образовательных ресурсов дисциплин разных предметных областей, что нацелено на подготовку специалистов в этих предметных областях для достижения инновационных целей [Halloun, 2020].

Исследований, посвященных разработке сущности конвергентного подхода к образованию, в российском научном поле значительно меньше и наблюдается ориентация на мнение зарубежных коллег, но с акцентом на собственное видение (М. В. Деев, А. Г. Финогеев, А. А. Грушевский, 2022), что выразилось в понимании необходимости формирования междисциплинарной образовательной среды, нивелирующей границы наук и их различие по объекту, предмету и исследовательским методам с целью формирования единой системы знаний и умений при подготовке специалиста, умеющего выходить за привычные рамки и предлагать инновационные решения.

Размывание границ предметных областей академических дисциплин, преподаваемых в рамках российского высшего образования и транслирование общесистемного знания, с одной стороны, обучает видеть и анализировать любой предмет исследования в совокупности его естественных взаимодействий в реальной среде, однако собственная практика преподавания показывает, что у студентов наблюдается путаница в дифференциации понятий, понимании специфики исследовательского поля, употреблении методов исследования в разных

предметных областях, что запускает маргинализацию, выражающуюся в некорректном применении критериев анализа, оценки, использовании терминологии. Фиксируется процесс профанизации в понимании сущности аналитико-синтетических, индуктивных, дедуктивных и экспериментальных методов исследования и их использовании, включении часто некорректной выборки *Big Data* (например, данных соцсетей, блогов и СМИ) при написании бакалаврских и магистерских работ. Данный маргинализационный процесс запускается отчасти привлечением практиков для преподавания специализированных курсов, в рамках которых осуществляется знакомство и приобретение умений студентами по применению информационных технологий как инструментального средства для решения задач гуманитарных и естественных наук, однако без соответствующего теоретико-методологического обрамления. Привлечение практиков в образовательный процесс в высшей школе естественен в силу экспоненциального роста обновлений в сфере высоких технологий и их внедрения в производственную сферу, что требует ускоренной адаптации программ высшего образования в подготовке специалистов к реальным требованиям российского рынка труда. Но отсутствие владения в полной мере методологией конкретной науки (по сравнению с профессиональными философами, социологами, историками и т. п.) при преподавании конвергентных дисциплин по использованию ИТ-инструментария для исследовательских целей в гуманитарных и естественных науках формирует у студентов профанность применения этого инструментария.

Тем не менее рынок труда информационного социума требует подготовки к новым конвергентным профессиям (дизайнер голосовых интерфейсов, компьютерный лингвист, биоинформатик, цифровой маркетолог, VR-архитектор, консультант по робоэтике, разработчик киберпротезов и имплантатов и др.), происходит изменение требований со стороны работодателей к молодым специалистам. Наблюдается общая тенденция возрастания спроса на специалистов, готовых к постоянному профессиональному обновлению в течение жизни, получению новых профессиональных знаний и умений – транспрофессионалов. Под транспрофессионализмом понимается выход за рамки одной специализации и приобретение конвергентных профессиональных компетенций, свойственных смежным и даже разным специальностям [Зеер, 2018].

Соответственно, система российского высшего образования пытается реагировать на изменяющиеся требования, предлагая дипломы двух специализаций в контексте *Digital Humanities*,

привлекая практиков для преподавания конвергентных дисциплин. Однако подобные предложения запускают озвученные маргинализационные процессы. Маргинализации добавляют довольно сильно выраженное отставание российской системы образования от требований современной эпохи в связи с низким уровнем финансирования со стороны государства, падение престижа профессии преподавателя высшей школы, формальная система повышения квалификации преподавателей. Быстрое обновление технологий и профессий на рынке труда студентам затрудняет четкое понимание жизненных ориентиров, выстраивание профессиональных стратегий, и ведет после окончания вуза к миграциям из одной профессии в другую не с целью профессионального самопроектирования, а стихийно, вынужденно в силу утраты понимания ценности одних видов профессиональной деятельности и некоторой неготовности освоения других, что приводит к позиции лишь выживания на рынке труда (О. С. Иванченко, 2020). Таким образом, транспрофессионализм сам по себе довольно маргинальное явление в силу своего надграницного статуса с размыванием понимания содержания необходимых профессиональных компетенций для соответствия нескольким смежным или разным специальностям. К тому же в условиях стихийности, вынужденности профессиональной миграции возможен запуск процесса депрофессионализации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обозначенные проблемные поля в функционировании современной науки являются источником продуцирования маргинализационных процессов, порождаемых пересечением, столкновением, взаимовлиянием предметных областей различных научных дисциплин, отраслей, исследовательских направлений, что оказывает значительное воздействие на дальнейшее развитие науки. В качестве методологического основания для изучения подобных процессов нами выбран концептуальный аппарат теории маргинальности в ее философской трактовке.

С философских позиций феномен маргинальности воспринимается как изначально нейтральная движущая сила, которая при определенных условиях может принимать свои конструктивные или деструктивные значения. Развитие меж- и трансдисциплинарности в современной науке создало условия одновременного проявления и конструктивной и деструктивной составляющих действия феномена маргинальности. Распространение

трансдисциплинарности в научной сфере, обусловленное конвергенцией науки и производства для создания технологического продукта при решении конкретных задач и удовлетворении потребностей социума, в качестве цепной реакции логично привело к необходимости появления конвергентного образования с целью формирования транспрофессионалов

для перехода на более высокую степень развития социума. Однако реализация конвергентного образования и подготовка транспрофессионалов также запускает довольно серьезные маргинализационные процессы, опять-таки демонстрирующие проявление как конструктивной, так и деструктивной составляющих действия феномена маргинальности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверина М. В. Эвристические возможности концепции маргинальности в объяснении современных глобальных процессов // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 107–113.
2. Жукова Е. А. Hi-Tech: динамика взаимодействий науки, общества и технологий: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Томск, 2007.
3. Ворфоломеев С. А. [и др.] Этические принципы геномики / С. А. Ворфоломеев, В. Д. Юпатов, Л. К. Ялиева, Э. Р. Фахрутдинова // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2017. Т. 6. С. 957–959.
4. Latour B. From the world of science to that of research? // Science magazine. 1998. Vol. 280. № 5361. С. 208–209.
5. Савушкина М. А. «Цифровая философия»: проблема использования термина в социально-философских исследованиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 59–63.
6. Convergence: Facilitating Transdisciplinary Integration of Life Sciences, Physical Sciences, Engineering, and Beyond / DeSimone J. (ed). 2014. Washington, DC: The National Academies Press.
7. Dzau V. J., Balatbat C. A. Reimagining population health as convergence science // Lancet. 2018. Vol. 392. P. 367–368.
8. Halloun I. Model-based convergence in science education in the framework of Systemic Cognition and Education. 2020.
9. Зеер Э. Ф. Методология развития транспрофессионализма субъектов социэкономических профессий // Образовательные технологии. 2018. № 3. С. 46–59.

REFERENCES

1. Averina, M. V. (2013). The Concept of Marginality as an Explanatory Model of the Socio-Cultural Trend. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 107–113. (In Russ.)
2. Zhukova, E. A. (2007) Hi-Tech: dinamika vzaimodejstvij nauki, obshhestva i texnologij. = Hi-Tech: dynamics of interactions between science, society and technology: abstract of PhD Thesis. Tomsk. (In Russ.)
3. Vorfolomeev, S. A. et al. (2017). Ethical principles of genomics. S. A. Vorfolomeev, V. D. Yupatov, L. K. Yaljeva, E. R. Faxrutdinova. Bulletin of medical Internet conferences, 6, 957–959. (In Russ.)
4. Latour, B. (1998) From the world of science to that of research? Science magazine, 280(5361), 208–209.
5. Savushkina, M. A. (2023). “Digital philosophy”: the issue of using the term in socio-philosophical research. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 4(474), 59–63. (In Russ.)
6. DeSimone, J. (Ed). (2014). Convergence: Facilitating Transdisciplinary Integration of Life Sciences, Physical Sciences, Engineering, and Beyond. Washington, DC: The National Academies Press.
7. Dzau, V. J., Balatbat C. A. (2018). Reimagining population health as convergence science. Lancet, 392, 367–368.
8. Halloun, I. (2020). Model-based convergence in science education in the framework of Systemic Cognition and Education.
9. Zeer, E. F. (2018). Methodology of transprofessionalism development of subjects of socioeconomic professions. Educational technologies, 3, 46–59. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверина Марина Владимировна

доктор культурологии, доцент

профессор кафедры коммуникационных технологий

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averina Marina Vladimirovna

Doctor of Cultural Anthropology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor of the Department of Communication Technologies
Institute of International Relations and Social and Political Sciences
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	14.10.2024	
принята к публикации	18.11.2024	

Особенности восприятия дополнительного образования и профессиональной карьеры «молодыми взрослыми»

М. О. Бессонова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
margobes@mail.ru

Аннотация. Относится ли молодежь старше 18 лет к взрослому населению? Формально – да, но, согласно теоретическим концепциям, строгие возрастные границы не всегда соответствуют статусу «взрослого». На основе вторичного анализа данных исследовательских компаний ВЦИОМ, НАФИ и др. выявлены и обоснованы установки двух групп молодых людей (18–24 лет, 25–35 лет) по отношению к полученному и дальнейшему образованию и собственным карьерным и профессиональным перспективам, как к одним из наиболее важных институтов на данном жизненном этапе. В результате, несмотря на принадлежность к одной социальной категории, возрастные группы молодежи по-разному воспринимают высшее образование, необходимость прохождения дополнительного обучения, последующее трудоустройство, а также имеют разные ценности.

Ключевые слова: молодежь, непрерывное образование, дополнительное образование, образовательные и профессиональные траектории

Для цитирования: Бессонова М. О. Особенности восприятия дополнительного образования и профессиональной карьеры «молодыми взрослыми» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4(857). С. 115–124.

Original article

Features of the Perception of Further Education and Professional Career by “Young Adults”

Margarita O. Bessonova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
margobes@mail.ru

Abstract. Do young people over the age of 18 belong to the adult population? Formally – yes, but according to theoretical concepts, strict age limits do not always correspond to the status of an “adult”. Based on a secondary analysis of data from research companies VCIOM, NAFL, etc. the attitudes of two groups of young people (18–24 years old, 25–35 years old) towards the received and further education and their own career and professional prospects as one of the most important institutions at this stage of life are identified and justified. As a result, despite belonging to the same social category, the age groups of young people perceive higher education, the need for additional training, subsequent employment in different ways, and also share different values in general.

Keywords: youth, lifelong education, further education, educational and professional trajectories

For citation: Bessonova, M. O. (2024). Features of the perception of further education and professional career by “young adults”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 4(857), 115–124. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Важным элементом непрерывного образования является обучение взрослых. Принято считать, что взрослый учащийся – это «сформировавшийся человек, имеющий жизненный опыт и устойчивую мотивацию к учебе. Для него учеба – это достижение результата» [Ключарев, 2019, с. 168]. Однако возникает вопрос: в каком возрасте человек может считаться взрослым?

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, достижение подростком 18-летнего возраста является подтверждением его совершеннолетия и фактом становления взрослым¹. Однако некоторые молодые люди в этом возрасте еще не имеют ясного представления о своем будущем и личных предпочтениях. К пониманию концепта «взрослости» существуют различные подходы.

Например, американский психолог Дж. Арнетт для обозначения возрастного континуума между подростком (*adolescence*) и молодым человеком (*young adulthood*) ввел *становящейся взрослости* (*emerging adulthood*) [Arnett, 2000, с. 469]. Выделение данной группы в возрасте 18–25 лет ученый объясняет кардинальными изменениями в образе жизни молодого поколения, которые начали происходить еще в прошлом столетии. Наиболее важными критериями для определения «степени взросления» индивида Дж. Арнетт называет *возраст бракосочетания и рождения первого ребенка*. На основе статистических данных он утверждает, что период «становящейся взрослости» характеризуется независимостью от социальных ролей, навязываемых в том числе новым приобретенным статусом (*муж/жена, родитель*) [Arnett, 2000, с. 469].

Возрастную группу старше 25 лет автор определяет как *молодые взрослые* (*young adulthood*), ее основное отличие он связывает с приобретением профессиональных или личных статусов, влекущих за собой ответственность перед другими людьми. Тем не менее указанные возрастные границы представляются нам достаточно гибкими, так как они в определенной степени субъективны и зависят от особенностей личности каждого индивида. Особенностью данного возрастного периода является наличие больших возможностей для поиска и развития собственной идентичности, что делает данную социально-демографическую группу одной из наиболее перспективных для дальнейшего анализа.

Подобные тенденции можно наблюдать и в современном российском обществе. Так, по данным

выборочного наблюдения Росстата, произошли изменения возраста вступления в брак: если в 2000–2004 годах женщины выходили замуж в среднем в 21 год, то в 2022 году – в 25 лет, сместился брачный возраст и у мужчин: с 25 до 28 лет. Соответственно, схожая тенденция наблюдается и при анализе репродуктивных планов населения, так возраст рождения первого ребенка сместился на 5 лет (с 21,8 до 26,8 лет)².

Исследователями в течение последних десятилетий фиксируется тенденция *позднего взросления*, проявляющаяся в том, что молодежь не способна полностью брать на себя серьезные обязанности, что находит проявление в ряде признаков, схожих с концепцией *становящейся взрослости*. В частности, более поздний возраст переезда от родителей и начала самостоятельной жизни [Долгова, Митрофанова, 2015], низкий показатель рождаемости у младших возрастных групп и, соответственно, более высокий у старших [Семья и дети в России, 2021]. *Становящаяся взрослость* проявляется в том, что молодые люди, с одной стороны, не считают себя подростками, жизнь которых достаточно предсказуема, с другой – не признают себя полностью самостоятельными личностями, готовыми брать ответственность как за себя, так и за других (близких) людей [Mikhaylova, Sivak, 2023].

В связи с этим возрастная молодежная группа была законодательно расширена с 30 до 35 лет, что позволило большему количеству граждан получить государственную поддержку³. Принятие данного решения было обусловлено стремлением российской политики соответствовать общемировым трендам *омоложения* возрастных групп⁴.

Для более ясного понимания особенностей молодежи как социальной группы, занимающей промежуточное положение между детством и взрослой жизнью, можно обратить внимание и на другие теоретические подходы. Например, Э. Эриксон не выделял конкретно *становящуюся взрослость*, тем не менее рассматривал понятие *продолжительный подростковый возраст* (*prolonged adolescence*) [Erikson, 1968, с. 156]. Особенность данного периода заключается в том, что индивид имеет возможность

²Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения 2022 // Федеральная служба государственной статистики. 2022. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/index.html (дата обращения: 29.07.2024).

³Закреплен новый возраст молодежи // Государственная Дума Федерального собрания РФ. 2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/50394/> (дата обращения: 29.07.2024).

⁴В Госдуме объяснили, почему возраст молодежи повысили до 35 лет // РИА Новости. 2020. URL: <https://ria.ru/20201223/molodezh-1590586925.html?ysclid=lr7wbq0p2o704256548> (дата обращения: 10.01.2024).

¹Ст. 21 // Гражданский кодекс РФ, принят Государственной Думой 21 октября 1994 г. URL: https://www.garant.ru/files/9/2/343529/garant_grajdansky_kodeks_rf.pdf (дата обращения: 29.07.2024).

«поэкспериментировать» с разными ролями, чтобы найти свое место в мире и в обществе. Другими словами, данный период в жизни позволяет молодым людям самостоятельно завершить процесс формирования собственной личности, определиться с доминирующими ценностями, стать «самодостаточным» индивидом.

Следовательно, можно предложить разделить молодежь на две категории: 18–24 лет – *становящиеся взрослыми* и 25–35 лет – *молодые взрослые*. Таким образом, возрастные интервалы 18–24 лет и 25–35 лет можно назвать ключевыми в процессе формирования личности и вступления в общественную жизнь в качестве полноценного гражданина. Постепенное снижение влияния внешних факторов, сепарация от взрослых (родительской семьи) сопровождается ростом уровня важности собственных интересов молодого человека и более высоким уровнем их влияния на принятие самостоятельных решений.

Вся возрастная группа 18–35 лет является *молодежной*, и, следовательно, обе категории обладают общими характеристиками и признаками. Однако различие в несколько лет может оказаться достаточно весомым фактором для

изменения отношения, восприятия или установок к труду. Данные возрастные группы характеризуются разными социальными статусами, положением и ценностями, а также переход из одной группы в другую может сопровождаться сменой ролей как в образовательной системе, так и на рынке труда. Целью статьи является рассмотрение особенностей восприятия образования и профессиональной карьеры разными возрастными группами молодежи, так как образование и экономика являются одними из ключевых социальных институтов современной России [Гречихин, 2020, с. 136].

МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Сравнение двух молодежных групп на основе вторичного анализа данных направлено на выявление «узких» (проблемных) зон в их отношении к полученному (получаемому) образованию и профессиональным целям.

В качестве эмпирического материала использованы результаты исследований исследовательских компаний ВЦИОМ, НАФИ, а также образовательных организаций (Skillbox) (табл. 1).

Таблица 1

ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЙ

	Организация	Название	Дата	Методика
1	ВЦИОМ	Профессия, которую мы выбираем: факторы и мотивы решения	Январь 2022	<ul style="list-style-type: none"> 1600 опрошенных (18+) – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %
2	ВЦИОМ	Рынок труда в эпоху турбулентности	Март 2022	<ul style="list-style-type: none"> 1600 опрошенных (18+) – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 % Дополнительно: <ul style="list-style-type: none"> 20 экспертных интервью 20 глубинных интервью с лидерами общественного мнения 66 участников (14–35 лет) качественного исследования в формате онлайн-форумов
3	ВЦИОМ	Российская молодежь: перспективы, образование и эмиграция	Июнь – июль 2022	<ul style="list-style-type: none"> 1592 опрошенных (14–35 лет) – онлайн-опрос Квоты формировались исходя из актуального распределения социально-демографических характеристик населения
4	ВЦИОМ	Возможности для молодежи: мониторинг	Ноябрь 2022	<ul style="list-style-type: none"> 1600 опрошенных (18+) – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %
5	ВЦИОМ	Обучение длиною в жизнь	Август 2023	<ul style="list-style-type: none"> 1600 опрошенных (18+) – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %

	Организация	Название	Дата	Методика
6	ВЦИОМ	Трудоустройство молодежи	Апрель 2024	<ul style="list-style-type: none"> 20 экспертных интервью 10 глубинных интервью с представителями лом-молодежи 4 онлайн-форума не менее 10 участников в каждом количественный онлайн-опрос молодежи в возрасте 14–35 лет (1800 респондентов)
7	ВЦИОМ	Обучение длиною в жизнь	Июль 2024	<ul style="list-style-type: none"> 1600 опрошенных (18+) – телефонное интервью по стратифицированной случайной выборке Предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %
8	НАФИ	100 трендов 2024: куда двигаться бизнесу?	2024	<ul style="list-style-type: none"> Данные из открытых источников Данные маркетинговых и социологических исследований, проведенных НАФИ за последние несколько лет
9	Skillbox	Чем различаются курсы рескиллинга и апскиллинга при проектировании	Май 2024	<ul style="list-style-type: none"> Дискуссия экспертов на конференции, организованной School of Education, Otus и «Нетологией»
10	Медиахолдинг "Цифровое телевидение" и Институт современных медиа	Кино и престиж профессий: кем работают киногерои сегодня и завтра	Июль 2024	<ul style="list-style-type: none"> 1600 жителей городов РФ (14–60 лет), смотрящие кинофильмы не реже одного раза в месяц в любой медиасреде Онлайн-опрос

ВЫСШЕЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МОЛОДЕЖИ

Экспертное исследование НАФИ выявило реализуемый в рамках концепции непрерывного образования тренд на «расширения сферы образования для взрослых» в виде повышения квалификации и профессиональной переподготовки в течение всей жизни¹.

Сочетание трендов наблюдается в ситуации, когда «вчерашние» студенты, выйдя на рынок труда, начинают ощущать нехватку узкоспециализированных навыков или, наоборот, не знают, как действовать в рамках «стандартных» ситуаций, встречающихся в профессиональной деятельности независимо от выбранной специальности. Другими словами, растет популярность «обучения после обучения». Описанные выше тренды 2024 года полностью или частично затрагивают систему дополнительного образования. Проблема именно этого направления обучения кажется наиболее перспективной для изучения и дальнейшего описания, так как выбор курса является более самостоятельным решением индивида, чем, например, выбор вуза и специальности.

Тем не менее актуальность дополнительного образования не снижает важность и необходимость

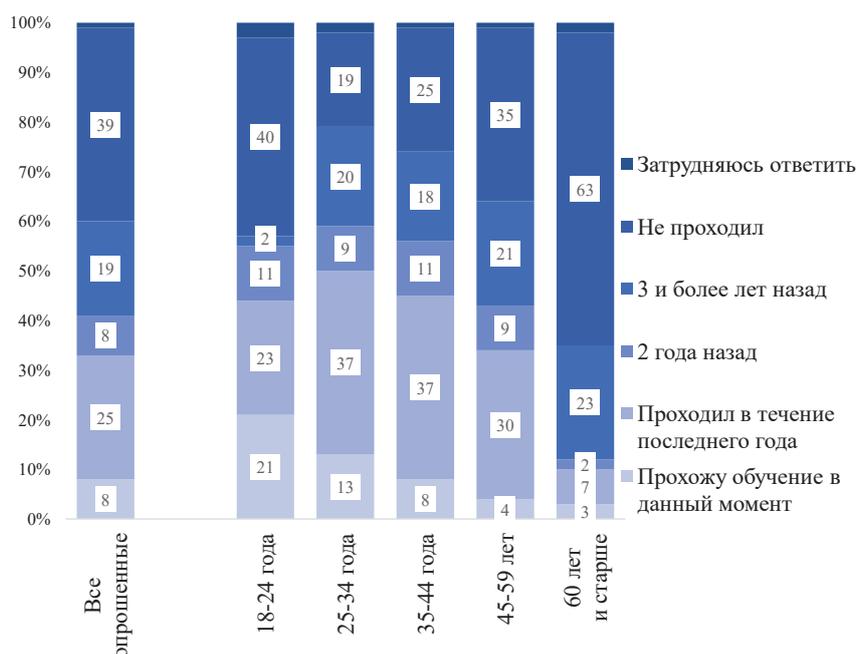
базового высшего образования. Так, согласно исследованию ВЦИОМ², половина опрошенных россиян уверена, что им для успешной карьеры вполне достаточно базового высшего образования. Однако анализ ответов возрастной группы респондентов 18–24 лет и 25–34 лет показывает, что около 15 % опрошенных 18–24 лет считают, что лучше иметь два высших образования, в то время как в группе 25–34 – только 10 % респондентов.

Возможно, эти небольшие различия свидетельствуют о том, что более старшая возрастная группа уже обладает некоторым опытом работы и, соответственно, считает, что диплом вуза не всегда дает навыки, в полной мере соответствующие требованиям рынка труда.

При этом «становящиеся взрослыми» в отличие от «молодых взрослых» не видят необходимости проходить часто курсы повышения квалификации: только 40 % и 45 %, соответственно, отмечали ежегодную необходимость обновлять знания в профессиональной сфере. Несмотря на меньший показатель рекомендуемой частоты посещения таких курсов, респонденты 25–34 лет обладают большим опытом дополнительного профессионального образования. Так, 40 % опрошенных 18–24 лет не проходили курсы повышения квалификации, профессиональной переподготовки или различные

¹100 трендов 2024: куда двигаться бизнесу? // Аналитический центр НАФИ, 2024. URL: <https://nafi.ru/upload/iblock/85c/85c1ba03865a4f4b8c57968e088b73c4.pdf> (дата обращения: 29.07.2024).

²Обучение длиною в жизнь // ВЦИОМ, 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn> (дата обращения: 29.07.2024).

Рис. 1. Опыт прохождения ДПО за последние пять лет (в %)

тренинги. В целом такие результаты ожидаемы, так как значительная доля этой группы относится к студенческой молодежи, которая еще продолжает находиться в процессе получения высшего образования. Следовательно, данные респонденты пока не столкнулись с потребностью дополнительного образования. Среди молодежи в возрасте 25–34 лет этот показатель значительно меньше (19 %), так как, вероятно, их мотивация к прохождению необязательного обучения выше. Имея диплом, подтверждающий профессиональную квалификацию, молодые люди уже обратили внимание на возможное несоответствие выбранной специальности собственным ожиданиям (рис. 1)¹.

Если углубиться в само явление дополнительного профессионального образования (*далее* ДПО), то следует упомянуть, что есть два ключевых направления: 1) повышение квалификации и 2) смена специальности. В некоторых образовательных организациях эти категории также называются *апскиллинг* (*upskilling*) и *рескиллинг* (*reskilling*). Интересно отметить, что основное различие между этими траекториями заключается в особенностях целевой аудитории. *Рескиллинг* характерен для более молодого возраста (в среднем от 25 лет), в том числе и для некоторых студентов, которые хотят освоить новую профессию. *Апскиллинг* больше свойственен для уже

трудоустроенных лиц от 27 лет². В данном случае потребители рассматривают ДПО как возможность продвинуться по карьерной лестнице и повысить свой доход. При этом следует обратить внимание, что оба направления в большей степени подходят для группы 25–34 лет, но не для группы 18–24 лет. Это еще раз подтверждает более высокую мотивацию к получению дополнительных знаний у *молодых взрослых*, чем у *становящихся взрослыми*.

Сравнение двух направлений ДПО и выявленное различие показывает разную мотивацию, которая заложена в выборе. В первом случае молодежь пытается найти себя и свое место в мире, пробует разные специальности и ищет то, что интересно именно ей. Во втором примере наблюдается приверженность символическому и экономическому капиталам, т. е. стремление стать экспертом в конкретной области и, соответственно, приобрести доступ к более ценным материальным благам.

Различие в приоритетности в переквалификации у более молодой группы и в повышении квалификации у более старшей группы подтверждается статистическими данными. Так, численность слушателей до 25 лет, завершивших обучение по программам повышения квалификации, несколько ниже численности потребителей 25–34 лет

¹Обучение длиною в жизнь // ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-obszory/obucheniye-dlinoju-v-zhizn-1>

²Чем различаются курсы рескиллинга и апскиллинга при проектировании // Skillbox Media. 2024. URL: <https://skillbox.ru/media/education/chem-razlichayutsya-kursy-reskillinga-i-apskillinga-pri-proektirovanii/> (дата обращения: 29.07.2024).

(соотношение как 8 % и 22 %, соответственно). Что касается профессиональной переподготовки, у группы до 25 лет наблюдается более высокий процент желающих, чем, например, у возрастной группы 25–29 лет [Индикаторы образования, 2024].

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПУТЬ МОЛОДЕЖИ

В продолжение темы образования рассмотрим также проблему *дальнейшего трудоустройства анализируемых категорий*. Этот вопрос актуален как для *становящихся взрослыми*, которые только становятся участниками рынка труда (так как их возраст соответствует среднестатистическим возрастным границам категории студенчества), так и для *молодых взрослых*, которые могут пробовать различные вакансии. Как упоминалось ранее, потребность в институте дополнительного образования возникла в ответ на неполное соответствие получаемой в вузе специальности требованиям современности. На это особое внимание обращают эксперты ВЦИОМ. Помимо сложности трудоустройства в связи с отсутствием практического опыта, трудности возникают еще на этапе «абитуриентства»: «очень большой проблемой является выбор будущей профессии ... с “закрытыми глазами” (например, под влиянием родителей, “методом тыка”, “путем наименьшего сопротивления” – пойти туда, где проходной балл ниже)»¹. При этом «оторванность вузовской среды от реальных запросов работодателей» также сказывается на трудовом положении молодежи 19–24 лет. В этих условиях не всегда выбор вуза и специальности (направления подготовки) может полностью соответствовать ожиданиям самого абитуриента. В результате растет неудовлетворенность собственным образованием, и на основе этого возникает потребность в дальнейшей самореализации и корректировке ошибочно выбранной профессии, иногда даже в виде смены специальности (направления подготовки). Решение существующего противоречия эксперты видят именно в разработке и развитии эффективной системы повышения квалификации и переквалификации специалистов, что и является направлениями дополнительного профессионального образования.

«Поскольку студенты выбирают будущую специальность в логике “главное поступить на бюджет, а остальное менее важно”, то разочарования в выборе нередки»².

¹Рынок труда в эпоху турбулентности // ВЦИОМ. 2023. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/20230301_Fedorov_Rynok_truda.pdf (дата обращения: 29.07.2024).

²Трудоустройство молодежи // ВЦИОМ. 2024. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/2024_04_09_Ermolaev_D_Trudoustroistvo_molodezhi_.pdf (дата обращения: 29.07.2024).

В процессе обучения некоторые студенты только пробуют себя в различных направлениях (в том числе и в работе не по специальности), начиная наработывать свой трудовой стаж. Выпускники же, или, другими словами, *молодые взрослые*, уже имеют более четкое и ясное представление о своем будущем и стремятся приобретать знания и навыки, соответствующие их потребностям.

Данное предположение подтверждается и результатами исследований. Так, по данным ВЦИОМ, 69 % опрошенных в возрасте 25–34 лет характеризуют собственные умения как достаточные для успешной работы; для сравнения среди респондентов 18–24 лет этот показатель составляет 38 % при том, что такой же процент не работает³ (рис. 2).

Более высокий уровень уверенности в своих способностях в определенной степени может основываться на наличии опыта прохождения дополнительных курсов. 52 % опрошенных «молодых работников» как минимум один раз проходили профессиональную переподготовку или повышали свою квалификацию. В группе 18–24 лет 83 % не имеют такого опыта⁴.

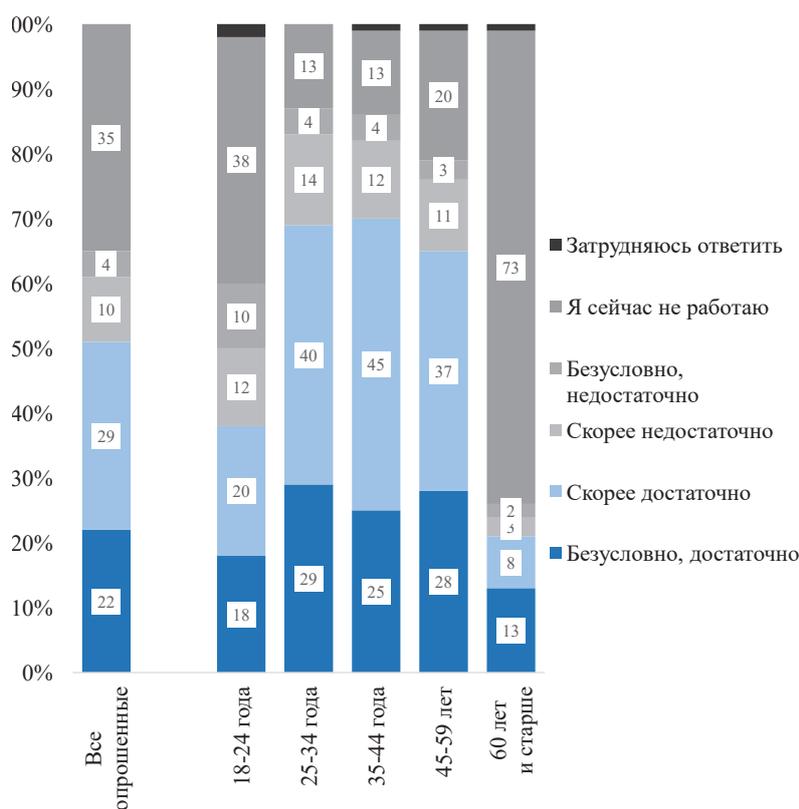
Таким образом, проведенные исследования выявили следующие тенденции. Очевидно, что после получения диплома о высшем образовании молодые люди воспринимаются обществом как полноценные участники рынка труда, обладая необходимыми для конкретной специальности знаниями и навыками. Однако некоторые *молодые взрослые* могут сталкиваться со сложностями, одна из которых – несоответствие собственных ожиданий и реальной действительности. В данной ситуации происходит слияние образовательных и профессиональных траекторий, которые выражаются в возникновении потребности в дополнительном обучении. Эта система дает возможность молодым людям попробовать что-то новое или подтвердить правильность принятого ранее решения.

ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖИ

Результаты вторичного анализа данных показали, что характерные черты групп, определенных как «становящиеся взрослыми» и «молодые взрослые», различаются. Очевидно, что, будучи частью молодежной социально-демографической категории, расхождения в показателях не являются

³Обучение длиною в жизнь // ВЦИОМ. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn> (дата обращения: 29.07.2024).

⁴Там же.

Рис. 2. Уровень полученных знаний, умений и навыков для успешной работы, %

абсолютно противоположными. Тем не менее хотелось рассмотреть этот вопрос более подробно.

Можно предположить, что разное отношение двух групп к образованию и трудоустройству обусловлено ценностями, которыми они руководствуются в жизни, особенностями видения своего окружения и мироощущения. Например, согласно исследованию ВЦИОМ¹, молодые люди 18–24 лет верят, что их выбор работы объясняется собственными интересами (48 %), размером заработной платы (23 %) и престижем профессии (23 %). У респондентов 25–34 лет лидирующие позиции сохраняют увлечения (32 % – менее высокий показатель в отличие от предыдущей группы) и оплата труда (23 %). Однако в топ-3 наиболее распространенных ответов попал вариант «стечение обстоятельств» (21 %). Другими словами, опыт и время показали, что не всегда собственные желания соответствуют сложившемуся положению дел. Сложности, которые возникают при поиске работы, могут изменить сформированную траекторию и вынудить индивида подстраиваться

под современные реалии. Возможно, у «молодых взрослых» более идеализированное представление о своей будущей жизни и карьере, в частности. Более того, они также позитивно смотрят в свое будущее. Так, 85 % опрошенных 18–24 лет уверены, что вокруг существует множество возможностей для самореализации и сегодня каждый может добиться успеха. Среди респондентов 25–34 лет этот же показатель остается достаточно высоким (73 %), но всё же ниже предыдущего значения².

Интересным примером можно назвать исследование «Кино и престиж профессий». Во-первых, 62 % респондентов верят, что кинематограф влияет на выбор человеком профессионального или жизненного пути, при этом половина всех опрошенных отмечает воздействие этого фактора на личном опыте. Во-вторых, данные показатели наиболее высокие в самой юной группе опрошенных (14–25 лет) 74 % и 64 % соответственно³. Очевидно, что кинематограф не является

¹Профессия, которую мы выбираем: факторы и мотивы решения // ВЦИОМ, 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-factory-i-motivy-resheniya> (дата обращения: 29.07.2024).

²Возможности для молодежи: мониторинг // ВЦИОМ. 2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vozmozhnosti-dlja-molodezhi-monitoring> (дата обращения: 29.07.2024).

³Кино и престиж профессий: кем работают киногерои сегодня и завтра // Российская Креативная Неделя. 2024. URL: https://vk.com/video-198432432_456240685 (дата обращения: 29.07.2024).

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ / СТАТУСОВ «МОЛОДОЙ СПЕЦИАЛИСТ»
И «МОЛОДОЙ РАБОТНИК»**

Молодой специалист	Молодой работник
Гражданин Российской Федерации в возрасте до 35 лет включительно	
Завершивший обучение по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения и впервые устраивающийся на работу в соответствии с полученной квалификацией	Не относящийся к категории «молодой специалист»
Имеющий трудовой стаж, полученный в период обучения по основным профессиональным образовательным программам и (или) по программам профессионального обучения	Имеющий трудовой стаж не более трех лет

единственным фактором, влияющим на жизнь, выбор молодежи и результаты приведенного выше исследования лишь поверхностно описывают реальную ситуацию. Тем не менее невозможно отрицать, что молодые люди подвержены влиянию внешних факторов, в том числе таких как средства массовой коммуникации. Следуя стремлению быть похожим на кого-то (зачастую герои кино или книг могут восприниматься как референтные), индивиды получают образование, которое, столкнувшись с реальной жизнью, может не оправдать их ожидания. Разочарование в профессии возвращает уже более осознанную личность к началу поиска своего места в современной действительности.

Различия также наблюдаются и при сравнении жизненных ориентиров. Если в возрасте 18–24 лет приоритетом для молодых людей выступает высокий уровень благополучия (64 %), то, становясь старше, они в основном стремятся к спокойной семейной жизни (59 %)¹.

Таким образом, можно говорить о том, что несколько больший жизненный и профессиональный опыт у «молодых взрослых» (25–35 лет), чем у «становящихся взрослыми» (18–24 лет), отражается на различном восприятии собственных навыков, дополнительного образования и карьерных перспектив. С одной стороны, данное заключение может показаться очевидным. С другой – анализ образовательной и профессиональной сфер, а также жизненного пути в целом наглядно продемонстрировал точки соприкосновения и отличия данных групп.

Стоит упомянуть два термина, закрепленных в российском законодательстве: *молодой специалист* и *молодой работник*. Понятие *молодой*

специалист определено в федеральном законе от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»², а «молодой работник» – в федеральном законе от 22.04.2024 № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации»³. Оба правовых акта зафиксировали термины в рамках возрастной группы граждан в возрасте до 35 лет. Основное их отличие заключается в определении опыта трудовой деятельности. Если специалист только устраивается на работу, завершив профессиональное обучение, то молодой работник уже имеет определенный трудовой стаж, но не более трех лет (табл. 2). Другими словами, молодой работник уже вступил в систему трудовых отношений и «примерил» на себя роль участника рынка труда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Молодым людям, как новым участникам рынка труда, свойственно рассматривать работу как некоторую основу для приобретения необходимого опыта. Они открыты новому, поэтому их «образовательные поиски» могут продолжаться несколько лет. Для молодых людей крайне важно иметь возможности карьерного роста и повышения собственного статуса, что в некоторых случаях

²Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Министерство науки и высшего образования РФ. 2020. URL: <https://minobnauki.gov.ru/about/deps/dgmpispvsvo/education/Файлы/Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации.pdf> (дата обращения: 09.07.2024).

³Федеральный закон от 22.04.2024 № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» / Официальное опубликование правовых актов, 2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404220035?index=2> (дата обращения: 09.07.2024).

¹Российская молодежь: перспективы, образование и эмиграция // ВЦИОМ, 2022. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/202303_VV_Fedorov_Rossiiskaja_molodezh_KEHF.pdf (дата обращения: 29.07.2024).

является результатом прохождения «нового витка системы образования» [Виниченко, Ростовцев, Хохолуш, 2022]. Проведенный анализ показал, что с возрастом (даже в рамках молодежной группы) происходит смена ценностей и приоритетов в формировании жизненных траекторий. «Становящиеся взрослыми» и «молодые взрослые» имеют разный опыт, влияющий на их мировоззрение. Это и проявляется в различном отношении к образованию и к профессиональным перспективам.

Так, становясь старше, «молодые взрослые» уже не придают такого значения высшему образованию, как «становящиеся взрослыми». Однако это не означает отсутствие у них потребностей в совершенствовании своих профессиональных навыков, так как интерес к дополнительному образованию и опыт его прохождения находится на достаточно высоком уровне.

Особенности этих категорий / статусов соответствуют возрастным группам, описанным выше. Большинство молодых людей в возрасте 18–24 лет имеют минимальный опыт работы по специальности, что характерно для «молодых специалистов», «молодые взрослые» же больше соответствуют определению «молодых работников». Однако невозможно однозначно утверждать о существовании определенной связи между этими терминами и выявленными ранее особенностями. Для этого требуется проведение дополнительных исследований, что сохраняет актуальность данной темы на высоком уровне.

Таким образом, непрерывное образование молодежи способно удовлетворить возникающие потребности, так как период «становящейся взрослости» – это наиболее динамический и перспективный этап в жизни для обучения и профессионального становления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ключарев Г.А. Век учись – век живи // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 167–172.
2. Arnett J. J. Emerging Adulthood. A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties // *American Psychologist*, 2000. # 5. P. 469–480.
3. Долгова А.А., Митрофанова Е. С. Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект // *Экономическая социология*. 2015. Т. 16. № 5. С. 46–76.
4. Семья и дети в России. 2021: Стат. сб./ Росстат, Общественная палата Российской Федерации, 2021.
5. Mikhaylova O., Sivak E. Emerging Adulthood in Russia: Class and Educational Disparities // *Emerging Adulthood*, 2023. # 11 (6). P. 1346–1355.
6. Erikson E. Identity, youth, and crisis. W. W. Norton & Company, Inc., 1968.
7. Гречихин В. Г. Социальные институты в современной России // ВЭПС. 2020. № 2. С. 136–139.
8. Индикаторы образования: 2024: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг [и др.] / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.
9. Виниченко В. А., Ростовцев К. В., Хохолуш М. С. Влияние теории поколений на кадровую политику промышленных предприятий // *Экономика труда*. 2022. Т. 9. № 10. С. 1559–1576.

REFERENCES

1. Kliucharev, G. A. (2019). Learn and live. *Sociological Studies*, 8, 167–172. (In Russ.)
2. Arnett, J. J. (2000). Emerging Adulthood. A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*, 5, 469–480.
3. Dolgova, A. A., Mitrofanova, E. S. (2015). Separation from the parental family in Russia: an intergenerational aspect. *Economic Sociology*, 16(5), 46–76. (In Russ.)
4. Semya i deti v Rossii. 2021 = Family and children in Russia. 2021: Statistics. Federal State Statistics Service, Civic chamber of the Russian Federation. (In Russ.)
5. Mikhaylova, O., Sivak, E. (2023). Emerging Adulthood in Russia: Class and Educational Disparities. *Emerging Adulthood*, 11(6), 1346–1355.
6. Erikson, E. (1968). Identity, youth, and crisis. W. W. Norton & Company, Inc.
7. Grechihin, V. G. (2020). Socialnye instituty v sovremennoj Rossii = Social institutions in modern Russia. *The Review of Economy, the Law and Sociology*, 2, 136–139. (In Russ.)
8. Bondarenko, N. V. et al. (2024). Indikatory obrazovaniya: 2024 : statisticheskij sbornik = Education indicators: 2024: Statistics. Moscow: The National Research University HSE. (In Russ.)
9. Vinichenko, V. A., Rostovcev K. V., Xoxolush M. S. (2022). The influence of the theory of generations on the personnel policy of industrial enterprises. *Labor economics*, 9(10), 1559–1576. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бессонова Маргарита Олеговна

аспирант кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bessonova Margarita Olegovna

Postgraduate Student of the Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.07.2024	The article was submitted
одобрена после рецензирования	14.10.2024	approved after reviewing
принята к публикации	18.11.2024	accepted for publication

Особенности восприятия праздничных событий современной молодежью: социологический анализ

И. В. Гончарова¹, Н. Н. Пушкарева², Г. А. Гуров³

^{1,2,3}Государственный университет управления, Москва, Россия

¹179208195393@yandex.ru

²nn_pushkareva@guu.ru

³ga_gurov@guu.ru

Аннотация. В статье на основе социологического анализа рассматриваются ключевые аспекты восприятия праздника в молодежной среде. Исследование фокусируется на изменениях в восприятии праздников в условиях современной культуры, влиянии социокультурных трансформаций на понимание смыслообразующих ценностей праздников. Дается ретроспективный историко-культурологический анализ теории праздника. Делается вывод о социальных ожиданиях, направленных на усиления государственной поддержки национальных праздников, обладающих мощным ресурсом формирования национальной идентичности.

Ключевые слова: праздник, социологический анализ, национальная идентичность, молодежь, теория праздника

Для цитирования: Гончарова И. В., Пушкарева Н. Н., Гуров Г. А. Особенности восприятия праздничных событий современной молодежью: социологический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 125–132.

Original Article

Features of the Perception of Festive Events by Modern Youth: a Sociological Analysis

Irina V. Goncharova¹, Natalia N. Pushkareva², Grigory A. Gurov³

^{1,2,3}State University of Management, Moscow, Russia

¹179208195393@yandex.ru

²nn_pushkareva@guu.ru

³ga_gurov@guu.ru

Abstract. Based on a sociological analysis, the article examines the key aspects of the perception of the holiday among young people. The research focuses on changes in the perception of holidays in the context of modern culture, the impact of socio-cultural transformations on the understanding of the meaning-forming values of holidays. A retrospective historical and cultural analysis of holiday theories is given. The conclusion is made about social expectations aimed at strengthening state support for national holidays, which have a powerful resource for the formation of national identity.

Keywords: holiday, sociological analysis, national identity, youth, holiday theory

For citation: Goncharova, I. V., Pushkareva N. N. Gurov, G. A. (2024). Features of the perception of festive events by modern youth: a sociological analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 125–132. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе праздничные события играют значительную роль в формировании культурных ценностей, национальной идентичности и социальных связей. Исследование особенностей восприятия праздников посредством социологического анализа позволяет глубже понять динамику и значение этих событий для современной молодежи. В статье рассматривается значимость праздников в жизни молодых людей на основе онлайн-опроса «Какой сегодня праздник?» 6 884 человек, проведенном Центром социологических исследований 3–14 мая 2023 года.¹ Онлайн-опрос проводился на цифровой платформе «Госуслуги» на основе двухступенчатой выборки. На первой ступени применялась сплошная выборка: опрос был доступен всем гражданам РФ, пользователем цифрового сервиса «Госуслуги». На второй ступени применялась выборка комфортная. Опрос могли пройти все желающие путем заполнения анкеты на цифровом сервисе «Госуслуги». Представленные результаты общего распределения ответов были перепроверены. Результаты по социальным группам представлены в общей совокупности ответов. В анкете были как закрытые, так и открытые вопросы. Также в некоторых закрытых вопросах была возможность написать свой вариант ответа.

География выборки представлена всеми федеральными округами РФ, затрагивает и новые регионы. Наибольшее количество опрошенных приходится на: Сибирский федеральный округ – 41 %, Приволжский федеральный округ – 22,5 %, Уральский федеральный округ – 16,1 %, Центральный федеральный округ – 10,8 %, Дальневосточный федеральный округ – 6 %, Северо-Западный федеральный округ – 1,6 %, Южный федеральный округ – 1 %, Северо-Кавказский федеральный округ – 0,7 %, на новые регионы РФ² приходится 0,5 %.

По типу населенных пунктов респондентов 57,8 % представлены городскими жителями, 42,2 % – сельскими. По размерам населенных пунктов распределение участников выборки выглядело следующим образом: населенные пункты (до 200 человек) – 9,3 %, до 3 тыс. – 22,9 %, от 4 до 50 тыс. – 28,8 %, от 51 до 100 тыс. – 8,6 %, от 101 до 250 тыс. – 9,8 %, от 250 тыс. до 1 млн – 11,2 %, свыше 1 млн – 9,5 %. Самыми значительными по охвату оказались группы опрошенных из населенных пунктов, где проживают от 2001 человека до 3 тыс. (22,9 %) и от 4 до 50 тыс. (28,8 %), т. е. это

сельские жители и жители так называемых малых городов России³.

Основными участниками опроса были молодые люди. Возраст 77,6 % опрошенных составил 14–35 лет. Именно эта возрастная категория идентифицируется как «молодежь», согласно ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»⁴. В данной возрастной группе были выделены следующие сегменты: в возрасте 14–17 лет – 60,2 %, в возрасте 16–24 года – 7,7 %, в возрасте 25–35 лет – 9,7 %. Такая градация обусловлена возрастной динамикой ценностных представлений внутри молодежной среды.

Акцент на изучение молодежной среды является трендом современной социологии, при этом само понятие «молодежь» является предметом научного дискурса, что соответствует полипарадигмальности социологической науки [Елишев, 2017]. Наиболее компромиссным является такое определение молодежи как «общественной группы, занимающей особое положение в обществе» [Загребин, 2014, с. 1]. При этом, молодежь отличается не только «по социально-демографическому критерию, но и по особым социальным и социокультурным показателям» [там же].

Применительно к теме анализа восприятия праздников, обратимся к тезаурусной концепции В. А. Лукова. *Молодежь в рамках тезаурусной концепции* трактуется как социальная группа, которую составляют люди, осваивающие и присваивающие социальную субъектность, а также распространенные в этой группе тезаурусы и выражающий их символический и предметный мир (Тезаурус в данной интерпретации – свод «освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде» [Тезаурусы и проблемы культуры, 2019, с. 14]). Луков также выявляет *субъектную роль молодежи* в формировании и поддержании культурных констант как долгосрочных центров притяжения в рамках определенной социокультурной реальности [Луков, 2018]. В картине мира молодежи культурные константы имеют устойчивое ядро, импульс сохранения которого переходит на старшее поколение [там же].

В культурологическом научном дискурсе устойчивые единицы в культуре, обеспечивающие передачу культурного кода, имеют разные идентификации. Ю. И. Бундин вводит близкое по смыслу понятие «цивилизационные константы», определяя их в качестве ключевых характеристик «и совокупного социального субъекта, которые обеспечивают его целостность, уникальность и воспроизводимость

¹Центр социологических исследований «14-35». URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

²Там же.

³Там же.

⁴Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328>

в условиях изменчивости исторических условий» [Бундин, 2017, URL].

Цивилизационные константы связаны с социальным феноменом идентичности, являющейся важнейшим элементом механизма личностного освоения социальной действительности. В современных условиях, определяемых цифровизацией как глобальным трендом социальной действительности, человек оказался «на границах» множества культурных миров, с «размытыми» контурами» [Литвинцева, Петров, 2019]. Это явление несет определенные риски для человека: «Переживая свою принадлежность к пересекающимся культурным пространствам, он становится носителем множественной идентичности, с одной стороны, и, с другой, переживает кризис национальной идентичности, чреватый потерей цивилизационной самоидентичности, утратой упорядочности представлений о себе и своем месте в картине мира» [Бундин, 2017, URL].

Для формирования национальной идентичности ключевую роль играет комплекс культурных практик. Особое значение в этой системе принадлежит праздничной культуре в целом, включая общенациональный праздничный календарь. Отечественная история XX века показывает, какое важное влияние на формирование советской идентичности оказывали массовые праздники различного характера, включая политические и военные. Влияние праздничной культуры в данном контексте особенно важно для молодежи.

Объектом исследования в работе является восприятие праздника. Предметом исследования выступают конкретные особенности восприятия праздничных событий современными молодыми людьми в возрасте от 14 до 35 лет.

В ходе исследования были использованы общенаучные методы: анализ, синтез, структурно-функциональный метод и системный подход. В работе со статическим материалом были задействованы специальные методы социологии: анкетный опрос и анализ документов. При изучении влияния праздника на национальную идентичность и исследовании теории праздника использовался культурологический подход.

ФЕНОМЕН ПРАЗДНИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для понимания особенности восприятия праздничных событий в культуре необходимо обратиться к происхождению и теоретическому значению праздника.

Изначально праздник имел сакральное значение и базировался на природных явлениях,

а также на связанных с ними культурах, поэтому ошибочно сводить его роль исключительно к рекреации. Это подтверждается мифологическая концепция А. Н. Афанасьева и А. А. Потебни, согласно которой такие переломные явления природы, как смена времен года, борьба со стихиями, являются источником праздничной культуры [Потебня, 2023]. Представители школы заимствования (В. Ф. Миллер, А. Н. Веселовский) рассматривали русские народные праздники, в частности, аграрные, вне контекста русской культуры и обнаружили их сходство с античными и византийскими аналогами, обнаружив в Масленице сходство с карнавальными культурами Западной Европы [Рябков, 2020; Веселовский, 1989].

А. Пиотровский связывает праздник с социально-экономической действительностью: «дни пусть кратковременного, но высвобождения празднующих масс из-под постылого гнета ежедневного труда, из-под власти тягостных социальных отношений...» [Пиотровский, 1969, с. 178]. Теория В. Чичерова основывается на социально-трудовой деятельности человека и концепции подчиненности сферы досуга труду [Лаврикова, 2011, с. 75]. Антропологическая концепция Джеймса Фрэзера связывает праздничную культуру с процессом смерти и возрождения [Фрезер, 1998]. Исходя из данной трактовки нельзя утверждать, что на появление и укоренение праздника влияют социально-политические или экономические явления, ведь это эволюционно-психологический процесс.

Наиболее универсальной является концепция М. Бахтина, согласно которой праздник связан с трудовой деятельностью и культурой, представляя собой жизнь в игровом облике и занимая место на границе условного искусства и реальной действительности [Бахтин, 2021].

Таким образом, анализируя концепции праздника исследователей XIX–XX веков, можно сделать вывод о том, что взгляды на культуру празднования и истоки этого явления менялись по мере трансформации общества и испытывали воздействие социально-политической мысли.

Процесс трансформации праздника под воздействием современных тенденций привлекает внимание исследователей. Д. К. Стожко и К. П. Стожко при изучении трансформации мотивации участия людей в праздниках выявили снижение удовлетворенности вследствие «трансформации всей системы ценностных ориентаций наших сограждан, происходящую в условиях растущей социокультурной, геополитической и макроэкономической турбулентности» [Стожко Д., Стожко К., 2023, с. 148]. В качестве доминирующего тренда обозначается «формализация, выхолащивание из его содержания традиционных смыслов и ценностей, утрата им

своей подлинной культурно-исторической идентичности» [Стожок Д., Стожок К., 2023, с. 148].

Вместе с тем праздник является сложным социальным институтом. Для того чтобы проанализировать особенности восприятия праздника современной молодежью, мы воспользовались классификацией Д. А. Жаркова, который выделяет следующие функции:

- интегративную,
- воспитательную (идеологическую),
- рекреативную,
- коммуникативную [Культурно-досуговая деятельность, 1998].

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ВОСПРИЯТИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ СОБЫТИЙ

Интегративная функция праздника раскрывается в полной мере в процессе сплачивания социальных групп, побуждая людей объединяться и ощущать свою причастность к той или иной социальной группе. Как правило, единение с ней прослеживается в ходе массовых мероприятий: городские концерты, праздничные демонстрации, шествия и т.д. По результатам опроса большинство респондентов предпочитают проводить мероприятия в парках и скверах (39 %) и в местах скопления населения (36 %)¹.

При этом на вопрос: «Каким должно быть мероприятие, посвященное праздничной или памятной дате, чтобы Вам было интересно стать его участником или зрителем?», 47 % отметили интересное содержание мероприятия, 32 % заинтересовало участие известных артистов и знаменитостей, 29 % интересен розыгрыш призов, также 29 % привлекает оформление места проведения праздника, участие друзей и знакомых, а также массовость мероприятия привлекают по 27 %, угощения интересуют 24 %, а интерактивные программы – 17 % респондентов².

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для молодежи крайне важно ощущать сплоченность, единение и принадлежность к празднику и его смыслу.

Воспитательная (идеологическая) функция праздника заключается во внедрении в сознание масс определенной идеи, и чем она сильнее, тем более яркие чувства и настроения испытывают индивиды, формируя у себя психоэмоциональный паттерн праздника. При этом праздник

ориентирован на трансляцию ценностей из поколения в поколение, где главную роль играет семья, что подтверждают данные опроса. На вопрос «Как Вам кажется, важно ли передавать традиции празднования знаменательных событий и памятных дат следующим поколениям?» из 100 % респондентов 69 % отметили важность передачи, 22 % – не видят важности, 9 % затруднились ответить. Опрос показал, что семья – главный институт сохранения традиций и празднования памятных дат – 55 %, 20 % опрошенных возлагают ответственность на образовательные организации, 19 % – на органы государственной власти, 6 % предпочли сформулировать свой вариант ответа³.

Для 64 % респондентов праздничными чувствами и эмоциями являются «ощущения семейной атмосферы и уюта» и помогает почувствовать атмосферу праздника⁴. Значимость семьи подтверждается и желательным форматом празднования: 74 % опрошенных молодых людей предпочитают отмечать праздники в кругу семьи и друзей. При этом с Днем семьи, любви и верности своих близких поздравляют только 25 %. Это объясняется относительной новизной данной праздничной традиции, он был официально установлен 8 июля 2022 года⁵. Среди молодежи под влиянием европейской традиции на постсоветском пространстве был популярен День святого Валентина, в качестве национальной праздничной альтернативы был введен праздник День семь, любви и верности.

У респондентов была возможность выбрать несколько вариантов ответа, на вопрос: «С какими праздниками вы поздравляете близких и друзей?» По данным Центра социологических исследований «14–35», самым любимым традиционным праздником является Новый Год 84 %, 70 % отмечают Международный женский день, 65 % – День защитника Отечества, 58 % – День Победы.

В данном контексте необходимо отметить значимость такого феномена, как национальный праздник, способствующего консолидации людей на основе их принадлежности к определенному социуму. Участие в национальном празднике фактически становится частью гражданских обязанностей, превращаясь иногда в долг перед коллективом. Участвуя в празднике, личность проявляет свою приверженность, верность, готовность защищать идеалы и, главное, связь с празднующей общностью и солидарность с ней. Следует отметить среди молодежи наличие социальных ожиданий

³Там же.

⁴Там же.

⁵Указ Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47966>

¹Какой сегодня праздник. Центр социологических исследований «14–35». URL: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

²Там же.

поддержки государством национальных праздников. На вопрос: «Празднование каких событий, памятных дат необходимо усиливать с помощью государства и / или общественных инициатив?» респонденты могли выбрать любое количество ответов. 55 % выбрали День Победы, праздник, который является символом национальной гордости и патриотизма. 37 % отметили День России, 35 % – День защитников Отечества, 32 % – День героев Отечества, 29 % – Праздник Весны и Труда, 26 % – День космонавтики, 25 % – День воссоединения Крыма с Россией, 24 % – День народного единства, 20 % – День Государственного флага РФ, 18 % – День Конституции РФ¹. Результаты опроса показывают сформировавшийся социальный заказ на сохранение и поддержание национально-государственных традиций посредством праздничной культуры.

Благодаря детализации выборки респондентов (школьники, студенты, работающие, пенсионеры), мы можем проследить отношения к государственным праздникам различных категорий населения. Примечательно, что в пятерку любимых праздников школьников и студентов не вошли День молодежи, День России, религиозные и профессиональные праздники, а также День народного единства, День флага и День волонтера. Это можно объяснить тем, что молодежь не наделяет эти праздники значимым для них смыслом.

В качестве одной из ключевых особенностей воспитательного потенциала праздника выступает возможность адаптации внешних требований общества к области досуга под внутренние потребности молодого поколения. Как отмечают исследователи, праздник необходим молодому человеку «для развития и выстраивания отношения к жизни, к людям, к осмыслению своего места в обществе» [Опарина, Левина, Кайтанджян, 2018, с. 178].

Рекреативная функция праздника проявляется в обеспечении индивидов досугом, отдыхом и восстановлением психофизических ресурсов. Чтобы выяснить ее актуальность был предложен вопрос: «Что в первую очередь привлекает Вас в праздничных днях?» Респонденты могли выбрать до 3-х вариантов ответа из предложенных либо сформулировать свой вариант. Ответ «Выходные дни» выбрали 68 % опрошенных, «Традиции и обычаи, связанные с праздником» – 59 %, «Культурные мероприятия, акции, массовые гуляния» – 42 %, «Чувство единения со всем российским народом» – 30 %, «Просветительские мероприятия» – 12 %, «Интересная программа по ТВ» – 9 %, 3 % затруднились ответить и еще 3 % предложили

свой вариант (наиболее частыми ответами были: праздничный стол, вкусная еда, встречи с семьей, подарки, сама атмосфера)². Исходя из результатов онлайн-опроса, потребность в рекреации у молодежи явно прослеживается, так как большинство респондентов видят ценность праздника в отдыхе и культурно-массовых мероприятиях. Большая часть молодых людей видит в празднике «антитезу будничной деятельности», ассоциируя его с развлечением и отдыхом [Бердик, Стыценко, 2024].

Исходя из результатов опроса, можно сделать вывод о постепенном обесценивании сакрального характера праздника через извлечение его смыслов из онтологического контекста. О сохранении воспитательной (идеологической) функции праздника говорит тот факт, что 30 % видят его ценность в традициях и чувстве единения с народом.

В этом ключе особый интерес представляют мотивы, побуждающие молодежь принимать участие в праздниках. Исследование, проведенное Уральским государственным аграрным университетом в 2022 году, направленное на установление мотивов участия представителей различных возрастных категорий в празднованиях, наглядно демонстрирует видоизменение культуры праздника и мотивацию к участию по мере становления личности [Стожко Д., Стожко К., 2023]. Результаты опроса показывают, что для молодежи (представителей возрастной группы до 35 лет) важна зрелищность, массовость и развлекательность, что также коррелирует и с нашим исследованием.

Анализируя коммуникативную функцию праздника, следует отметить, что праздники могут вызывать не только энтузиазм, но и скептицизм, что по мнению, Д. Б. Бурменской, обусловлено разочарованием в суетности праздничных мероприятий [Бурменская, 2010]. Вероятно, проблема отсутствия заинтересованности в праздничных мероприятиях вызвана трансформацией некоторых государственных праздников (Новый год, Международный женский день, День защитника Отечества), в процессе которой произошла постепенная замена ценностно-идеологического компонента на потребительский. Это провоцирует постпраздничное опустошение, разочарование и вопрос: «Зачем?» Таким образом, определенное количество государственных праздников не способствуют духовному росту и не приобщают социум к национальной культуре, но при этом закрывают потребность людей в рекреации [Бурменская, 2010].

Примечательно, что данное явление характерно не только для современной действительности. С точки зрения французского философа

¹Центр социологических исследований «14-35». Режим доступа: <https://guu.ru/university/csr/?ysclid=lye5ujlg7i507672707>

²Там же.

П. Ж. Прудона, «потребность в празднике может уменьшаться с охлаждением идеологии, и одновременно усилением рационализма и прагматизма», что вполне дополняет изложенный выше тезис [прив. по: Жигульский, 1985, с. 178]. Результаты проведенного исследования продемонстрировали устойчивый интерес к праздникам, только 2 % от всех опрошенных заявили, что не любят и не отмечают праздники. Среди вероятных причин негативного восприятия праздника было непонимание смысла и отсутствие ценности для респондента, при этом 60 % из них не смогли определить мотивы своего отношения («не люблю праздники в целом» и «затрудняюсь ответить») [там же].

Около трети респондентов готовы изменить свое отношение к праздникам, если будет увеличено количество выходных дней, что еще раз подтверждает упомянутый ранее тезис о десакрализации праздника как явления и выдвигает на первый план потребности в отдыхе. Потребность в смыслах и традициях прослеживается у 35 % опрошенных, что подтверждает тезис об эволюции содержания государственных праздников в восприятии молодежи. 66 % хотят принять участие в качестве волонтера на праздничных мероприятиях. За участие респонденты хотели бы получить слова благодарности и сувениры с символикой мероприятия.

На восприятие праздника молодежь влияет принадлежность к городской или сельской среде. Опрос показал, что подход к празднованию сельской молодежи отличается от праздничных традиций городской молодежи. Сельская молодежь в большей степени принимает активное участие в мероприятиях, посвященных праздникам (волонтер, артист, организатор, спикер), в то время как городская молодежь предпочитает больше созерцать и принимать участие в качестве зрителя, нежели быть волонтером или активным участником. Также сельская и городская молодежь выбирают разные места для проведения праздничных мероприятий. В городе молодые люди предпочитают праздничную коммуникацию в парках и скверах, в образовательной организации, а сельская молодежь – на центральных площадях населенного пункта, в домах культуры, музеях. Опрос выявил среди сельских и городских представителей молодежи устойчивое желание участвовать в волонтерской деятельности.

Отличается и представление об ответственности за организацию праздников городской и сельской молодежи. Сельская молодежь в большей степени ожидает проведение культурно-массовых мероприятий от органов государственной власти (22 %) или общественных организаций (19 %), тогда как городская молодежь в больше

степени надеется на учреждения культуры (27 %) и образовательные организации (23 %). Вероятно, такая градация связана с отсутствием достаточного количества образовательных и культурных учреждений в сельской местности. Половина сельских (50 %) и большинство городских (62 %) респондентов по-прежнему считают ответственными за праздники свои семьи, что говорит об исключительной роли данного социального института в процессе социализации и передачи ценностей.

Можно сделать вывод и о том, что масштабы празднований изменяются, от центра к периферии. Вероятно, при этом трансформируется не только масштаб, но и содержание, которое утрачивает свой первоначальный смысл по мере удаления от центра к окраинам, что может провоцировать неоднозначную их трактовку и понимание. Очевидно, что праздник в крупном городе или региональном центре имеет отличия от праздника в российском селе, что непременно влияет на его роль, функции и, как следствие, на социальное предназначение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, социологический анализ демонстрирует особенности восприятия праздничных событий в молодежной среде. Огромное влияние на них оказывает социокультурная трансформация современного общества. Праздник как феномен играет огромную роль в становлении межпоколенной трансляции ценностей и формировании национальной идентичности. Онлайн-опрос показал также различие в восприятии отдельных аспектов праздника городской и сельской молодежью.

Социологический анализ демонстрирует, что молодежь испытывает потребность, в первую очередь, в рекреативной и интегративной функции праздника. Огромную роль играет институт семьи, с которым респонденты связывают сохранение и трансляцию праздничных традиций, а также переживание времени, проведенного с семьей, как ценности. Публичные празднования остаются важными для идентификации с определенной социальной группой.

Данные Центра социологический исследований «14–35» показывают, что праздник как традиционный институт в восприятии молодежи видоизменяется, адаптируясь к современности и ее требованиям. Вместе с тем социальные ожидания молодых людей направлены на усиления государственной поддержки национальных праздников, которые обладают мощным ресурсом формирования национальной идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Елишев С. О. Молодежная проблематика и подходы к определению понятия «Молодежь» в социологии // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2017. № 3. 200–223.
2. Загребин В. В. Подходы к определению категории «молодежь» // Концепт. 2014. № 2. С. 26–30.
3. Тезаурусы и проблемы культуры: III Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова : доклады и материалы Общероссийской (национальной) научной конференции (с международным участием), Москва, 4 апреля 2019 г. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2019.
4. Бундин Ю.И. Праздник в механизме трансляции цивилизационных констант // Культурологический журнал. Электронное издание. 2017. № 1.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-v-mehanizme-translyatsii-tsvilizatsionnyh-konstant/viewer>
5. Литвинцева Г. П., Петров С. П. Теоретические основы взаимодействия цифровой трансформации и качества жизни населения // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 414–427.
6. Потеня А. А. Символы и мифы. Избранные работы. М.: Юрайт, 2023.
7. Рябков В. М. Масленица в историографии социально-культурной деятельности // Этническая культура. 2020. № 2 (3). С. 42–51.
8. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
9. Пиотровский А. Театр. Кино. Жизнь. Л.: Искусство, 1969.
10. Лаврикова И. Н. Краткий экскурс в теорию праздника // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. № 2 (217). С. 74–78.
11. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследования магии и религии / пер. с англ. М.: Азбука, 2022.
12. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Азбука, 2021.
13. Стожко Д. К., Стожко К. П. Культура праздника в современных условиях: основные векторы развития // Концепт: философия, религия, культура. 2023. № 7 (2) С. 138–150.
14. Культурно-досуговая деятельность: учебник / под научной ред. академика РАН А. Д. Жаркова и профессора В. М. Чижикова. М.: Московский государственный университет культуры, 1998.
15. Опарина Н. А., Левина И. Д., Кайтанджян М. Г. Воспитательное значение семейных праздников // Проблемы современного образования. 2018. № 4. С. 172–180.
16. Бердник Т. О., Стыценко А. Праздник как эффективный фактор общественной эволюции // Научный альманах стран Причерноморья. 2024. № 10. С. 14–18.
17. Бурменская Д. Б. Философский анализ социальной сущности праздника // В мире научных открытий. 2010. № 4 (5). С. 48–50.
18. Жигульский К. Праздник и культура. М.: Прогресс, 1985.

REFERENCES

1. Elishev, S. O. (2017). Youth issues and approaches to the definition of the concept of "Youth" in sociology. Bulletin of Moscow State University. Ser. 18. Sociology and Political Science, 3, 200–223. (In Russ.)
2. Zagrebin, V. V. (2014). Approaches to "Youth" Category Definition. Concept, 2, 26–30. (In Russ.)
3. Thesauruses and problems of culture (2019): III Academic readings in memory of Vladimir Andreevich Lukov: reports and materials of the All-Russian (national) Scientific Conference (with international participation), held at the Moscow, April 4, 2019. Moscow: Publishing House of Moscow Humanitarian University. (In Russ.)
4. Bundin, Yu. I. (2017). Holiday in the mechanism of translation of civilizational constants. Culturological journal. Electronic edition, 1. <https://cyberleninka.ru/article/n/prazdnik-v-mehanizme-translyatsii-tsvilizatsionnyh-konstant/viewer>
5. Litvintseva, G. P., Petrov, S. P. (2019). Theoretical foundations of interaction between digital transformation and the quality of life of the population. Journal of Economic Theory, 16(3), 414–427. (In Russ.)
6. Potebnya, A. A. (2023). Simvoly i mify. Izbrannye raboty = Symbols and myths. Selected works. Moscow: Yurait Publishing House. (In Russ.)
7. Ryabkov, V. M. (2020). Maslenitsa in the historiography of socio-cultural activities. Ethnic culture, 2(3), 42–51. (In Russ.)
8. Veselovsky, A. N. (1989). Istoricheskaja pojetika = Historical poetics. Moscow: Higher School. (In Russ.)
9. Piotrovsky, A. (1969). Teatr. Kino. Zhizn' = Theater. Movie. Life. Leningrad: Art. (In Russ.)
10. Lavrikova, I. N. (2011). A brief excursion into the theory of the holiday. Bulletin of Chelyabinsk State University. Philosophy. Sociology. Cultural studies, 20, 74–78. (In Russ.)
11. Fraser, J. (2022). The Golden bough. Studies of magic and religion. Translated from English. Moscow: ABC. (In Russ.)

12. Bakhtin, M. M. (2021). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekov'ja i Rennsansa* =The work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: ABC. (In Russ.)
13. Stozhko, D. K., Stozhko, K. P. (2023). Holiday culture in modern conditions: the main vectors of development. *Concept: philosophy, religion, culture*, 7(2), 138–150. (In Russ.)
14. Zharkova, A. D., Chizhikova, V. M. (Eds.) (1998). *Kul'turno-dosugovaja dejatel'nost': uchebnik* = Cultural and leisure activities: textbook (1998). Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj universitet kul'tury. (In Russ.)
15. Oparina, N. A., Levina, I. D., Kaitanjyan, M. G. (2018). Educational significance of family holidays. *Problems of modern education*, 4, 172–180. (In Russ.)
16. Berdnik, T. O., Stytsenko, A. (2024). Holiday as an effective factor of social evolution. *Scientific almanac of the Black Sea region countries*, 10, 14–18. (In Russ.)
17. Burmenskaya, D. B. (2010). Philosophical analysis of the social essence of the holiday. *In the world of science. Discoveries*, 4(5), 48–50. (In Russ.)
18. Zhigul'sky, K. (1985). *Prazdnik i kul'tura* = Holiday and culture. Moscow: Progress. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончарова Ирина Валентиновна

доктор исторических наук, доцент
ведущий научный сотрудник НИИ государственной политики и управления отраслевой экономики
Государственный университет управления

Пушкарева Наталья Николаевна

кандидат социологических наук
директор Центра социологических исследований «14–35»
Государственный университет управления

Гуров Григорий Александрович

кандидат экономических наук
доцент кафедры Государственного муниципального управления
Государственный университет управления

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Goncharova Irina Valentinovna

Doctor of History (Dr. habil.), Associate Professor
Leading Researcher at the Research Institute of Public Policy and Management of Sectoral Economics
State University of Management

Pushkareva Natalia Nikolaevna

PhD (Sociology)
Director of the Center for Sociological Research «14-35»
State University of Management

Gurov Grigory Alexandrovich

PhD (Economic Sciences)
Associate Professor of the Department of Public Municipal Management
State University of Management

Статья поступила в редакцию	23.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	04.08.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Проблемы изучения общественного мнения о деятельности полиции в российском обществе

Н. Н. Демидов

Волгоградская академия Министерства внутренних дел России, Волгоград, Россия
demidovnick@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел в российском обществе. Целью данного исследования является анализ различных методологических подходов и методов, применяемых социологами для изучения данной темы. На основе анализа данных социологических опросов, предпринята попытка оценить эффективность применяемых методов сбора и анализа информации. Особое внимание уделяется вопросам достоверности и надежности социологических исследований общественного мнения о работе правоохранительных органов. Автор делает вывод о необходимости комплексного подхода к изучению общественного мнения, сочетающего количественные и качественные методы, для обеспечения более полного и объективного анализа отношения населения к деятельности полиции.

Ключевые слова: общественное мнение, доверие, социологические исследования, полиция

Для цитирования: Демидов Н. Н. Проблемы изучения общественного мнения о деятельности полиции в российском обществе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 133–139.

Original article

Problems of Studying Public Opinion about Police Activities in Russian Society

Nikolay N. Demidov

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia
demidovnick@yandex.ru

Abstract. The article discusses the current problems of studying public opinion about the activities of internal affairs agencies in Russian society. The purpose of this study is to analyze various methodological approaches and methods used by sociologists to study this topic. Based on the analysis of data from sociological surveys conducted, including by the author of the publication, an attempt is made to assess the effectiveness of the methods used to collect and analyze information. Special attention is paid to the issues of reliability and reliability of sociological research of public opinion on the work of law enforcement agencies. The author concludes that there is a need for an integrated approach to the study of public opinion, combining quantitative and qualitative methods, to ensure a more complete and objective analysis of the public's attitude to police activities.

Keywords: public opinion, trust, sociological research, police

For citation: Demidov, N. N. (2024). Problems of studying public opinion about police activities in Russian society. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social sciences, 4(857), 133–139. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Общественное мнение играет ключевую роль в эффективном функционировании полиции в современном российском обществе. Закон РФ «О полиции» напрямую декларирует это положение. В ст. 9 данного закона закреплена роль общественного мнения в деятельности полиции. Однако изучение общественного мнения о деятельности органов внутренних дел сопряжено с рядом трудностей, вызванных сложными задачами в свете вызовов и проблем, с которыми сталкиваются органы внутренних дел России в современных условиях нестабильности, переживаемых российским обществом. Актуальность данного исследования обусловлена не только необходимостью оценки эффективности методов и подходов, применяемых полицией, но значимостью определения уровня доверия населения к правоохранительным органам и выявления областей, требующих улучшения в работе полиции. И хотя существует достаточно большое количество публикаций на данную тему, актуальность исследования проблем, связанных с изучением общественного мнения о деятельности ОВД сохраняется.

Анализ научных статей в базах данных РИНЦ позволяет выделить несколько ключевых идей, связанных с проблемами изучения общественного мнения россиян о деятельности полиции.

Так в большинстве публикаций отмечается сложность определения и измерения общественного мнения о полиции. Ряд авторов, исследующих данную проблему, подчеркивают сложную и многоаспектную природу общественного мнения, подверженную воздействиям социальных, культурных и политических факторов. В связи с этим обращают внимание на необходимость учета социально-экономических факторов, таких как уровень преступности, материальное положение граждан, уровень безработицы и другие параметры, связанные с социальным контекстом [Зуева, Демидов, 2022].

Также важной идеей, представленной в литературе, является роль общественности и ее участие в формировании общественного мнения о полиции. В ряде публикаций отмечается значимость активного участия общественных организаций, общественных советов при правоохранительных органах, различных форумов и других форм диалога для эффективной оценки населением деятельности правоохранительных органов и в том числе полиции [Демидов, Зуева, 2021].

Анализируя статьи, отражающие различные подходы к изучению рассматриваемой проблемы, обнаруживается достаточно устойчивое мнение авторов о недостатке систематических научных

исследований, посвященных изучению общественного мнения о деятельности органов внутренних дел в российском обществе. В частности, многими авторами подчеркивается необходимость более тщательно обращать внимание на проблему достижения достоверности социологических исследований общественного мнения о полиции. В связи с этим рассматриваются проблемы методологии социологических исследований, обсуждаются методы сбора и анализа данных, проверяются гипотезы о надежности и достоверности полученных результатов. Так, например, в статье Ю. В. Латова, А. Л. Ситковского, С. Г. Костина рассматривается проблема валидности социологических исследований общественного мнения о деятельности полиции, отмечается, что данные различных опросов часто не согласуются между собой и их достоверность находится под вопросом [Латов, Ситковский, Костин, 2021]. Авторы сопоставили результаты мониторингов, которые проводятся территориальными органами внутренних дел МВД России и Федеральной службой охраны России и обнаружили серьезные расхождения в результатах социологических исследований, проведенных данными организациями по вопросам оценки деятельности полиции и доверия к ней. Авторы пришли к выводам о необходимости совершенствовать систему опросов населения в регионах.

В другой статье А. Л. Ситковского и Ю. В. Латова указывается на противоречия между оценками деятельности органов внутренних дел (полиции), формируемыми общественным мнением, и оценками, полученными по ведомственным критериям [Латов, Ситковский, 2021]. Рассматривая конкретную ситуацию, сложившуюся в 2018 году в Челябинской области, когда ГУ МВД России данного региона по ведомственным показателям заняло одно из первых мест, но по данным опроса общественного мнения оказалось на последнем, авторы приходят к выводу, что опросы общественного мнения, проводимые территориальными органами внутренних дел могут отражать в большей степени социальную напряженность в регионе, нежели отношение к полиции. Авторы отмечают, что подобные противоречия могут негативно сказываться на взаимодействии полиции и общества, поскольку ведомственные показатели не всегда в полной мере отражают восприятие работы правоохранительных органов населением. Этот вывод авторы публикации экстраполируют на социологические опросы о работе полиции в целом по стране.

Интерес представляет публикация Т. М. Бортовой, Ю. Н. Мазаева, О. В. Яковлева, В. Б. Фролова, в которой проанализированы данные социологических исследований общественного мнения

о деятельности полиции при помощи инновационных методов и процедур анализа эмпирической информации [Бормотова и др., 2022]. В статье рассматривается специфика формирования выборочной совокупности опрашиваемого населения и возможности использования методов количественной оценки отношения населения к органам внутренних дел, адаптированных к исследованию общественного мнения о полиции.

Для анализа данных мониторинговых исследований общественного мнения часто применяются методики, связанные с вычислением индекса общественных настроений, которые позволяют получить комплексное представление об оценке жителями деятельности полиции. Такая информация является важной для руководства правоохранительных органов, поскольку дает возможность своевременно выявлять проблемные зоны в работе и разрабатывать научно обоснованные управленческие решения, направленные на повышение общественного доверия к полиции [Дементьева, 2014].

Проанализированные публикации показывают, что существует несколько подходов к улучшению валидности социологических исследований общественного мнения о полиции, включая совершенствование методов выборки, инструментария опроса, расширения выборки респондентов и т. д.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Одной из ключевых методологических проблем изучения общественного мнения о деятельности полиции является обеспечение репрезентативности выборки. Это связано со спецификой взаимодействия граждан с правоохранительными органами, которая имеет ярко выраженные социально-демографические и территориальные различия. Так, опыт взаимодействия с полицией и оценка ее деятельности может существенно различаться в зависимости от пола, возраста, уровня образования, доходов населения. Например, молодежь и жители крупных городов, как правило, имеют более критичное отношение к работе полиции, в то время как пожилые люди и сельские жители демонстрируют более лояльные установки. Кроме того, оценки граждан зависят от их личного опыта позитивных или негативных контактов с правоохранительными органами.

Трудности в охвате респондентов с разнообразным опытом взаимодействия с полицией создают риски систематических смещений в получаемых данных. Так, выборка может быть смещена

в сторону лиц, имеющих более негативный опыт взаимодействия с полицией или, напротив, в сторону тех, кто либо имеет положительный опыт контактов с представителями органов внутренних дел, либо позитивную информацию из СМИ.

Для преодоления данной проблемы и обеспечения должной репрезентативности выборки можно использовать комбинированные стратегии отбора респондентов, сочетая вероятностные и целевые методы, что позволяет достичь необходимого баланса между различными социальными группами и обеспечить более полный охват мнений граждан о деятельности полиции.

Другой важной проблемой в изучении общественного мнения о деятельности органов внутренних дел является обеспечение валидности и надежности социологических данных. Факторами, снижающими объективность и достоверность результатов, не редко выступают такие, как использование исследовательских методов, характеризующихся субъективностью формирования выборочной совокупности и подверженность искажениям данных из-за социальной желательности ответов респондентов на вопросы анкеты. Данная проблема особенно обостряется в ситуации, когда наиболее активная и конфликтно настроенная часть населения остается за пределами выборки. Игнорирование данной категории респондентов способно привести к значительным систематическим смещениям в оценке общественного мнения. Показательным примером могут служить исследования, которые проводятся с 1994 года ежегодно среди населения Волгограда социологической группой Волгоградской академии МВД России, в которых значительная часть предполагаемых респондентов отказывается от участия в опросах. Как правило, эта группа населения, наиболее критично настроенная по отношению к органам правопорядка, оказывается неохваченной в ходе сбора эмпирических данных. Это, в свою очередь, повышает риск искажения итоговых результатов. Кроме того, на оценку деятельности правоохранительных органов влияют региональные и ситуативные факторы. Оценки гражданами работы правоохранительных структур могут значительно варьироваться в зависимости от территориального контекста и актуальной социально-политической обстановки что затрудняет экстраполяцию результатов отдельных локальных опросов на более широкие совокупности.

Также проблемой является репрезентация латентных установок респондентов. Открытые опросы не всегда позволяют выявить глубинные, менее артикулированные установки и мотивы респондентов по отношению к полиции. Формулировка вопросов в анкетах также может влиять на

результаты опроса. Широко используемые прямые вопросы типа «Доверяете ли Вы полиции?» позволяют получить четкое представление уровня доверия населения полиции. Вместе с тем такая постановка вопроса может оказывать субъективирующее воздействие на респондентов, склоняя их к социально желательным ответам. Это обусловлено стремлением большинства людей соответствовать общепринятым социальным нормам, в которых лояльное отношение к правоохранительным органам рассматривается как одобряемое.

Для минимизации эффекта социальной желательности целесообразно использовать в анкетах дополнительно косвенные формулировки, ориентированные на выявление установок и паттернов поведения респондентов в отношении правоохранительной системы. Комплексное применение разнообразных методических приемов позволяет повысить достоверность и объективность социологических данных.

Об этом свидетельствуют результаты очередного социологического исследования, которое было проведено в Волгограде в 2022 году. В нем были рассмотрены вопросы отношения населения к полиции, оценка ее деятельности, уровень доверия различным правоохранительным институтам. Отдельный блок вопросов был посвящен проблемам достоверности результатов мониторинга и отношения респондентов к опросам о полиции. Опрос населения проводился методом формализованного интервью и носил выборочный характер. В опросе участвовали 680 респондентов (324 мужчины – 47,6 %, 356 женщин – 52,4 %). Общая демографическая характеристика выборки соответствовала генеральной совокупности.

Одной из задач социологического исследования было определение уровня доверия полиции. Для выполнения данной задачи в анкете был поставлен ряд вопросов, которые могли бы прояснить, как население города относится к деятельности сотрудников полиции. Отвечая на прямой вопрос: «Насколько Вы доверяете местным органам внутренних дел (полиции) в обеспечении Вашей личной и имущественной безопасности?» значительное большинство респондентов (70,6 %) высказали доверие полиции в той или иной мере. Не доверие полиции высказали 20,5 % и 9,1 % затруднились высказать свое мнение.

Дополнительно в анкете был поставлен косвенный вопрос, который также мог бы помочь определить уровень доверия полиции: «Как Вы думаете, Ваши знакомые доверяют правоохранительным органам?» На этот вопрос утвердительно ответило 61,2 % и отрицательно – 28,3 %, т. е. с точки зрения респондентов уровень доверия

к правоохранительным органам их знакомых почти на 10 % ниже, чем по данным, которые мы получили при анализе прямого вопроса о доверии.

Анализ результатов измерения доверия граждан к органам внутренних дел с помощью прямого вопроса «Доверяете ли вы местным органам полиции?» и косвенного вопроса «Как Вы думаете, Ваши знакомые доверяют правоохранительным органам?» выявил значительное расхождение. Как показано в таблице 1, уровень доверия, рассчитанный на основе ответов на прямой вопрос, составил 50,6 %. В то время как индекс доверия, полученный по итогам косвенных вопросов, оказался на 17,9 %, ниже – всего 32,7 %.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОСЫ (в %)

Варианты ответа	Прямой вопрос	Косвенный вопрос
Да	32,4	23,8
Скорее да, чем нет	38,5	37,2
Скорее нет, чем да	14,9	17,6
Нет определенно	5,4	10,7
Затрудняюсь ответить	9,1	10,4
Всего:	103,0	99,7

Это существенная разница может указывать на то, что респонденты склонны оценивать уровень доверия окружающих более критично, чем свой собственный. В определенной мере это может также свидетельствовать о более критичном восприятии уровня доверия в обществе по сравнению с личной оценкой. Но возможно и другое объяснение этого обстоятельства. Это различие может быть вызвано стремлением респондентов давать более «социально желательные» ответы на прямые вопросы о доверии к полиции. То есть они стремятся продемонстрировать более позитивное отношение, чем оно есть на самом деле. Косвенный вопрос в этом случае позволяет в некоторой степени избежать этого эффекта и приблизиться к более реалистичной картине общественных настроений.

Данные результаты исследования важны для понимания реальной ситуации с доверием к полиции. Они показывают, что прямые вопросы могут давать некоторое завышение уровня доверия, и необходимо использовать дополнительные методы, такие как косвенные вопросы, для

Социологические науки

получения более объективной картины. Данные косвенного вопроса показывают, что реальный уровень доверия к правоохранительным органам может быть ниже, чем тот, который демонстрируют ответы на прямой вопрос. Это обстоятельство важно учитывать при анализе общественных настроений в отношении полиции.

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДА К СОЦИОЛОГИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Помимо вопросов об уровне доверия к правоохранительным органам, в анкету были также включены вопросы, касающиеся отношения респондентов к социологическим исследованиям в данной сфере. Включение вопросов об оценке результатов социологических опросов об уровне доверия к правоохранительным органам позволило получить важные дополнительные данные для анализа и интерпретации полученных результатов. В частности, респондентам был задан вопрос: «Как Вы думаете, могут ли социологические исследования дать подлинную картину об уровне доверия правоохранительным органам?» Ответы на этот вопрос демонстрируют довольно высокий уровень доверия граждан к возможностям социологической науки в плане объективного отражения общественных настроений.

Большинство респондентов (62,1 %) считают, что социологические опросы способны отразить объективную картину отношения населения к органам внутренних дел. Так, 19 % дали полностью утвердительный ответ, а еще 43,1 % отметили вариант «Скорее да, чем нет». Лишь 24 % ответили, что социологические исследования вряд ли могут дать подлинную картину, и только 2 % полностью отвергают возможность такого рода определения общественного мнения. Эти данные значимы, поскольку они свидетельствуют о том, что для большинства респондентов важны результаты социологических исследований в этой сфере, что позволяет с большей уверенностью интерпретировать полученные в ходе опроса оценки доверия к правоохранительным органам как достаточно репрезентативные и отражающие реальные общественные настроения.

Дополнительно был поставлен контрольный вопрос: «Как Вы думаете, в современных условиях, ответы на вопросы о доверии и не доверии правоохранительным органам отражают подлинное отношение населения к этим организациям?» И на этот вопрос были получены сходные результаты – 68,7 % респондентов считают, что граждане отвечают искренне на вопросы интервьюеров. Причем

32,2 % респондентов дали полностью утвердительный ответ и еще 36,5 % отметили вариант ответа «Скорее да, чем нет». И только 8 % думают, что граждане скрывают свое подлинное отношение к полиции (см. табл. 2).

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ

Варианты ответа	Первый вопрос	Второй вопрос
Да	19,1	32,2
Скорее да, чем нет	43,1	36,5
Скорее нет, чем да	24,1	17,4
Нет определенно	2,2	8,1
Затрудняюсь ответить	11,5	5,8
Всего:	100,0	100,0

Вместе с тем наличие хотя и небольшой, но всё же существенной доли респондентов (порядка 30 %), скептически оценивающих возможность получения подлинной картины с помощью социологических опросов, указывает на необходимость комплексного подхода к изучению данной проблематики. Использование наряду с количественными методами также качественных исследований (фокус-групп, глубинных интервью и т. п.) позволит более полно понять особенности восприятия гражданами деятельности органов внутренних дел и верифицировать результаты, полученные в ходе массовых опросов.

Респондентам был также задан вопрос о том, как они бы ответили, если бы к ним обратились представители социологических служб (ВЦИОМ, ФОМ и др.) с вопросами о доверии правоохранительным органам. Полученные ответы распределились следующим образом: 48,2 % заявили, что будут полностью откровенны; 27,5 % респондентов ответили, что будут отвечать в основном откровенно; 11,9 % – в зависимости от вопроса; 5,7 % заявили, что будут отвечать на некоторые вопросы, так как от них ожидают; 6 % – отказались бы участвовать в опросе.

Данные результаты свидетельствуют о наличии значительной доли граждан, склонных к социально желательным ответам или уклонению от прямых вопросов в ходе опросов о доверии к полиции, что еще раз подчеркивает необходимость применения различных методических приемов при проведении социологических измерений

в данной сфере. Только такой комплексный подход может обеспечить более адекватное отражение реального уровня доверия граждан к правоохранительной системе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование демонстрирует ряд важных особенностей и проблем, с которыми сталкиваются социологи при изучении общественного мнения о деятельности органов внутренних дел в современной России. Эти аспекты необходимо учитывать для получения достоверных и репрезентативных результатов, позволяющих выработать управленческие решения в сфере повышения эффективности работы полиции и доверия к ней со стороны граждан.

Одной из основных проблем, на наш взгляд, является обеспечение объективности и достоверности получаемых результатов социологических опросов. Как показывают данные проведенного социологического исследования, респонденты могут давать «социально одобряемые» ответы на прямые вопросы о доверии полиции, что приводит к некоторому завышению оценок деятельности органов внутренних дел в сравнении с косвенными методами изучения этих вопросов. Это свидетельствует о необходимости использования комплексного подхода, сочетающего различные

методы сбора информации, способные нивелировать подобные искажения.

Для решения вышеназванных проблем необходимо предпринять комплекс последовательных шагов. Прежде всего, продолжить поиски новых более совершенных методик и инструментариев изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел, способных обеспечить высокую степень объективности и достоверности получаемых данных.

Кроме того, целесообразно создать единую базу данных, в которую входили бы результаты большинства проводимых исследований в этой области, что позволит получать более полную, сопоставимую и непротиворечивую информацию. Важно организовать профессиональное сообщество социологов, занимающихся исследованиями данных проблем, для обмена опытом, а также данными исследований и современными методиками проведения и анализа результатов исследований.

Реализация предложенных мер будет способствовать повышению качества и достоверности социологических исследований в данной сфере, что, в свою очередь, создаст более прочную основу для разработки управленческих решений, направленных на улучшение работы полиции и повышение уровня доверия к ней со стороны граждан – важнейшему правоохранительному институту современного общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зуева О. В., Демидов Н. Н. Доверие граждан к полиции в современной России: актуальное состояние и анализ факторов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2022. Вып. 2 (847). С. 144–150.
2. Демидов Н. Н., Зуева О. В. Общественный контроль глазами населения и сотрудников органов внутренних дел (социологический анализ) // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2021. № 1. С. 325–327.
3. Латов Ю. В., Ситковский А. Л., Костин С. Г. Сравнение исследований общественного мнения о деятельности полиции на региональном уровне: ФСО versus МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 194–206.
4. Ситковский А. Л., Латов Ю. В. Парадоксы оценки российской полиции с помощью опросов общественного мнения // Социологические исследования. 2021. № 2. С. 49–56.
5. Бормотова Т. М. [и др.]. Основные методические приемы изучения общественного мнения о деятельности полиции в российских и зарубежных исследованиях / Т. М. Бормотова, Ю. Н. Мазаев, О. В. Яковлев, В. Б. Фролова // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. № 1 (142). С. 63–70.
6. Дементьева И. Н. Использование индексного метода в социологических исследованиях ИСЭРТ РАН // Вопросы территориального развития. 2014. № 9 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-indeksnogo-metoda-v-sotsiologicheskikh-issledovaniyah-isert-ran>

REFERENCES

1. Zueva, O. V., Demidov, N. N. (2022). Citizens' trust in the police in modern Russia: current state and analysis of factors. *Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*, 2(847), 144–150. (In Russ.)
2. Demidov, N. N., Zueva O. V. (2021). Public control through the eyes of the population and police officers (sociological analysis). *Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia. Legal science and practice*, 1(38), 325–327. (In Russ.)
3. Latov, Y. V., Sitkovskiy, A. L., Kostin S. G. (2021). Comparison of public opinion research on police activities at the regional level: Federal Protection Service versus Ministry of Internal Affairs of Russia. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2(58), 194–206. (In Russ.)
4. Sitkovsky, A., Latov, Y. (2021). Paradoxes of the Russian Police Assessment in the Public Opinion Polls. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2, 49–56. (In Russ.)
5. Bormotova, T. M. et al. (2022). Basic Methodological Techniques for Studying Public Opinion About Police Activities in Russian and Foreign Studies. T. M. Bormotova, Yu. N. Mazaev, O. V. Yakovlev, V. B. Frolova. *Social'nayapolitika i sociologiya [Social Policy and Sociology]*, 21(1), 63–70. (In Russ.)
6. Dement'eva, I. N. (2014). Using an index method in isedt ras sociological research. *Territorial development issues*, 9(19), 1–13. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демидов Николай Николаевич

кандидат философских наук

профессор кафедры философии

Волгоградской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demidov Nikolay Nikolaevich

PhD

Professor at the Department of Philosophy

Volgograd Academy of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	23.07.2024	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	04.08.2024	
принята к публикации	06.08.2024	

Научная статья
УДК 378:159.923

Профессиональная идентичность: сущностные и междисциплинарные основания для анализа

И. С. Салихова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
irasalikhova@list.ru

Аннотация: Термин «профессиональная идентичность» находится на стыке наук, так как существуют различные подходы к его пониманию: психологический, философский, социологический и др. В статье предпринята попытка систематизировать существующие научные подходы, как в зарубежных, так и отечественных исследованиях.

Ключевые слова: идентичность, профессиональная идентичность, профессия, виды идентичности, идентификация, обзор литературы

Для цитирования: Салихова И. С. Профессиональная идентичность: сущностные и междисциплинарные основания для анализа // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 140–147.

Original article

Professional Identity: Essential and Interdisciplinary Base for Analysis

Irina S. Salikhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
irasalikhova@list.ru

Abstract: The term “professional identity” is at the intersection of sciences, as there are different approaches to its understanding: psychological, philosophical, sociological, etc. In the article we tried to systematize the existing scientific approaches, both in foreign and Russian papers.

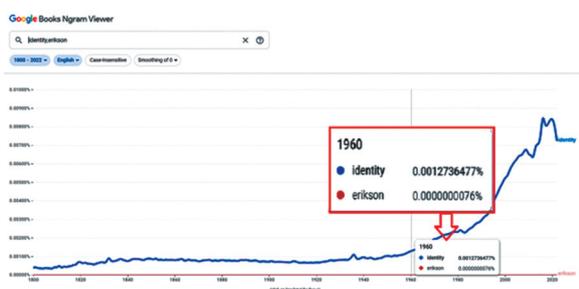
Keywords: identity, professional identity, profession, types of identity, identification, literature review

For citation: Salikhova, I. S. (2024). Professional identity: essential and interdisciplinary base for analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(857), 140–147. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Целью статьи является попытка поиска и систематизации существующих научных подходов к пониманию феномена профессиональной идентичности в зарубежных и отечественных исследованиях.

Понятие «идентичность» широко используется в современной науке и находится на стыке различных дисциплин, хотя его появление связывается с психологией. Термин становится популярным после появления работ американского психолога Эрика Эриксона в 1950-х годах. Это подтверждается данными сайта Google Books Ngram Viewer, который является инструментом для визуализации частоты использования слов в книгах, т. е. таким образом можно отследить первые упоминания слов. Согласно рисунку 1, с 1960-х годов частота использования термина «идентичность» начинает возрастать наравне с фамилией американского психолога.

Рис. 1. Частота упоминания слова «идентичность» по годам¹

В книге «Childhood and society» («Детство и общество») он подчеркивает социальную значимость детства, создавая концепцию «кризиса идентичности». Согласно данной концепции жизнь человека можно разделить на восемь стадий развития, в каждой из которой он переживает внутренний конфликт. Так, на определенной стадии, когда ребенку 6–12 лет, он ищет свою идентичность, взаимодействуя со сверстниками и сравнивая себя с другими [Erikson, 1987].

Английский психолог Анри Тэшфел в своей теории самокатегоризации рассматривает идентичность через осознание человеком своей принадлежности к группе и его роли в ней, также большое внимание уделяется признанию и значимости личности внутри общности [Tajfel, Turner, 1986].

В российской психологии идентичность связана с «Я»-концепцией, например, М. В. Заковоротная утверждает, что идентичность представляет собой модель жизни, разделяющей мир на противоположные полюса: «Я» и окружающую действительность или внешний и внутренний мир человека [Заковоротная, 1999].

В психологическом словаре «идентичность» понимается как «ситуативное уподобление (как правило, неосознанное) себя значимому другому (например, родителю) как образцу на основании эмоциональной связи с ним»².

Л. Б. Шнейдер, наоборот, говорит, что идентичность – динамичная структура, которая постоянно развивается и претерпевает изменения в течение жизни человека, «причем развитие – это неравномерно, определяется сильным стремлением личности к обретению идентичности и разрушительностью последствий ее утраты для человека» [Шнейдер, 2007].

При наличии множества подходов к определению идентичности, в большинстве из них можно выделить следующие сущностные признаки этого понятия:

- осознание (соотнесение) себя с другим;
- признание личности в группе;
- человек как часть группы / системы.

С понятием идентичность тесно связано понятие идентификации. Прежде всего, стоит отметить, что «идентичность и идентификация – это явления социокультурного ряда, обусловленные формированием осознанной принадлежности к тому или иному сообществу, объединенному определенными коллективными ценностными представлениями» [Лошкарева-Имгрунт, 2013, с. 2].

В социологии под идентичностью понимается особая категория, посредством которой индивид, являясь частью множества социальных групп, приобретает, а впоследствии усваивает ценности, нормы, традиции и идеалы³. Российский социолог А. И. Кравченко определяет идентификацию через «отождествление друг друга и себя с определенной культурной категорией, социальными символами, территорией, статусом, ценностями, исполняемой ролью и т. п.» [Кравченко, 2010, с. 121]. Таким образом, идентичность представляет собой процесс становления нового «Я», в то время как идентификация – это уже результат усвоения всех норм, ценностей, идеалов, образцов поведения, то есть это сформированное «Я».

¹Identity and Erikson. Google books ngram viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=identity%2C+erikson&year_start=1800&year_end=2022&corpus=en&smoothing=0

²Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. изд. 3-е. С.-Петербург: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. С. 168.

³Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 1999.

Формирование идентичности представляет собой долгий процесс, который может продолжаться даже на протяжении всей жизни индивида, в то время идентификация заключается в поиске модели ориентации. Такого рода ориентация помогает отождествлять себя с другими членами группы или общества посредством усвоения определенных моделей поведения, норм, ценностей, принятых людьми.

Идентичность может быть социальной, гендерной, культурной, личностной, религиозной, политической, этнической и др., но мы сосредоточим внимание на идентичности профессиональной.

Термин «профессиональная идентичность» (далее ПИ) получил широкое употребление в медицине, менеджменте, психологии, социологии и т. д.

Во французском языке появление термина «профессиональная идентичность» (“*identité professionnelle*”) датируется 1919 годом¹ в «Вестнике законов Французской Республики» («*Bulletin des lois de la République française*»). Данный термин использовался в трудовой сфере в словосочетании «*la carte d'identité professionnelle*», т. е. карточке, удостоверяющей личность рабочего в сфере торговли или даже путешественника².

В американской науке впервые термин был использован намного позже в 1976 году³ в монографии «*The Professional Education of Human Services Personnel*» («Профессиональное образование персонала служб человеческих ресурсов») и интерпретировался уже с точки зрения профессии. Авторы указывают, что существуют так называемые проблемы человеческих ресурсов, одной из которых как раз является профессиональная идентичность. Люди тратят много времени и денег, чтобы достигнуть определенного этапа в жизни и стать профессионалом в выбранной области. Так, например, достигая высокой должности, человек вряд ли захочет выбрать менее престижную; он, скорее, будет делиться своим опытом и взаимодействовать с другими равными членами сообщества [Chenault, Mermis, 1976].

В России первое упоминание исследуемого термина зафиксировано в книге психолога Светланы Джексон «За кадром. О скрытой работе нашей

психики», изданной в 1991 году⁴. Однако понятие получило широкое распространение в науке благодаря трудам Л. Б. Шнейдер, которая не только подробно изучила данный феномен, но выделила пять типов ПИ: преждевременная, диффузная, мораторий, достигнутая и псевдоидентичность. Также она отмечает, что проблемы идентичности до 1970-х годов широко не изучались в гуманитарных науках и к ним начали обращаться чуть позже в виду обострения проблем личностного роста, что и подтвердилось в рамках анализа сайта Google Books Ngram Viewer.

В самом общем виде под профессиональной идентичностью обычно понимается длительный процесс профессионального становления индивида и принятие им своей профессии с учетом ее принципов, правил, норм, должностных обязанностей, а также вовлечение в профессиональное сообщество, в то время как идентификация является результатом данного процесса.

МЕТОДИКА

Поиск литературы осуществлялся в электронных базах: ResearchGate, Scholar Google и Cyber Leninka. В запросе использовались ключевые слова и формулировки на английском, французском и русском языках по данной тематике: *professional identity, professional identification, professional identity of teachers, professional identity of educators, professional identity of students, professional identity in education (system), identité professionnelle, профессиональная идентичность, профессиональная идентичность педагогов / учителей / преподавателей, профессиональная идентичность студентов, профессиональная идентичность в образовании*. Важно отметить, что предпочтение отдавалось публикациям за последние 5–7 лет, также учитывались цитируемость и заинтересованность читателей в статьях. Для сравнения с современными подходами к пониманию профессиональной идентичности приводились примеры более ранних исследований.

ИССЛЕДОВАНИЕ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» В ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

В зарубежных исследованиях профессиональная идентичность изучается с различных точек зрения ввиду заложенной в этом термине

¹Identité professionnelle. Google books ngram viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=identité+professionnelle&year_start=1800&year_end=2022&corpus=fr&smoothing=0&case_insensitive=false

²Bulletin des lois de la République française. (1919). Imprimerie nationale. Pp. 4021. URL: https://www.google.ru/books/edition/Bulletin_des_lois_de_la_République_fran/iTEtAAAAYAAJ?hl=ru&gbpv=0&bsq=%22identité%20professionnelle%22

³Professional identity. Google books ngram viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=professional+identity&year_start=1800&year_end=2022&corpus=en&smoothing=0

⁴Профессиональная идентичность. Google books ngram viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=профессиональная+идентичность&year_start=1800&year_end=2022&corpus=ru&smoothing=0&case_insensitive=false

междисциплинарности. Например, ряд работ посвящен сфере здравоохранения – медсестрам и психологам (уходу за больными и консультированию по психологическим вопросам). Большое число работ связано с образованием, в частности с процессом становления профессиональной идентичности учителей, которые только начинают свой путь, или студентов, испытывающих трудности во время учебы и переживающих кризис своей профессиональной идентичности.

В сфере образования акцент делается на процесс формирования и становления индивида как профессионала, способного качественно и компетентно выполнять свои обязанности. Объектами исследования зарубежных ученых выступают студенты или учителя (преподаватели), которые только получили новый социальный статус «студента» и «педагога» или, испытывающие трудности в процессе образовательной и педагогической деятельности.

Так, например, при исследовании учителей-наставников (человек, который помогает ученикам выбрать будущий университет и соответствующие программы обучения, в зависимости от его запросов и знаний), которые являются связующим звеном между школами и университетами, норвежские ученые пришли к выводу, что школьный климат, индивидуальные представления о своей роли и сотрудничество с университетом предопределяют развитие ПИ учителя-наставника [Andreasen, Bjørndal, Kovac, 2019].

Немецкий исследователь, Эрих Рихтер, считает, что профессиональная идентичность педагогов-воспитателей может быть связана с качеством непрерывного профессионального развития учителей, так как важными компонентами их ПИ являются убеждения, удовлетворенность работой и самоэффективность [Richter, Brunner, Richter, 2021].

Другой подход к исследованию профессиональной идентичности заключается в понимании данного феномена как чувства ответственности и приверженности или лояльности по отношению к организации в нашем случае университету [Jianguang, Jiayong, 2023]. Профессиональная идентичность также может подразумевать под собой то, как педагог представляет себя в глазах коллег и как он себя соотносит с профессиональным сообществом преподавателей [Ngan, Hercz, Thong, 2021].

Для сравнения, Д. Бейжард подчеркивал важность восприятия учителями различных компонентов своей профессиональной идентичности, например, таких как предмет, который они ведут, и взаимодействие с другими учениками и учителями [Beijaard, Meijer, Verloop, 2004]. По мнению авторов, учет мнения педагогов в значительной степени может облегчить образовательный процесс.

При исследовании ПИ студентов важное место отводится роли учебной и производственной практики, т. е. этапу, когда будущие выпускники начинают применять полученные во время учебы практические навыки и умения в реальных условиях и формировать свое отношение к профессии. Нельзя не согласиться с тем, что в процессе обучения в университете у студента складываются определенные ценности, убеждения, представления касательно профессии, однако сам процесс формирования ПИ складывается на практике. Отмечается также, что ПИ студентов связана с ценностями профессии и взаимодействием с коллегами на рабочем месте, в ходе которого они могут менять свое поведение и приобретать новые навыки, являясь членами профессионального сообщества [Matthews, Bialocerkowski, Molineux, 2019].

В исследованиях французских ученых ПИ в целом связана с пониманием своей роли (например, преподавателя) и своей деятельности (что и как должно преподаваться) [Goyette, Martineau, 2018]. Другие авторы считают, что профидентичность может быть многоуровневой, так как включает в себя не только социальную, личную и культурную идентичности, но и проявляется в действиях индивида [Behra et al., 2024.].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в зарубежных исследованиях профессиональная идентичность рассматривается через понятие «профессии» и ее ценностей, оказывающих непосредственное влияние на становлении человека как высококвалифицированного специалиста. Акцент также делается на лояльности к учебной организации и взаимодействию с другими представителями профессионального сообщества.

Важно отметить, что в западных исследованиях упор делается на роль индивида в трудовой процессе (качественное исполнение своих обязанностей, важность самосовершенствования и саморазвития, применение умений и навыков на практике) и на его «внутренний мир» (приверженность, лояльность к организации, взаимодействие с другими представителями профессионального сообщества, индивидуальные убеждения и представления о профессии и т. д.).

ИССЛЕДОВАНИЕ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ» В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

В отечественной науке возникает сложность унификации исследуемого понятия, в виду отсутствия единой линии понимания термина. Данное понятие используется в различных науках и, как

следствие, существует множество конструктов внутри проблемы исследования, что приводит к расширению критериев для объяснения феномена.

Н. С. Авдони́на определяет профессиональную идентичность через состояние соответствия личности выбранной профессии, которое является синтезом личностных и важных профессиональных качеств, которые напрямую связаны с профессиональным развитием и самосовершенствованием на эмоциональном, когнитивном и поведенческом уровнях [Авдони́на, 2017].

Согласно Ю. Ю. Стрельниковой, «профессиональная идентичность связана с осознанием своей принадлежности к определенной профессии, принятием ее ценностей и ограничений» [Стрельникова, 2019].

При определении ПИ ряд авторов (Берберян и др.) указывает, что она может включать в себя несколько компонентов: философию профессии, профессиональные знания и умения, профессиональное отношение к работе и своей роли, взаимодействие с коллегами и руководством и поведение профессионального представительства [Берберян и др., 2019].

О. У. Гогицаева рассматривает феномен профессиональной идентичности в совокупности с другими элементами, которые составляют развитие личности – ее профессиональную самооценку, ее профессиональную деформацию и др. Можно предположить, что в этой концепции «важно собственное признание человеком того, что он «педагог», а не уровень опытности в данной профессии» [Гогицаева, 2021].

Например, в психологии профидентичность педагогов определяют через элемент «Я-концепции», который отражает представление личности о себе как профессионале [Разживина, Яковлева, 2022]. Также особую роль играют образцы-эталон, на которые равняется индивид, вступая на новый этап своей жизни [Смоляр, Зоголь, 2021].

В противовес данной точке зрения, социолог Г. И. Чикарова отмечает, что «Я-концепция» является нестабильной; она подвержена изменениям, поэтому подвижна и зависит от контекста. Автор указывает на существование двух таких контекстов: конструктивное (интегрированность учителей в профессиональное сообщество) и деструктивное (трансформация некоторых компонентов профидентичности, которые приведут к уходу из профессии). Наиболее же подвижными элементами ПИ выступают статус профессии и профессиональные стратегии (цифровизация, расширение педагогических компетенций и пр.) [Чикарова, 2021].

В. Н. Мухортова утверждает, что в рамках социологического подхода определяется «интерес к субъекту идентичности как члену определенного общества». Основными частями идентичности

будут выступать: профессия, социальный статус, пол, образовательный уровень и др. [Мухортова, 2015].

Трудно не согласиться с вышеуказанным мнением, так как профидентичность представляет собой долгий и сложный процесс становления индивида внутри профессии; это не только представление личности о себе как профессионале, ключевую роль играет и окружение в виде профессионального сообщества, оказывающее как положительное, так и негативное влияние на педагога. Положительные – направлены на совершенствование.

Наиболее подробно их профессиональную идентичность изучила Л. Б. Шнейдер, предложившая собственную концепцию понимания данного понятия. Психолог отмечает, что важными аспектами процесса становления профессиональной идентичности являются: семейное воспитание (например, трудовые династии), информация о профессиональной принадлежности «значимых других» и об особенностях различных профессий на рынке, а также формирование образа профессии [Шнейдер, 2007]. Также Шнейдер пишет о возможном формировании ложной профессиональной идентичности, формирующейся под влиянием престижа профессии и элитарности профессиональных сообществ.

Говоря о российских исследованиях, необходимо подчеркнуть их междисциплинарность и разносторонность, т. е. профидентичность рассматривается в совокупности элементов: поведенческих, эмоциональных, личностных и пр. В какой-то степени все подходы исходят из психологического понимания личности и ее роли в профессиональной деятельности, что не делается в зарубежных исследованиях.

Мы систематизировали проанализированные подходы в виде таблицы (см. табл. 1).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, важно отметить, что проблема исследования профессиональной идентичности заключается в различных подходах к определению данного феномена. Термин «идентичность» начал использоваться в психологии и впервые вошел в научный оборот благодаря работам Э. Эриксона в 1960-х годах. Тогда термин был связан с тем, как человек представляет себя, отождествляя с другими внутри сообщества. Зачатки термина «профессиональная идентичность» появляются в начале XX века; тогда оно означало документ, удостоверяющий личность работника или путешественника. Однако только в 1976 году понятие уже приобретает более современные черты: ассоциация с профессией, роли человека внутри профессионального

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Критерии	Подход	Социологическо-образовательный	Личностно-психологический
Представители		Дж. К. А. Андреасен, К. Р. Бжорндал, В. Б. Ковак Дж. Чено, В. Л. Мермис, Э. Рихтер, Г. Гу, Г. Чжан, Д. Т. Н. Нган, М. Герц, В. Н. Тонг, Д. Бейжард, П. К. Мейджер, Н. Верлуп, Дж. Меттьюз, А. Биа Matthews, А. Бялоцерковски, М. Молине Н. Гоетт, С. Мартино, С. Бехра, Н. С. Авдонина, А. И. Смоляр, С. Г. Зоголь, Г. И. Чикарова В. Н. Мухортова	Л. Б. Шнейдер, Ю. Ю. Стрельникова, С. В. Емельянова, А. С. Берберян, О. У. Гогицаева, М. И. Разживина, Н. В. Яковлева
Элементы идентичности		<ul style="list-style-type: none"> • Становление человека как профессионала и следование им профессиональной роли • чувство лояльности к организации • соотнесение себя с профессиональным сообществом • процесс взаимодействия с другими педагогами и студентами • статус профессии • преподаваемая дисциплина 	<ul style="list-style-type: none"> • Осознание себя и своей принадлежности к группе • роль признания и значимости индивида • профессиональное развитие личности, которое может привести к деформации или росту • наличие эталонов, образцов поведения • приобретение новых «Я-идентичностей»
Носитель профессиональной идентичности		Преподаватели вузов, школьные учителя, студенты	Преподаватели вузов, студенты
Понимание профессиональной идентичности		Внешний мир человека (взаимодействие с другими социальными группами/сообществами, чувство лояльности)	Внутренний мир человека (эталон, переживание, поведение, признание)

сообщества, особое внимание уделяется его профессиональным умениям и навыкам и процессу становления индивида как профессионала.

В западных исследованиях профессиональная идентичность изучается в нескольких направлениях: медицине, психологии, образовании и др. Основной упор делается в первую очередь на личности, в нашем случае педагогов / учителей и студентов, которые подвержены приобретению «новых Я-идентичностей». Акцентируется внимание на роли индивида в трудовой процессе (качественное исполнение своих обязанностей, важность самосовершенствования и саморазвития, применение умений и навыков на практике) и на его «внутренний мир» (приверженность, лояльность к организации, взаимодействие с другими представителями профессионального сообщества, индивидуальные убеждения и представления о профессии и т. д.).

Ученые рассматривают процессы становления преподавателя, его погружение в педагогическую

деятельность, а у студентов, с точки зрения профессионального сообщества – их выход в трудовую жизнь (прохождение практик).

В отечественной литературе, несмотря на различные подходы к пониманию термина ПИ, существует явное сходство, объединяющее все трактовки – психологическое начало термина. Очевидно, что западные исследователи также опираются на психологические характеристики личности, но в российских статьях идентичность представляет собой более комплексное явление, не выделяющее человека как личность. Профессиональная идентичность – это процесс, на который влияют различные факторы: как уже непосредственно сам человек (делая свой профессиональный выбор), профессиональное окружение. Таким образом, существуют различные системные подходы к изучению феномена профессиональной идентичности: они разнятся в зависимости от наук и носителя ПИ (например, преподавателя / учителя, студента и пр.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Erikson E. H. *Childhood and society*. – L.: Paladin, 1987. Reprint.
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.) // *Psychology of intergroup relations*. 1986. P. 7–24.
3. Заковоротная, М. В. Идентичность человека (Социально-философские аспекты): дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону, 1999.
4. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный университет, 2007.
5. Лошкарева-Имгрунт С. И. «Идентичность» и «идентификация»: семантические грани понятий // *Социально-гуманитарные знания*. 2013. №11. С. 1-7.
6. Кравченко А. И. *Краткий социологический словарь*. М.: Проспект, 2010.
7. Chenault J., Mermis W. L. *The Professional Education of Human Services Personnel*. Washington, D.C.: US Department of Health, Education, and Welfare, Office of Education, 1976.
8. Andreasen J. K. A., Bjørndal C. R., Kovač V. B. Being a teacher and teacher educator: The antecedents of teacher educator identity among mentor teachers // *Teaching and Teacher Education: An International Journal of Research and Studies*. 2019. №85. P. 281-291.
9. Richter E., Brunner M., Richter D. Teacher educators' task perception and its relationship to professional identity and teaching practice // *Teaching and Teacher Education*. 2021. 101(3). P. 1–10. DOI:10.1016/j.tate.2021.103303
10. Jianguang Gu, Jiayong Zhang. Study on the relationship between the professional identity and the work engagement of teachers in private universities // *International journal of innovative research and scientific studies*. 2023. P. 562–569.
11. Ngan D. T. N., Hercz M., Thong V. N. Teachers' Professional Knowledge and their Professional Identity – If they Relate or not? // *International Journal of Childhood Education*. 2021. Vol. 2. № 4. P. 17–31.
12. Beijgaard D., Meijer P., Verloop N. Reconsidering research on teachers' professional identity // *Teaching and Teacher Education*. 2004. Vol. 20. № 2. P. 107–128.
13. Matthews J, Bialocerkowski A., Molineux M. Professional identity measures for student health professionals - a systematic review of psychometric properties // *BMC Med Educ*. 2019. Vol. 19. № 1:308. P. 1–10.
14. Goyette N., Martineau S. Les défis de la formation initiale des enseignants et le développement d'une identité professionnelle favorisant le bien-être // *Phronesis*. 2018. Vol. 7. № 4. P. 4–19.
15. Behra S. et al. L'identité professionnelle de futurs enseignants de l'école primaire au prisme des langues-cultures // *Recherches en didactique des langues et des cultures*. 2024. URL : <http://journals.openedition.org/rdlc/13760>
16. Авдоница Н. С. К вопросу об определении профессиональной идентичности // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2017. № 5 (50). С. 205–209.
17. Стрельникова Ю. Ю., Емельянова С. В. Исследование феномена профессиональной идентичности в различных направлениях психологической науки // *Пенитенциарная наука*. 2019. № 2. С. 257–265.
18. Берберян А. С. [и др.]. Международное исследование профессиональной идентичности педагога / А. С. Берберян, Т. В. Богданова, С. В. Сильченкова, Е. Б. Ермолаева, Н. Т. Варданян // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2019. №3 (47). С. 306–319.
19. Гогицаева О. У. Проблема профессиональной идентичности в психолого-педагогической литературе: теоретический аспект // *ЦИТИСЭ*. 2021. № 4. С. 129–136.
20. Разживина М. И., Яковлева Н. В. Профессиональная идентичность педагога. Анализ современных подходов // *Прикладная юридическая психология*. 2022. № 4(61). С. 131–140.
21. Смоляр А. И., Зоголь С. Г. Внеучебная воспитательная деятельность в развитии профессиональной идентичности будущего учителя // *Самарский научный вестник*. 2021. №3. С. 283-288.
22. Чикарова Г. И. Тенденции трансформации профессиональной идентичности молодых и опытных учителей в крупном российском городе // *Гуманитарий Юга России*. 2021. Т. 11 (50). № 4. С. 92–103.
23. Мухортова В. Н. Особенности социологического подхода к понятию «Профессиональная идентичность» // *Социум и власть*. 2015. № 3 (53). С. 9–13.

REFERENCES

1. Erikson, E. H. (1987). *Childhood and society*. L.: Paladin. Reprint.
2. Tajfel, H., Turner, J. C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel, W. G. Austin (Eds.). *Psychology of intergroup relations* (pp. 7–24).
3. Zakovorotnaya, M. V. (1999). *Identichnost' cheloveka (Social'no-filosofskie aspekty) = Human identity (Socio-philosophical aspects): Senior Doctorate in Philosophy*. (In Russ.)
4. Shnejder, L. B. (2007). *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki = Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnosis*. Moscow: Moscow University of Psychology and Social Sciences. (In Russ)

5. Loshkareva-Imgrunt, S. I. (2013). Identity and identification: semantics of definitions. *Social and humanitarian knowledge*, 11, 1–7. (In Russ.)
6. Kravchenko, A. I. (2010). *Kratkij sociologicheskij slovar' = A short sociological dictionary. Prospekt.* (In Russ.)
7. Chenault, J., Mermis, W. L. (1976). *The Professional Education of Human Services Personnel.* Washington, D.C.: US Department of Health, Education, and Welfare, Office of Education.
8. Andreasen, J. K. A., Bjørndal, C. R., Kovač, V. B. (2019). Being a teacher and teacher educator: The antecedents of teacher educator identity among mentor teachers. *Teaching and Teacher Education: An International Journal of Research and Studies*, 85, 281-291.
9. Richter, E., Brunner, M., Richter, D. (2021). Teacher educators' task perception and its relationship to professional identity and teaching practice. *Teaching and Teacher Education*, 101, 103303, 1–10.
10. Jianguang, Gu, Jiayong, Zhang. (2023). Study on the relationship between the professional identity and the work engagement of teachers in private universities. *International journal of innovative research and scientific studies*, 562–569.
11. Ngan, D. T. N., Hercz, M., Thong, V. N. (2021). Teachers' Professional Knowledge and their Professional Identity – If they Relate or not? *International Journal of Childhood Education*, 2(4), 17–31.
12. Beijgaard, D., Meijer, P., Verloop, N. (2004). Reconsidering research on teachers' professional identity. *Teaching and Teacher Education*, 20(2), 107–128.
13. Matthews, J., Bialocerkowski A., Molineux, M. (2019). Professional identity measures for student health professionals - a systematic review of psychometric properties. *BMC Med Educ*, 19(1), 308, 1–10.
14. Goyette, N. & Martineau, S. (2018). Les défis de la formation initiale des enseignants et le développement d'une identité professionnelle favorisant le bien-être. *Phronesis*, 7(4), 4–19.
15. Behra, S. et al. (2024). L'identité professionnelle de futurs enseignants de l'école primaire au prisme des langues-cultures. *Recherches en didactique des langues et des cultures*. <http://journals.openedition.org/rdlc/13760>
16. Avdonina, N. S. (2017). To the issue of definition of professional identity. *Vestnik of Surgut State Pedagogical University*, 5(50), 205–209. (In Russ.)
17. Strelnikova, Yu., Yu., Emelyanova, S. V. (2019). The study of the phenomenon of professional identity in various areas of psychological science // *Penitentiary Science*, 2, 257–265.
18. Berberyan, A. S. et al. (2019). International study of teacher professional identity. A. S. Berberyan, T.V. Bogdanova, S. V. Silchenkova, E. B. Ermolaeva, N. T. Vardanyan. *Russian Journal of the Humanities*. 19 (3): 306–319. (In Russ.)
19. Gogitsaeva, O. U. (2021). The problem of professional identity in psychological and pedagogical literature: theoretical aspect. *CITISE*, 4, 129–136. (In Russ.)
20. Razzhivina, M. I., Jakovleva, N. V. (2022). Professional identity of the teacher. Analysis of modern approaches. *Applied legal psychology*, 4(61), 131–140. (In Russ.)
21. Smolyar, A. I., Zogol, S. G. (2021). Extracurricular educational activities for prospective teachers' professional identity development. *Samara Journal of Science*, 3, 283–288. (In Russ.)
22. Chikarova, G. I. (2021). Trends in the transformation of the professional identity of young and experienced teachers in a large Russian city. *Humanities of the South of Russia*, 11(50)4, 92–103. (In Russ.)
23. Muchortova, V. N. (2015). Features of the sociological approach to the concept of "professional identity". *Society and Power*, 3 (53), 9–13. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салихова Ирина Сергеевна

аспирант кафедры социологии

Института международных отношений и социально-политических наук

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Salikhova Irina Sergeevna

Postgraduate Student of the Department of Sociology

Institute of International Relations and Social and Political Sciences

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.09.2024
05.11.2024
18.11.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Путь от безысходности до «феномена мирового масштаба»: опыт биографического анализа творческой деятельности Гулрухсор Сафиевой

Х. О. Хушкадамова

*Московский государственный институт международных отношений
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
Союз писателей Таджикистана, Душанбе, Таджикистан
kh.o.khushkadamova@inno.mgimo.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка исследования московского периода биографии известной советской и таджикской поэтессы, видного общественного деятеля Гулрухсор Сафиевой посредством социокультурного анализа. Социокультурный метод предоставляет возможность изучить социальные трансформации, стремительно происходящие в обществе, и определить роль «идеального типа» в них. Автор использует междисциплинарный подход, в частности, сочетая метод социологии и филологии (литература народов мира).

Ключевые слова: Гулрухсор Сафиева, новые страницы биографии, поэзия, персидско-таджикская культура, Хайям, война, женщина, патриотизм

Для цитирования: Хушкадамова Х. О. Путь от безысходности до «феномена мирового масштаба»: опыт биографического анализа творческой деятельности Гулрухсор Сафиевой // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2024. Вып. 4 (857). С. 148–155.

Original article

The Path From Despair to a “Global Phenomenon”: an Experience of Biographical Analysis of the Creative Activity of Gulruhkhori Safieva

Khalimakhon O. Khushkadamova

*Moscow State Institute of International Relations
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
Writers' Union of Tajikistan, Dushanbe, Tajikistan
kh.o.khushkadamova@inno.mgimo.ru*

Abstract. This article attempts to explore the Moscow period of the biography of the famous Soviet and Tajik poetess, prominent public figure, Gulruhkhori Safieva, through a sociocultural analysis. As a sociocultural method, it allows for the study of social transformations that are rapidly occurring in society and helps to determine the role of the “ideal type” within them. The author employs an interdisciplinary approach, specifically combining methods from sociology and philology (literature of the peoples of the world).

Keywords: Gulruhkhori Safieva, new strokes of biography, poetry, Persian-Tajik culture, Khayyam, war, woman, patriotism

For citation: Khushkadamova, Kh. O. (2024). The Path from Despair to a “Global Phenomenon”: An Experience of Biographical Analysis of the Creative Activity of Gulruhkhori Safieva. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 4(857), 148–155. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война в Таджикистане (1992–1997) вынудила людей, независимо от национальности, убеждения и отношения к противостоянию, покинуть родину. Уезжали в основном в страны, ставшими тогда не по воли народа постсоветскими. Парадокс в том, что беспорядки начались тогда, когда Таджикистан приобрел государственную независимость, а таджикский язык – государственный статус. Хотя любой переезд в другую страну чреват сложностями, связанными с изменениями окружения социального, культурного и языкового характера, благодаря знанию русского языка и своей до недавнего времени единой культурной идентичности, часть таджиков и таджикстанцев нашли себе применение в новых независимых государствах – России, Киргизии, Белоруссии, Узбекистане и др. Большой наплыв творческих людей, врачей, ученых и представителей многих других профессий в российскую столицу был обусловлен ее статусом в недавнем прошлом – центром культуры и науки великой державы. По наблюдению автора, определенная часть из них перебиралась в страны дальнего зарубежья после пары лет адаптации в российской столице, улучшая свое материальное положение, приобретая опыт проживания в мегаполисах или получая рекомендации от известных на тот момент организаций разного толка. Однако многим пришлось оставить свои профессии, терять приобретенные позиции, осваивать новые навыки и специальности как в России, так и в других странах мира.

Автор изучила московский период жизни известной таджикской поэтессы Гулрухсор Сафиевой, используя биографический метод, одно из преимуществ которого «связано с тем, что этот метод в качестве точки отсчета использует отдельного человека, а не социальный институт. Особенно важно «не привязываться к определенному социальному институту в эпоху интенсивных трансформаций» [Туторский, 2010, с. 16]. Отражение биографических фактов сохраняется во времени благодаря языку, текстам, т. е. историческим источникам, и носителям культуры [Троцук, 2004]. Также сделан упор на концепцию социологии жизни, которая «оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут» [Тощенко, 2015, с. 116]. В исследовании использован метод включенного наблюдения – результаты наблюдения автора публикации, которая стала свидетелем многих событий московской

биографии Гулрухсор¹. Нельзя не согласиться с А. Туторским, который считает, что «по сравнению с наблюдением биографический метод дает большее количество информации, хотя она менее глубока по проникновению в культуру» [Туторский, 2010, с. 20]. Однако использование этих двух методов в совокупности дает возможность глубже понять внутренний мир человека, о чем свидетельствует данное исследование. Таким образом, «Социология как культурный анализ оказывается шире и масштабнее... она предполагает не только объективное изучение социальных процессов и явлений, но и изучение предпосылок и условий этой объективности. При этом, социология возникает и продолжается существовать как наука о культуре» [Ионин, 1996, с. 13].

Эмпирической базой исследования послужили нарративы о Гулрухсор Сафиевой, труды поэтессы, написанные в годы ее проживания (1992–1998) в новой России, исследования, проведенные в последние годы в Таджикистане, материалы СМИ². Это обусловлено тем, что рухнула великая империя, и, интервью с некогда масштабной творческой и государственной личностью, вынужденно приехавшей из-за гражданской войны в Россию, не могло не заинтересовать средства массовой информации. Введение этих материалов в научный оборот помогает раскрыть образ известного человека двух поколений. «Каждый документ неповторим. Человек начинает рассказывать... У рассказчика сверхзадача: вернуться в общность, включить себя в исторический поток, понять, что происходит – для того, чтобы жизнь продолжилась. Создается *значимая смысловая структура*, которая позволяет ему разрешать жизненные проблемы. Это тот источник, откуда черпаются рецепты как понимать, как делать. Посредством языка человек обретает род институционализированной программы для повседневной жизни... Исследователь пытается ответить на вопрос ... *как человек изобретает самого себя?*» [Козлова, 2004, с. 18].

¹С Гулрухсор нас связали еще два витка карьеры: обе мы в разные годы были корреспондентами главной молодежной газеты республики – «КомсомолиТоҷикистон», а позже, в разное время, главными редакторами таджикской «Пионерки» – «ПионериТоҷикистон». В Москве я открыла ее для себя заново как зрелого, сформировавшегося поэта, как человека и (как бы банально это ни звучало), всесторонне развитую личность. См.: Хушқадамова Х. О. Стихи от самого сердца: таджикская поэтесса Сафиева отмечает юбилей. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20171217/stihi-ot-samogo-serdca-tadzhikskaya-poetessa-safieva-otmechaet-yubiley-1024181284.html>. В тот период автор работала пресс-секретарем Посольства Таджикистана в России (1993–2003).

²В выборку вошли 33 документа: выступления, интервью, сборники стихов, исследовательские труды, отдельные стихотворения и статьи, написанные или изданные как Гулрухсор Сафиевой, так и другими авторами с 1992 по 1997 год.

Гулрухсор происходит из дальнего горного села, училась в обычном советском интернате. Словно подтверждает «мысль о связи между существованием системы и свойствами ее агентов, о человеке как источнике и начале любого социального изменения» [там же, с. 16]. Героиня, несмотря на перипетии 1990-х годов, продолжала творить и в ее творчестве, и в ее биографии явно прослеживается влияние переломной эпохи, т. е. это тот случай, когда через описание истории жизни писателя раскрывается сама эпоха. В определенной мере все замысли исследователя, благодаря удачному выбору методов – биографический метод, наблюдение, интервью, традиционный и мотивный анализ текста – соединены и раскрыт образ творческой личности уходящей эпохи, которая благодаря своему богатому жизненному опыту и присущей ей энергией смогла себя выразить в новых условиях. Через моменты истории ее жизни вырисовывается лицо той уходящей эпохи. Можно красноречиво описать творческую личность Гулрухсор словами Б. В. Томашевского из книги «Литература и биография»: «не послужной список и следственное дело, а та творимая автором легенда его жизни, которая единственно и является литературным фактом» [цит. по: Гетманская, 2007, с. 127].

ШТРИХИ К НОВОЙ СТРАНИЦЕ ЖИЗНИ ГУЛРУХСОР

Гражданскую войну 1992–1997 годов считают великой трагедией таджиков. Гулрухсор стала свидетелем и жертвой войны¹. Известную личность, поэтессу, общественного деятеля Гулрухсор Сафиеву тогда спасли военные и вывезли ее из Таджикистана.

Так, новая страница жизни советской и таджикской поэтессы началась в Бишкеке и продолжилась в Москве. Вдали от семьи она своим пером и словом сделала всё от нее зависящее для прихода мира на растерзанную войной таджикскую землю. О войне много написано и многое предстоит написать. Чем дальше уходит время, тем больше появляется возможностей, чтобы сделать медийным тот или иной факт таджикской истории войны и мира.

В 2021 году в публичном пространстве появился один ранее неизвестный штрих к исследуемому периоду биографии Гулрухсор – раскрыта ее роль в укреплении мира в Таджикистане. Первый

президент Киргизии (1990–2005) Аскар Акаев², рассказывая в год 24-летия подписания мирного договора об очередном раунде межтаджикских переговоров в Бишкеке (16–18 мая 1997 года), отметил, что «в том решающем раунде переговоров большую роль сыграла Сафиева»³. Гулрухсор, которая пользовалась огромным уважением в таджикском обществе как выдающаяся поэтесса, смогла убедить лидеров Объединенной таджикской оппозиции продолжить переговоры с официальным Душанбе. По мнению А. Акаева, счастливым образом разрешилась и ситуация Гулрухсор. В тот период в Бишкеке отмечали ее 50-летие, и он смог лично поблагодарить поэтессу. Тогда у них всё получилось: Бишкекское перемирие в определенной мере открыло путь к долгожданному миру на Таджикской земле. Уже в июне 1997 года стороны межтаджикского противостояния подписали исторический мирный договор⁴. Не в этом ли «отчетливая жизненная позиция», «гражданственность поэзии», достоинство «видеть в своих героях прежде всего человека» и «мыслить образами своей эпохи», выделенными когда-то ее наставником великим Чингизом Айтматовым (1928–2008) [Айтматов, 2008].

В гражданской войне нового Таджикистана было трудно определить виновных и невиновных, из-за этой неопределенности ярлык врага навешивали кому попало: кому-то за то, что представлял не тот регион, кто-то не так одевался, особенно женщины, активность проявлял там где неуместно было и т. д. И, конечно, как и во всех стихийных противостояниях появлялись группы, которые использовали беспорядки в своих личных целях:

²Гулрухсор и Аскар Акаев были депутатами Верховного Совета СССР (1989–1990) и с тех пор дружат семьями.

³Как Киргизия мирила таджикстанцев. Большое видеосообщение с Акаевым. URL: <https://ru.sputnik.kg/20210520/kyrgyzstan-tadjikistan-akaev-peremirie-grazhdanskaya-voyna-1052554281.html> (дата обращения: 24 марта 2022). Также см.: А. Батилов. Хотя не хватало нам самим, мы пшеницу отправляли соседу // Жаны ордо. № 17 от 07.05.2021. URL: https://www.gezitter.org/interviews/97242-hotya_ne_hvatalo_nam_samim_myi_pshenitsu_otpravlyali_sosedu_askar_akaev_o_nashey_pomoschi_tadjikistanu_v_90-e_godyi/ (дата обращения: 24.03.2022).

⁴27 июня 1997 года в Москве Президент Таджикистана Эмомали Рахмон и лидер Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) Саид Абдулло Нури подписали «Общее соглашение о мире и национальном согласии в Таджикистане». За пять лет противостояния война унесла жизни более 150 тыс. человек. Миллионы граждан были вынуждены стать беженцами и искать помощи в других странах. Финансовый ущерб, нанесенный войной Таджикистану, составил 7 млрд долл. Ныне 27 июня в Таджикистане празднуют День национального единства республики. Подробнее см.: День национального единства Таджикистана 2021: значение праздника. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20190627/den-natsionalnogo-edinstva-tajikistan-1029242419.html> (дата обращения: 12.01.2022).

¹Соломонова Ольга. «Я – крик тишины в грохоте канонады» // Труд. 18.01.2000.

наживаться за счет других, грабить имущество вынужденных беженцев, насиловать беззащитных женщин и элементарно мстить за какие-то свои, по их мнению, когда-то нанесенные обиды и т. д.

Гулрухсор тоже настигла эта беда: война в лице убийц постучала и в ее дом. Гулрухсор не говорит о том периоде безысходности, а констатирует, что занимается своим делом жизни *превращается* «во внутреннюю активность, жизненную необходимость» [Тощенко, 2016, с. 8]. Она достигает «желаемых целей, к которым на основе глубокой внутренней мотивации стремится» [там же, с. 9].

ПЕРЕЛОМ В ТВОРЧЕСТВЕ И СУДЬБЕ

В московский период Гулрухсор совместно с друзьями по перу Андреем Вознесенским, Риммой Казаковой, Татьяной Бек и др. приняла участие в создании Международной академии мировой культуры¹. Они проводили мероприятия литературно-культурного характера, обменивались мнениями. Не раз организовывались вечера с поэтессой, которые со временем стали традиционными и получили название «Московские встречи»².

В 1998 году, когда долгожданный мир после пятилетней гражданской войны пришел на таджикскую землю Г. Сафиева вернулась в Таджикистан, однако продолжала приезжать в Москву, в свой дом, откуда как она говорит, никогда не уходила и который приютил ее в тяжелейший период ее жизни. Здесь ее поэтические вечера проводились с той же регулярностью. На одной из таких встреч³ поэтесса Татьяна Кузовлева (г. р. 1939) прочла в авторском переводе стихотворение Гулрухсор «Я ради тебя в этот мир пришла»:

Ты был моим,
А я была твоею.
Но ты – с другой,
А я с другим старею.

¹Шоири саршиноси тоҷик Гулрухсор Сафиева имрӯз 70-сола шуд. Гулрухсор президенти Академияи байналмилалӣ фарҳанги Евро-Осие (1994–2004 Русия). URL: <https://sputnik.tj/20171217/zodruzugi-gulruhsor-safieva-1024189304.html> (дата обращения: 19.02.2024).

²Хушқадамова Х. О. Стихи от самого сердца: таджикская поэтесса Сафиева отмечает юбилей. Таджикистан // Новостное агентство Sputnik (17.12.2017). URL: <https://tj.sputniknews.ru/20171217/stihi-ot-samogo-serdca-tadzhikskaya-poetessa-safieva-otmechaet-yubiley-1024181284.html>

³Герасимов А. Дочь Таджикистана. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2008-09-18/3_tajikistan.html?id_user=Y (дата обращения: 20.03.2022).

Эти строки давно стали классикой, поэтому известная русская поэтесса не могла не отметить что «...мы говорим на одном языке, который, как писал Пастернак, идет «поверх барьеров». В этом смысле Гуля – один из послов великой поэзии. Муза ее трагична, о чем бы она ни писала, а это – показатель подлинности таланта»⁴. В этих лаконичных строках запечатлена история Гулрухсор. Как могла она в свои пятнадцать лет написать такие жизненные строки? Если вдуматься, в них можно увидеть жизнь каждого из нас, независимо от национальной и региональной принадлежности. Поэтесса называет эту «прозорливость подростка» «прозорливостью поэзии», которая, по ее мнению, «рождается в нас какими-то неземными силами, но живет отдельно от нас» [Гулрухсор, 1995, с. 5]. В 1994 году была издана «таджикская книга» – «Зодрузи дард»⁵, которая, после перевода на русский язык, стала также и «русской книгой» – «День рождения боли» [там же]. Автор называет ее «адовой книгой», которая трансформировала ее самоощущение, мировоззрение, убеждение. Происходит некий перелом и в ее сознание, и в творчестве и в судьбе. Стихи об унижающей боли не только диктуются свыше, пришла к выводу она, «а с небес унижающей болью проливаются дождем» [там же, с. 8]. Поэтесса «впервые для себя открыла тайну своего ремесла: не мы пишем книги, не мы выплакиваем стихи – это они пишут и выплакивают нас» [там же, 9–10].

Пришла беда.

Пришла или привели ее – теперь нам не едино [Гулрухсор, 1995, с. 3].

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ

Пережив гражданскую войну и чудом оставшись живой, Гулрухсор впервые показала в своей книге «Зан ва чанг» («Женщина и война») истинное лицо войны [Гулрухсор, 2004]. Письма, которые составляют эту книгу, содержат боль, переданную Гулрухсор разными путями – через обычные письма, телефонные звонки и устные рассказы. Простые люди обращались именно к ней, как к владеющей словом, которая может повлиять на ситуацию и возможно, как к человеку, пережившего войну, видевшего близко ее ужасы. Гулрухсор называет авторов этих посланий «истерзанными сердцами». Создателями 98 % нарративов, собранных Гулрухсор в этой книге, являются женщины. В них

⁴Там же.

⁵Гулрухсор. Зодрузи дард. Шерҳи нав. Манзума. М.: Semetey, 1994.

отражается не только положение таджикского общества того периода, но и фрагмент языковой картины мира носителей таджикского языка, эмоциональное состояние субъектов коммуникаций – свидетелей гражданской войны 1992–1997 годов в Таджикистане [Хушкадамова, Березина, 2019].

«Как только ступили ногой на землю Афганистана, вначале наши мертвые обрели обитель, затем и для нас построили камышовые шалаши... – это строки из письма тетушки Мохтоби, Вахшский р-н. – Волею судьбы мы, несчастные, с малыми детьми... видя днем горы, а ночами мерцающие огни Родины по ту сторону реки, от боли и горя извивались... Никто не питал ни малейшей надежды на жизнь, тем более на возвращение в родные места» [Звенящая лира, 2008, с. 165]. Обращения женщин отражают «эмоциональное состояние... свидетелей гражданской войны 1992–1997 годов в Таджикистане» [там же, с. 132]. Эти нарративы обычных женщин возможно «рядовых и не совсем грамотных... Общество держится отнюдь не только институциональными взаимодействиями» [Козлова, 2004, с. 21]. Гулрухсор еще раз убедилась, что такие противоположные понятия, как женщина и война, в жизни порой сталкиваются лицом к лицу. В восточной культуре принято в сложных жизненных ситуациях обращаться к мудрецам. Гулрухсор, талантливый поэт и сильная личность, стала таким доверенным человеком для женщин, переживших войну. К теме войны она обращалась еще ранее, написав первый роман о судьбе женщин края в годы ВОВ под названием «Женщина Сабзбахора»¹, став в Таджикистане первой женщиной-романистом.

«ПЛАКАЛА КАПЛЯ ВОДЫ» – ОБЪЕМНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РУБАИ ОМАРА ХАЙЯМА

В 2001 году в Москве был издан уникальный литературоведческий труд «Плакала капля воды» – рубаи Омара Хайяма, составителем которого была Гулрухсор. Вроде бы это уже другой этап жизни поэтессы. Однако, по нашим наблюдениям, эта работа занимала ее все годы проживания в столице России и именно ее можно назвать итогом эволюции взглядов поэтессы. В процессе работы над этим уникальным исследованием, Гулрухсор не раз колесила по маршруту Тегеран – Москва. Общалась с экспертами, сверяла каждое слово, каждый свой вывод. Сегодня она как постоянный член Академии персидского языка и литературы

¹Гулрухсор. Занони Сабзбахор. Душанбе: Адиб. 2019. (на тадж. яз.). Гулрухсор. Женщины Сабзбахора. Душанбе: Адиб, 2019.

летает в Исламскую республику Иран из Душанбе прямым рейсом. Тогда же даже в Москве не было развитой транспортной логистики, но она, погрузившись в работу, не замечала никаких неудобств.

Сайид Расул Мусави, посол ИРИ того времени, назвал книгу «влюбленным взглядом поэта на творчество своего гениального собрата» и выразил мнение, что не считает необходимым представлять Гулрухсор читателям, «ибо нет такого человека, который, зная, что есть такая земля – Таджикистан, не слышал бы о Гулрухсор» [Сайид Расул Мусави, 2001, с. 6]. Тогда в Москве состоялась презентация издания, ведущим которой стал народный артист СССР Армен Джигарханян (1935–2020). Великий мастер, удовлетворенный тогда встречей, долго беседовал с поэтессой, в частности привел один момент из своей биографии. Оказалось, что его няней была персиянка. Презентацию проводило издательство «Совершенно секретно».

По происшествии нескольких лет советская и российская журналистка Ядвига Юферова представила Гулрухсор аудитории «Российской газеты» «как исследователя, который «увел Омара Хайяма из кабака». Гулрухсор проанализировала все пять тысяч рубаи, приписываемые великому поэту, и пришла к выводу, что большинство из них – фольклор»². В этот же период научно-исследовательский институт таджикско-персидской культуры издал более полную версию ее исследования под названием «Признание рубаи Омара Хайяма»³. Обе книги являются результатом долгого поиска и бессонных ночей поэтессы. Они составлены из стихов, по ее мнению, сочиненных самим Хайямом. В то же время «Результат активности людей не зависит от отдельного человека, а от всего целостного и подвижного человеческого переплетения» [Козлова, 2004, с. 23].

Позже Гулрухсор рассказала, что из пяти тысяч приписываемых Хайяму рубаи, аутентичными являются лишь 350. По ее мнению, «...Хайяму приписывают даже те рубаи, которые писали женщины. Всегда подозревала, что не может мужчина так сказать: “словно тюльпан мои щеки, словно кипарис мой стан...” Такой мудрец, как Хайям, не может сотню раз, как попугай, повторять: пей вино, пей вино... Если Хайям кого-то и приглашает, то не в кабака, а по-персидски – в “куништ”, это место не имеет ни начала, ни конца... Трудно найти одно слово в русском языке... Это подобие рая на земле...»⁴. Со дня

²Юферова Ядвига. Поэт по чрезвычайным поручениям // «Российская газета». 2006. № 4234.

³На тадж. языке: «Шинохти рубоиеи Умари Хайем». Душанбе, 2000.

⁴Юферова Ядвига. Поэт по чрезвычайным поручениям // «Российская газета». 2006. № 4234. URL <https://rg.ru/2006/11/28/poet.html> (дата обращения: 30 июня 2024).

выхода книги «Плакала капля воды»¹ прошло более 20 лет. В ходе подготовки данной публикации автор побеседовала с Гулрухсор об этой уникальной работе². «Представляешь, – сказала поэтесса, – в Иране, на родине Хайяма, где я участвовала и участвую во многих серьезных форумах, никто за это время не опроверг меня...». Более того, Гулрухсор в 2022 году стала постоянным членом Академии персидского языка и литературы. Членство в академии – в этой солидной иранской структуре, объединяющей иранистов со всего мира, равно позиции академика³. Несомненно, что этот труд тоже сыграл свою роль в продвижении ее статуса. В контексте открытости обществ у литераторов Таджикистана и Ирана также появилась возможность чаще встречаться и обогащать свою персидско-таджикскую культуру. В 2014 году, когда не стало иранской поэтессы Симин Бехбахани, Гулрухсор в беседе⁴ с автором рассказала, что Симин была для нее не только наставником, но и подругой и матерью. С. Бехбахани достигла небывалой творческой высоты, став устодом (мастером, учителем) персидской газели на уровне мировой литературы. «К сожалению, – добавила Гулрухсор, – ее нужно было чтить при жизни». Этот посыл стал решающим для исследования московского периода жизни.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ биографии советской и таджикской поэтессы, прозаика, переводчика, исследователя Гулрухсор во время ее проживания в России показывает, что этот период был плодотворным, насыщенным новыми идеями и их реализацией. Его стоит рассматривать как этап творческой эволюции и перевоплощения поэтессы в исследователя жизни, описание которой в разных жанрах без ее таланта было бы невозможно. Поэтесса шла как личность к своему полувековому юбилею – пику накопления жизненного и профессионального опыта. Именно в этот период произошли глобальные события мирового значения – распад великой державы, в результате – братоубийственная война на ее родной земле,

которая вроде бы обрела независимость, а ее родной язык – государственность. Однако последовавшие трагические события ее не сломили.

1992–1998 годы Гулрухсор называла своей «поэтической судьбой». В этот период у нее появилась возможность вернуться на свою историческую родину, что дало толчок ее дальнейшему росту.

2022-й стал годом ее 75-летия. В России ее признали как «художественное явление мирового масштаба». «Творческое наследие Гулрухсор Сафиевой является одной из тех многочисленных важных нитей, что соединяют территорию бывшего СССР в единое гуманитарное пространство», – поздравляя ее с юбилеем, отметил Спецпредставитель президента России по международному культурному сотрудничеству⁵. Посол России в этой связи посетил поэтессу в ее особняке, поздравляя, вручил ей текст послания Михаила Швыдкого⁶. В конце 2023 года Гулрухсор вошла в список «Топ-100 выдающихся личностей страны» за вклад в развитие литературы, современной поэзии в Таджикистане и стала лицом города Душанбе⁷. В марте 2024 года в Душанбе Общество поддержки персоязычных соотечественников вручило ей Международный знак Канди порси⁸... Ее стихотворение «Шоҳнома» Ватан аст» («Шахнаме – это Родина») ныне популярно в персоязычном мире, а тема патриотизма актуальна как никогда в мире⁹. На вопрос: «Как ей помогает популярность?» – Гулрухсор отвечает, что это поддержка девушек и молодых женщин, которые пишут, творят чудеса несмотря ни на что. Она очень занята по линии Международной академии мирового стиха¹⁰, участвует в мероприятиях языково-культурного характера, вносит вклад в воспитание молодых литераторов. При этом поклонники

⁵Спецпредставитель президента России поздравил таджикскую поэтессу Сафиеву с юбилеем. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16602325>.

⁶Посол России поздравил знаменитую Гулрухсор Сафиеву с юбилеем. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20221216/posol-russia-safieva-pozdravil-1053559318.html>

⁷2023 году медиа-платформа dushanbe.me (dume.tj) включила Гулрухсору Сафиеву в список «Топ-100 выдающихся личностей страны» за ее вклад в развитии литературы, современной поэзии в Таджикистане. URL: <https://dume.tj/gulruhsor-safieva/>

⁸Мехрофарин Начибӣ, Исматуллоҳи Абдуллоҳ, Сухангӯфтан на осон аст ин ҷо". Ба Гулрухсор ҷоиҳои "Қанди порси" тақдим шуд. URL: <https://old.asiaplustj.info/tj/news/tajikistan/20240320/suhanguftan-na-oston-ast-in-o-ba-gulruhsor-oizai-andi-pors-tadim-shud>

⁹Поэма «Шахнаме» – история об иранской государственности Хакима Абдулькасима Фирдоуси, написана в период с 976 по 1011 года. Переведена на многие языки мира, в том числе на русский язык и принадлежит советской переводчице Ц. Б. Бану-Лахути, осуществлен в 1957–1989 годах.

¹⁰Гулрухсор раиси Фарҳангистони байналмилалии Шеърӣ ҷаҳон мебошад резиденти Академияи байналмилалии фарҳанги Евро-Осие (1994–2004, Русия) <https://sputnik.tj/20171217/zodruzi-gulruhsor-safieva-1024189304.html> Шоири саршиноси тоҷик Гулрухсор Сафиева имрӯз 70-сола шуд

¹Плакала капля воды. Коллекция «Совершенно секретно» / состав. Гулрухсор Сафи. М., 2001.

²Телефонное интервью состоялось 22 июня 2021 г. См.: Хушкдамова Х. О. Стихи от самого сердца. URL: <https://tj.sputniknews.ru/20171217/stihi-ot-samogo-serdca-tadzhikskaya-poetessa-safieva-otmechaet-yubiley-1024181284.html>

³Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ яке аз бонифузарин марказҳои илми таҳқиқ ва тарғиби забону адаби форсӣ дар ҷаҳон буда, мақоми Академияи улумро дорад ва узвияти он баробар ба унвони академики аст. URL: <https://asiaplustj.info/tj/news/tajikistan/society/20230605/gulruhsor-dar-teron-sesadsol-moro-az-am-udo-kardand>

⁴Телеинтервью с Гулрухсор от 22 июня 2021 года.

ее таланта открывают посвященные ей страницы в социальных сетях, публикуют ее стихи, их переводы на другие языки, ее выступления на многочисленных форумах советского и постсоветского периода. Изучая небольшой период жизни Гулрухсор, убеждаешься, что этот тот случай, когда «осознается, что сам идеальный тип “не налагается”, но складывается через интенсивное изучение “случаев»» [Козлова, 2004, с. 16]. В одном телеинтервью¹ хотелось задать ей несколько вопросов, в том числе о периоде безысходности в ее жизни и жизни народов – советского, таджикского и других, однако наш необычный респондент перевела разговор в другую плоскость. В частности поделилась своим впечатлением о своей встречи на презентации книги очерков «Люди русской науки в Таджикистане», о тех, кто работал в республике в советские годы, с прибывшем в Душанбе Специальным представителем президента России

по международному и культурному сотрудничеству Михаилом Швыдким². Гулрухсор, по ее словам, предложила провести всемирный симпозиум по творчеству великого Хайяма в Москве. Как показывает данное исследование, Гулрухсор всегда в работе, творит, предлагает, сделает всё, что в ее силах как посла великого слова, общественно-го деятеля, связующей нити двух цивилизаций таджикско-персидской и русской, и становится своего рода мостом культуры между тремя странами – Таджикистаном, Россией и Ираном. Это и есть задача социологии, о котором еще говорил Зигмунт Бауман: «активное участие в продолжающихся усилиях по переосмыслению того меняющегося состояния, в котором оказывается “всё более индивидуализируемые индивиды”, борющиеся за внесении смысла и цели в свои жизни» [Бауман, 2000, с. 16].

²URL: <https://mir24.tv/news/16593637/shvydkoi-obsudil-v-dushanbe-kulturnoe-sotrudnichestvo-rossii-i-tadzhikistana> (дата обращения: 30.06.24).

¹Телеинтервью состоялось 30 июня 2024 года.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тutorsкий А. В. Биографический метод сбора полевой информации // Полевая этнография – 2008: сборник трудов конференции международной научной конференции. Санкт-Петербургский государственный университет. 2010. С. 11–21.
2. Троцук И. В. Нарратив как междисциплинарный методологический конструкт в современных социальных науках // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. 2004. № 6–7. С. 56–74.
3. Тощенко Ж. Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1. С. 106–116.
4. Ионин Г. Социология культуры. М.: Логос, 1996.
5. Козлова Н. Н. Методология анализа человеческих документов // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 14–26.
6. Гетманская Е. В. Жанры биографического текста в школьных учебниках литературы // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. 2007. № 1. С. 126–129.
7. Айтматов Ч. В том саду она поет. Звонящая лира. Юбилейная книга, посвященная творческой и общественной деятельности Народного поэта Таджикистана, лауреата Государственной премии имени Рудаки Гулрухсор Сафи ; сост. С. Г. Суслова. Душанбе: Деваштич, 2008.
8. Тощенко Ж. Т. Смысл жизни: опыт анализа с позиций социологии жизни // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 3–14.
9. Гулрухсор. День рождения боли : пер. с тадж. (фарси) Т. Бек. М.: SEMETEY, 1995.
10. Гулрухсор. Зан ва чанг. Душанбе: Деваштич, 2004.
11. Хушкадамова Х. О., Березина А. В. Концепт ҒАРИБИ («скитание») в таджикской языковой культуре: опыт лингвокультурного анализа // Филологические науки в МГИМО. 2019. № 18(2). С. 128–135.
12. Звонящая лира / сост. С. Г. Суслова. Душанбе: Деваштич, 2008.
13. Сайид Расул Мусави. Омар Хайям. Плакала капля воды. М., 2001. (Коллекция «Совершенно секретно»).
14. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.

REFERENCES

1. Tutorskii, A. V. (2010). Biographical method of collecting field information. Poleyaya etnografiya–2008. International science conference (pp. 11–21). St Petersburg University. (In Russ.)

2. Trotsuk, I. V. (2004). Narrative as an interdisciplinary methodological construct in modern social sciences. RUDN Journal of Social Sciences. Sotsiologiya, 6–7, 56–74. (In Russ.)
3. Toshchenko, Zh. T. (2015). Sociology of life as a theoretical concept. Sotsiologicheskie issledovaniya, 1, 106–116. (In Russ.)
4. Ionin, G. (1996). Sotsiologiya kul'tury = Sociology of culture. Moscow: Logos. (In Russ.)
5. Kozlova, H. H. (2004). Methodology for the analysis of human documents. Sotsiologicheskie issledovaniya, 1, 14–26. (In Russ.)
6. Getmanskaya, E. V. (2007). Zhanry biograficheskogo teksta v shkol'nykh uchebnikakh literatury. Bulletin of N. A. Nekrasov Kostroma State University, 1, 126–129. (In Russ.)
7. Aitmatov, Ch. (2008). V tom sadu ona poet/Zvenyashchaya lira. Yubileinaya kniga, posvyashchennaya tvorcheskoi i obshchestvennoi deyatelnosti Narodnogo poeta Tadjikistana, laureata Gosudarstvennoi premii imeni Rudaki Gulrukhsor Safim = In that garden she sings. The tinkling lyre. An anniversary book dedicated to the creative and social activities of the National Poet of Tajikistan, winner of the Rudaki Gulrukhsor Safiev State Prize. Comp. S. G. Suslova. Dushanbe: Devashtich. (In Russ.)
8. Toshchenko, Zh. (2016). The meaning of life: the experience of analysis from the standpoint of the sociology of life. Sotsiologicheskie issledovaniya, 11, 3–14. (In Russ.)
9. Gulrukhsor. (1995). Den' rozhdeniya boli / per. s tadjh. (farsi) T. Bek. = The Birthday of Pain. Translated from Tajik (Farsi) by T. Beck. M.: SEMETEY. (In Russ.)
10. Gulrukhsor (2004). Zan va chang. Dushanbe: Devashtich. (In Taj.)
11. Khushkadamova, Kh. O., Berezina, A. V. (2019). Concept FARIBŪ Gharib ("wandering") in the Tajik language culture: the experience of linguistic and cultural analysis. Philosophical Sciences at the Moscow State Institute of International Relations, 18(2), 128–135. (In Russ.)
12. Suslova, S. G. (Comp.). (2008). Zvenyashchaya lira = The ringing lyre. Dushanbe: Devashtich. (In Russ.)
13. Saiid Rasul Musavi. (2001). Omar Khaiyam. Plakala kaplya vody = A drop of water was crying. The collection is «Top secret». Gulrukhsor Safi (ed.). Moscow. (Kollektsiya "Sovershenno sekretno") (In Russ.)
14. Bauman, Z. (2005). Individualizirovannoe obshchestvo = Individualized society. Moscow: Logos. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хушкадамова Халимахон Отамбековна

доктор социологических наук

профессор кафедры индоиранских и африканских языков

Московского государственного института международных отношений

Министерства иностранных дел Российской Федерации

член Союза писателей Таджикистана

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khalimakhon Otambekovna Khushkadamova

Doctor of Sociology (Dr. habil.)

Professor of Indian, Iranian and African Languages Department

of Moscow State Institute of International Relations

of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Member of the Writers' Union of Tajikistan

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.09.2024
21.10.2024
18.11.2024

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Общественные науки
Выпуск 4 (857)

VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Social Sciences
Issue 4 (857)

Редакторы: *В. А. Геронимус, Н. Г. Павлова*
Компьютерная верстка: *Г. П. Лопатина*
Дизайн макета: *А. В. Алымов*

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 23.12.2024
Усл. печ. л. 19,5. Формат 60x90/8
Заказ № 106/24

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей:

- 5.4. Социология
- 5.5. Политические науки
- 5.6. Исторические науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Исторические науки», «Политические науки», «Исторические науки. Политические науки», «Общественные науки».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66050 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: mslu-soc.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание обязательна.